

Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение
«ИНСТИТУТ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СРАВНИТЕЛЬНОГО
ПРАВОВЕДЕНИЯ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Поворова Елена Александровна

**МЕДИАТИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ С ПОЗИЦИЙ
ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПРАВА**

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук,
Гаджиев Ханлар Иршадович

Москва
2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	2
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕДИАТИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ	20
1.1. Конструирование правового пространства в рамках постклассического исследования права.....	20
1.2. Теоретико-правовая методология исследования медиатизации в информационном обществе	57
1.3. Медиатизация правовой сферы как направление взаимодействия общества и государства	89
ГЛАВА 2. ПОСТКЛАССИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ МЕДИАТИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ	106
2.1. Медиатизация судебной власти как объект познания юридической постклассической науки.....	106
2.2. Принцип открытости судебной власти и его реализация в информационном обществе.....	128
2.3. Информационно-правовая политика судебной власти в контексте медиатизации общества	142
ГЛАВА 3. НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ И НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИЕ НАЧАЛА В КОНТЕКСТЕ МЕДИАТИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ....	157
3.1. Аксиология судейской этики в условиях медиатизации общественных отношений	157
3.2. Институт уважения к суду в условиях медиатизации судебной власти в информационном обществе	185
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	201
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	207

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В сфере общественных отношений происходят масштабные изменения, вызванные стремительным развитием технологий, экономики, политики, культуры и права. Эти изменения носят глобальный характер в силу взаимосвязанности процессов жизнедеятельности человечества и очерчивают уклад современного общества как информационный.

Усложнение жизни социума привело к тому, что в науковедении, или эпистемологии, стали меняться типы научной рациональности, проходя в этом процессе три стадии – классическую, неклассическую и постнеклассическую (по характеристике академиков В.С. Степина, Т.Я. Хабриевой), или постклассическую (по характеристике И.Л. Честнова, А.В. Полякова). В настоящем исследовании в качестве базовых восприняты подходы постклассического исследования права.

Современные исследователи (Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров), размышляя о новой социальной реальности, видят в ней сложное комплексное явление, динамично и противоречиво сочетающее в себе различные элементы и их характеристики, такие как подвижность в состоянии социальных сообществ и социально-правовых институтов, уровень правосознания, система органов публичной власти, информационные технологии, новые системы коммуникации между людьми и общественными, властными структурами. Как отмечает Т.Я. Хабриева, «юриспруденция восприняла концепции самоорганизации сложных открытых нестабильных систем, часто именуемых обобщенным термином "синергетика"», что было воспринято и развивается «адептами от юридической науки с привязкой к «постклассической юриспруденции»¹.

Ключевым фактором, определяющим актуальность вопроса медиатизации судебной власти в контексте теоретико-правового научного дискурса, является трансформация социального пространства в целом, инициирующая смещение

---

¹ Хабриева Т.Я. Будущее права. Наследие академика В.С. Степина и юридическая наука. – М., 2020. – С. 75.

социальных и правовых практик в сторону феномена медиатизации, выступающего в качестве основы конструирования социальной реальности.

Юридическая наука в значительной степени обусловлена социокультурным контекстом общества – господствующим в нем типом правопонимания, сформированной в восприятии социума картиной мира, мировоззрением, и тем самым она относительно автономна в сфере социогуманитарного знания. Право – часть социокультурной формы существования общества, а значит, такое глобальное явление, как медиатизация, с неизбежностью воздействует и на право.

В то же время с точки зрения постклассических подходов право, как и любое социальное явление, не существует само по себе в виде объективной данности. Правовой социальности и права как таковых не может быть за пределами социальных представлений, без усвоения внешней социальной деятельности в индивидуальных смыслах. Поэтому представляется важным взять в качестве отправной точки исследования медиатизации использование принципа онтологического релятивизма. «Право – это социальное явление, обусловленное взаимодействиями с другими социальными феноменами, вне и без которых право не существует, и с обществом как социальным целым... нет правовых явлений (законов, индивидуальных актов, правоотношений), которые одновременно не были бы психическими (как писал в свое время Л.И. Петражицкий), экономическими, политическими и т.д. – в широком смысле – социокультурными феноменами»². Следовательно, судебная власть как общеправовой феномен нуждается в переосмыслении и поиске новых теоретико-правовых подходов ее реализации.

Один из новых исследовательских подходов, представленных в настоящей работе, делает возможным обоснование теоретико-правовой характеристики медиатизации судебной власти в контексте медиатизации общества в целом.

Важно отметить двусторонность воздействия медиатизации на общество: «Главной идеей медиатизации следует признать обратное влияние медиа на социальные институты. Не только жизнь влияет на медиа, но и медиа влияют на

---

² Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография. – СПб., 2012. – С. 70–71.

реальность. Все это придает совершенно иной статус медиа и медиареальности. Они отнюдь не являются чем-то факультативным по отношению к реальности. Они удерживают эту реальность в определенных параметрах, а также создают ее при определенных условиях»³.

Медиатизация как феномен видоизменяет структуру социокультурной жизни, но, несмотря на это, к настоящему моменту мало изучена отечественными теоретиками и философами права. Отсутствие сформулированных теоретических и философских правовых подходов, совершенно очевидно, значительным образом влияет на круг актуальных проблем в теории права и теоретических основах судебной власти.

Изучение судебной власти в условиях медиатизации общества предполагает выявление юридического инструментария, необходимого для правовой аргументации в преодолении правовых коллизий социального регулирования. Как отмечал С.С. Алексеев, «каждое исторически конкретное общество объективно требует строго определенной меры социального регулирования, иначе неизбежны отрицательные последствия для социальной системы – ее неорганизованность или, наоборот, ее излишняя регламентация ("заорганизованность"). Эта мера, выражающая объем и интенсивность социального регулирования, зависит от требований существующей общественной системы, от этапа развития общества, уровня его организованности»⁴. В новой социальной реальности «информация позволяет формировать вертикальное пространство, где почти не видны правовые границы, конфликты обостряются»⁵. Еще одной заслуживающей упоминания характерной чертой современной социальной реальности является то, что «до медиального поворота медиареальность была объектом права, но сейчас происходит осмысление того, что право действует в медиареальности и само выступает в качестве ее объекта»⁶.

---

³ Почепцов Г.Г. Медиатизация и ее последствия для социального управления // Psyfactor. 2016. URL: <https://psyfactor.org/lib/media25.htm>

⁴ Алексеев С.С. Теория права. – М., 1995. – С. 31.

⁵ Правовое пространство: границы и динамика: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. – М., 2019. – С. 13.

⁶ Архипов В.В. Семантические пределы права в условиях медиального поворота: теоретико-правовая интерпретация: дис. ... д-ра. юрид. наук. – СПб., 2019.

Правовая реальность зеркально отражает все многообразие социальных отношений, что не дает возможности воспринимать и описывать ее при помощи какого-либо одного исключительного, а тем более императивно-нормативного метода. Право, коммуникация, суд, судебная власть как выдающиеся явления мирового порядка и как синергетические объекты нуждаются в более широком взгляде на них, комплексном подходе при учете их своеобразия; для их исследования необходима включенность процесса познания в социокультурный контекст.

Судебная власть как общеправовой феномен подвергается тем же изменениям, что и общество, право в целом, что справедливо отмечалось исследователями судебной власти: «...объективные причины интереса к проблеме судебной власти – это глобальные изменения в мире, управление которым требует принципиально новых инструментов власти, в том числе и судебной. Изменение мира, изменение конструкции власти с неизбежностью влечет модификацию сущности судебной власти»⁷.

Регулируемое правом пространство общественных отношений становится все более обширным, появляется система понятий, которыми оперируют разные отрасли знания, но которые в юриспруденции приобретают сугубо автономный, юридический смысл.

Использование методологических установок постклассической науки, а равно интегративных подходов к праву формирует качественно новые представления о праве и его развитии в условиях современных вызовов цивилизации, а также открывает возможность понимания новых феноменов в правовом пространстве.

Медиатизация судебной власти как перспективное направление ее развития объединяет используемые в судопроизводстве цифровые технологии с информационной составляющей деятельности судов в рамках постклассической теории и философии права. Такой исследовательский подход к аспектам трансформации (эволюции) судебной власти в условиях медиатизации ее самой и

---

⁷ Колоколов Н.А. Судебная власть: от лозунга к пониманию реальности. – М., 2010. – С. 43.

общества в целом, во-первых, может найти отражение в основных правовых актах, направляющих и регламентирующих деятельность судебной власти, а во-вторых, предоставит эмпирический материал для дальнейшего развития постклассической юриспруденции.

При этом самостоятельные исследования, посвященные изучению медиатизации правового пространства, судебной власти и ценностного контекста коммуникативности, или диалогичности, во взаимном признании правосубъектности в рамках эволюционного процесса судебной власти, в настоящее время отсутствуют.

Постклассические исследования права, восходящие своими корнями к петербургской школе философии права Л.И. Петражицкого, М.М. Ковалевского и московской школе в лице П.И. Новгородцева, охватывающие несколько концепций, включая коммуникативную теорию права, социокультурную антропологию права, феноменологию, герменевтику, интегративное правопонимание, современный правовой реализм, позволяют рассматривать сложные социальные правовые модели, такие как медиатизация в многомерном правопорядке.

Поскольку право представляет собой социальное явление, пересмотр основополагающих принципов социальной картины мира не может не повлиять на состояние юридической науки, выводя ее на новый уровень, соответствующий ускорению и укреплению взаимосвязей и взаимозависимости между различными сферами бытия. Онтология правовой реальности свидетельствует о принципиальной важности поисков новых методов исследования, адекватных изменившимся историческим, социокультурным, информационным и медийным условиям общества и отвечающих на глобальные вопросы современности.

Право, как и все социальные институты, является результатом селективной эволюции культуры, в которой медиатизация играет значимую роль, детерминируя эволюцию общества посредством развития технологий фиксации и передачи информации и воздействуя на коммуникацию, диалог права, общества и власти. В настоящем исследовании акцент делается на коммуникативности форм

развития судебной власти. О суде как субъекте, реализующем коммуникативную функцию в правовом порядке, говорят ведущие теоретики интегративного подхода к праву⁸.

Медиатизация в диалогичности бытия правовой реальности, которая представляет собой единство взаимодействий индивидов и ментальных представлений, обуславливающих их воспроизводство (и тем самым воспроизводство социума (И.Л. Честнов)), играет определяющую роль в существовании и осуществлении естественных прав, устанавливая, поддерживая и развивая формы и способы коммуникации, посредством которых индивиды сообщают друг другу то, что они воспринимают, ощущают и желают.

Идея междисциплинарности позволяет рассматривать право как явление многоаспектное, интересубъективное, связанное с когнитивными способностями человека. Такой подход к эволюции научного познания ориентирует на изучение медиатизации, включенной в диалогический коммуникативный процесс изменения взаимоотношений человека, общества и власти, в постклассических эпистемологических традициях. Интегративный подход к праву, аксиоматично сформулированный в четырех тезисах о роли судебных решений, полноценно материализующих интеграцию права (В.В. Лазарев), в свою очередь, позволяет значительно расширить исследовательский инструментарий медиатизации судебной власти.

Свойственный для теории права и результатов теоретико-правовых исследований абстрактный уровень обобщений позволит представить роль медиатизации в эволюции судебной власти в целом, ее целей и задач в частности, исходя из постклассического подхода к пониманию особенностей развития права. Таким образом, актуальность выбранной тематики исследования определяется необходимостью:

– проанализировать основные характеристики современного общества, которое благодаря медиатизации может быть рассмотрено через диахронное

---

⁸ Лазарев В.В. Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решении суда // Журнал российского права. – 2017. – № 7. – С. 5–18.

бытие права – во взаимообусловленности и диалоге прошлого, настоящего и будущего (диалогический подход теории права);

– рассмотреть бытие правовой, социальной реальности и судебной власти, которые находятся в постоянном становлении и диалогическом взаимодействии с другими социальными феноменами, такими как медиатизация;

– определить подходы к теоретической модели медиатизации судебной власти с позиций постклассической науки в целях уточнения ее функций на современном этапе, формирования идеологических концептов легитимности судебной власти в виде развития института уважения к суду и уточнения этических норм, укрепляющих судейское сообщество, в рамках понимания судебной власти как общеправового феномена;

– уточнить направления в развитии и совершенствовании законодательства, формировании непротиворечивых подходов к судебной практике в части применения принципов открытости судебного процесса.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования. Медиатизация, первоначально рассматриваемая как сложный синергетический социокультурный феномен, приобрела значительное влияние на бытие общества и публичной власти, что потребовало ее исследования в теоретико-правовом аспекте. В общественных науках изучены суть и особенности одной из составляющих медиатизации – информатизации публичной власти; также исследованы тенденции трансформации сущности власти и риски, связанные с активным внедрением информационных технологий в управление социальными процессами; отдельный корпус научных исследований посвящен особенностям конструирования социальной реальности посредством управления информацией; наконец, медиатизация социума рассматривается как онтологическое явление.

В то же время, как отмечено выше, несмотря на значительное внимание, которое исследователи уделяют медиатизации как новому явлению социальной реальности, комплексных обобщающих работ, ориентированных на выявление влияния медиатизации на эволюцию правовой сферы и судебной власти как ее

неотъемлемой части, в настоящее время не создано, что повышает актуальность и научную значимость темы исследования.

В силу новизны научной темы и отсутствия исследований непосредственно по медиатизации правовой реальности, судебной власти общие теоретико-правовые и философские подходы в отечественной доктрине были найдены у В.Д. Зорькина, В.С. Степина, Н.Н. Алексеева, С.С. Алексеева, Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова, А.Б. Венгерова, Н.Н. Черногора, В.В. Лазарева, Г.А. Гаджиева, Б.Н. Чичерина, Б.А. Кистяковского, Л.И. Петражицкого, П.И. Новгородцева.

Обращение к постклассическому подходу в понимании права И.Л. Честнова, А.В. Полякова, Д.А. Пашенцева, О.Ю. Рыбакова помогло увидеть перспективные возможности в теоретическом обосновании медиатизации как феномена, влияющего на онтологию права, а также публичной власти, общества, индивида в их взаимном коммуникативном взаимодействии.

Интегративный подход к праву, разработанный В.В. Лазаревым, позволил не только изучить суд как актора с точки зрения коммуникативного подхода по модели двусторонней взаимной коммуникации, но и проанализировать значение судебной практики для формирования правового пространства, правового сознания и социальных практик поведения как для граждан, общества, так и для представителей самой судебной системы.

На базе системного анализа работ В.М. Лебедева, В.В. Момотова, Н.С. Бондаря, Х.И. Гаджиева, Н.А. Колоколова, посвященных концепциям развития судебной власти, осмыслено инкорпорирование судебной власти в общий процесс медиатизации социума и векторов взаимовлияния в информационном обществе. В частности, Н.А. Колоколов, рассматривая судебную власть как общеправовой феномен, указывал на особенность коммуникативной деятельности судебной власти, которая «порождает новый смысл жизни народа, гарантирует новую увязку целей и средств, выдвигает новые критерии и основания власти и эффективность целедостижения»⁹.

---

⁹ Колоколов Н.А. Судебная власть как общеправовой феномен. – М., 2007. – С. 75.

В свете научной разработки постклассической теории права социальная и юридическая реальности должны рассматриваться как единая коммуникативная реальность, что сделало возможным обращение с целью раскрытия темы диссертационного исследования к работе В.В. Архипова, посвященной действию права в медиапространстве с позиций семантических пределов права в условиях медиального поворота¹⁰. Также был проанализирован труд А.А. Ефанова «Глубинная медиатизация в неоинформационном обществе (на примере современных медиапрактик)»¹¹, что с учетом междисциплинарного подхода, предусматриваемого постклассической теорией права, также способствовало освещению проблематики настоящего исследования.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, связанные с медиатизацией судебной власти в условиях современного общества, рассматриваемые с позиций постклассических исследований права.

Предметом исследования выступают общие закономерности эволюции института судебной власти в связи с феноменом медиатизации и формирующиеся тенденции развития судебной власти в антропоцентричной и коммуникативной правовой реальности с учетом гносеологического потенциала, предлагаемого постклассической теорией права.

Цель диссертационного исследования заключается в разработке теоретической модели развития судебной власти в условиях медиатизации с позиций постклассической теории права.

Данная цель реализуется в следующих задачах:

- предложить критерии определения медиатизации судебной власти;
- выявить возможности методов постклассической науки в изучении нового правового явления – медиатизации судебной власти;
- выявить теоретический и практический потенциал развития судебной власти в условиях медиатизации;

---

¹⁰ См.: Архипов В.В. Указ. соч.

¹¹ Ефанов А.А. Глубинная медиатизация в неоинформационном обществе (на примере современных медиапрактик): дис. ... д-ра социол. наук. – М., 2021.

- определить особенности информационно-правовой политики судебной власти как медиасубъекта и медиаобъекта в условиях медиатизации общества;
- исследовать роль медиатизации судебной власти в формировании практик судебной коммуникации и новых объектов правового регулирования;
- раскрыть значение правового явления медиатизации для развития принципа открытости судебной власти;
- конкретизировать специфику медиатизации при формировании информационной судебной политики;
- раскрыть зависимость между медиатизацией судебной власти и повышением роли досудебных способов разрешения споров на практике;
- раскрыть роль медиатизации в формировании корпуса этических норм, регулирующих статус судьи и укреплении института уважения к правосудию.

Методология диссертационного исследования включает как общенаучные методы (анализ и синтез, индукция и дедукция, системный подход), так и специальные юридические методы: формально-юридический, системно-структурный, ретроспективный, сравнительно-правовой, феноменологический и др. Особое внимание обращалось на использование таких принципов постклассической теории права, как *междисциплинарность, контекстуальность, конструктивизм и антропоцентризм*. Обращение к диалогическому подходу права Л.И. Честнова, а также коммуникативной теории права А.В. Полякова позволило выявить правовые онтологические черты в социальном феномене медиатизации. Методологическое разнообразие, пришедшее на смену методологическому монизму, показательно для гносеологии современности (П. Бак); академик В.С. Степин отмечал, что для постнеклассического типа научной рациональности характерно то, что она позволяет развивать знание не просто о сложных самоорганизующихся системах, но и об исторически развивающихся системах, включая вариант человекоразмерных систем.

Опыт исследования непосредственно феномена медиатизации как междисциплинарного объекта с точки зрения методологии, используемой для изучения тех или иных феноменов, позволяет выделить три основных подхода:

теоретико-правовой, философский, социальный. Эти направления и используемые ими методы могут переплетаться, формируя новые подходы и теории с точки зрения объектов их исследования.

Отметим, что переход общества к медиатизированной модели развития ведет к модификации форм публичной власти, общества, коммуникации с обществом и индивидами, сопровождается появлением множества правовых, философских, социологических исследований, которые применяют междисциплинарные методы научной рефлексии. Методологический плюрализм позволяет сочетать элементы разных методологий, способствуя повышению их потенциала, что было применено в ходе научной рефлексии настоящего исследования.

Теоретической основой диссертационного исследования послужили работы ведущих отечественных специалистов, изучавших вопросы правопонимания, правосубъектности, роли человека в праве, влияния цифровизации на субъект права, таких как Г.М. Азнагулова, С.С. Алексеев, С.И. Архипов, В.М. Баранов, С.Н. Братусь, В.В. Лазарев, Г.В. Мальцев, М.Н. Марченко, В.С. Нерсисянц, Д.А. Пашенцев, О.Ю. Рыбаков, А.А. Соловьев, Ю.А. Тихомиров, Т.Я. Хабриева, Н.Н. Черногор, И.Л. Честнов и др. Используются идеи зарубежных теоретиков права, таких как Р. Дворкин, Г. Кельзен, Д. Ллойд, Л. Фуллер, Г. Харт и др.

Нормативной основой диссертационного исследования послужило действующее законодательство Российской Федерации, в том числе Конституция, отраслевые процессуальные и материальные кодексы, законодательство в сфере информационных технологий, документы стратегического планирования (стратегии, концепции, программы) и другие акты, связанные с проблематикой исследования.

Эмпирическую базу диссертационного исследования составили: судебная практика по реализации норм открытости судебного процесса; постановления Совета судей Российской Федерации, Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации; решения квалификационных коллегий судей и Дисциплинарной коллегии Верховного Суда Российской Федерации,

Дисциплинарного судебного присутствия (специальный судебный орган Российской Федерации, действовавший в 2010–2014 годах); результаты социологических опросов граждан и исследований судейского корпуса; материалы исследования практики деятельности пресс-служб судов Российской Федерации; материалы конференций и круглых столов на тему развития судебной власти в аспектах медиатизации и информационной политики; материалы, опубликованные в средствах массовой информации и содержащие сведения, относимые к теме исследования медиатизации.

Научная новизна исследования состоит в разработке теоретической модели медиатизации судебной власти, решении научной задачи по выявлению особенностей процесса реализации судебной власти в условиях медиатизации.

Обоснована взаимосвязь методологии постклассической юридической науки и медиатизации судебной власти, показана динамика развития судебной власти как медиасубъекта и медиаобъекта и ее влияние на формирование новых судебных коммуникативных практик и задач по модернизации правового регулирования относительно визуальных, текстуальных и иных коммуникативных форм общения, только развивающихся в практике судебной деятельности.

Впервые в российской юридической науке поставлены и рассмотрены следующие вопросы: особенности конструирования судебного коммуникативного пространства в рамках постклассического исследования права; выявлены основные характеристики процесса медиатизации судебной власти с использованием методов постклассической теории права; раскрыт потенциал коммуникативно-правовой сферы как направление взаимодействия общества и государства в аспектах медиатизации; выявлены тенденции развития отдельных принципов правосудия в условиях медиатизации судебной власти.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Предпосылкой медиатизации судебной власти является внедрение современных технологий как инструмента управления и средств коммуникации судебной деятельности. Медиатизация судебной деятельности формирует новое управленческое, коммуникативное, информационное пространство как основу

нового правового регулирования. Медиатизация судебной власти рассматривается как фактор трансформации сущности и роли судебной власти в системе права, правосознании, юридических практиках и общественных отношениях как объекте правового регулирования.

2. С позиций постклассической теории права медиатизация судебной власти включает в себя форму и способ осуществления судебной власти на основе высокотехнологичной коммуникации (взаимодействия) суда с обществом и в практическом преломлении коммуникативного подхода к праву в условиях эволюционирующей цифровизации судебного производства, становится доминирующим фактором в развитии судебной власти как общеправового феномена. Медиатизация судебной власти в диалоге с обществом способствует формированию практически всех юридических феноменов: права, правосознания, этических, правовых и социальных практик (индивидуальных и общественных) – посредством закрепления сформированных контекстуальных практик в общественно принятых ментальных образах.

3. Медиатизация как процесс формирует судебную власть как общеправовой феномен и тем самым влияет на правовое сознание и культуру общества, правовые мировоззренческие и этические модели поведения и предлагает индивидам правовые ориентиры социализации; легитимируя авторитет института судебной власти.

4. Судебная власть выступает одновременно как медиасубъект и медиаобъект: с одной стороны, она представляет информацию вовне, в публичное пространство, а с другой – сама воспринимает извне информацию, непосредственно затрагивающую ее деятельность. Эта дихотомия обусловлена стремительно развивающимся процессом медиатизации общества, требующим активной роли судов во взаимодействии с обществом, что, в свою очередь, должно найти отражение в законодательстве, формирующем информационную политику судов, а также в теоретических исследованиях идеологической и информационной функций судебной власти.

5. Применение постклассической методологии позволяет сделать вывод о том, что легитимность права обусловлена, среди прочего, эффективностью судебной информационной политики в коммуникативном дискурсе, поскольку процессы формирования правового сознания, такие как кризисы правовой идентичности, а равно правовые конфликты порождают новые социальные практики, которые, в свою очередь, влекут появление новых правовых практик и объектов.

6. Принцип открытости правосудия в условиях медиатизации судебной власти позволяет как ей самой, так и гражданскому обществу осуществлять контроль за соблюдением судьями этических норм и установок, что в конечном итоге помогает развитию и укреплению института уважения к суду, а также содействует поиску новых концепций эффективности осуществления судебной власти в виде принципа взаимодействия суда не только со сторонами судебного процесса, но и с социумом в целом.

7. Применительно к задаче развития досудебных способов разрешения споров и снижения судебной нагрузки медиатизация судов потенциально способствует принципиальному изменению подходов к обращению в суд за разрешением споров: это происходит благодаря, во-первых, уплотнению информационного пространства общества за счет комментирования, обсуждения судебной практики, а во-вторых, расширению действия принципа открытости и может повлечь повышение правовой культуры общества, а в отдаленной перспективе – уменьшение конфликтности социума.

8. Реализация принципа открытости судопроизводства за счет медиатизации раскрывает потенциал судебной власти в формировании этических, в том числе профессиональных этических, образцов поведения для судейского корпуса. Сформированные и транслируемые в общество этические установки стимулируют развитие института уважения общества к суду и содействуют укреплению авторитета правосудия.

9. Акты органов судебной власти выступают как объективный источник судебной информации, одновременно ее генерирующий и распространяющий с

целью формирования актуального правового дискурса и непротиворечивого достоверного правового контекста, что важно для общества, развивающегося в условиях взаимосвязи технологий, институтов, акторов и информации.

Теоретическая и практическая значимость проведенного исследования обусловлена тем, что в нем представлены результаты комплексного теоретико-правового анализа эволюционного этапа развития судебной власти через призму ее медиатизации. Изучение влияния медиатизации на принцип открытости судебной власти предоставляет возможности для реорганизации проведения судебных процессов по видеоконференц-связи, изменения подходов к обезличиванию судебных актов с учетом, в частности, возможностей досудебного урегулирования спора. Концепция коммуникативного права, если принять во внимание феномен медиатизации, получает новый исследовательский и практический потенциал применения. Кроме того, проведенное исследование уточняет понятийный аппарат по данной теме.

Сделанные теоретические обобщения и практические выводы могут послужить основой при разработке: программ теоретических и прикладных исследований, направленных на изучение деятельности самой судебной системы и судейского сообщества; этического наполнения статуса судьи; непосредственно медийной политики судебной власти как основного информационного ресурса судебной и правовой информации, а также могут быть использованы:

- в формировании профильных и внесении изменений в существующие правовые акты, регулирующие деятельность судебной власти в области информационной судебной политики; в корпус этических норм и правовых актов, регламентирующих статус судьи;

- в деятельности профильных комиссий Совета судей Российской Федерации и региональных советов судей;

- в работе пресс-служб судов и отделений судебных департаментов;

- в сфере высшего профессионального образования. Так, предполагается создание на базе Российского государственного университета правосудия медийной лаборатории, в образовательных и научных, исследовательских планах

которой стоит ведение многопрофильной деятельности в области медиатизации судебной власти. Помимо этого материал исследования может быть использован в процессе преподавания курсов «Теория государства и права», «Актуальные проблемы теории государства и права», «Организация судебной власти», «Социология», «Журналистика», а также спецкурсов, исследовательских программ по постклассической теории и философии права;

- в решении проблемы формирования духовно-нравственных ориентиров современного общества;

- при внесении корректив в сложившуюся в обществе информационную политику и журналистскую практику, в деятельность профильных властных структур, редакционных коллективов и творческих союзов.

Апробация результатов исследования. Результаты диссертационного исследования докладывались на конференциях, семинарах, круглых столах, в том числе проводимых Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Ежегодной школе молодого ученого (2021, 2022 гг.), а также на мероприятиях, организуемых Советом судей Российской Федерации и Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, таких, как:

- Всероссийская научно-практическая конференция «Судебная власть в современном обществе (Судья. Общество. Государство)» (г. Москва, Совет судей Российской Федерации, 23 октября 2020 г.);

- Межрегиональная научно-практическая конференция «Нормоконтроль и судебные доктрины: развитие права и судебной практики» (г. Псков, Псковский областной суд, 10 июня 2021 г.);

- III Евразийский форум по правам человека «Права человека и судебная власть в информационном обществе: вопросы теории, практики и законодательства» (г. Нур-Султан, 10 декабря 2021 г.);

- IX Общероссийское годовое собрание теоретиков права «Законодательство в обустройстве российской жизни: история и современность (к 250-летию со дня рождения М.М. Сперанского)» (г. Москва, Институт законодательства и

сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 16 февраля 2022 г.);

– научно-практический круглый стол «Значение судебной практики Верховного Суда Российской Федерации для обеспечения единства правоприменения (посвящается 100-летию образования Верховного Суда Российской Федерации)» (г. Уфа, Верховный суд Республики Башкортостан, 22 апреля 2022 г.);

– Всероссийская научная конференция «Охранительные начала в общественной жизни: концепция Б.Н. Чичерина и ее эволюция» (г. Тамбов, 13–14 мая 2022 г.);

– семинар-совещание председателей судов и председателей советов судей судов субъектов Сибирского федерального округа (г. Москва, 6 июля 2022 г.);

– XVII Международная научно-практическая конференция «История, архивы и общество» (г. Псков, 23–24 сентября 2022 г.);

– заседание Президиума Совета судей Российской Федерации «Подготовка к X Съезду судей России. Информационная стратегия» (г. Москва, 6 октября 2022 г.);

– конференция «Судебное правоприменение и правотворчество в современном правовом порядке» (г. Тверь, 7 октября 2022 г.);

– Всероссийская научно-практическая конференция «Реализация права: общетеоретические и отраслевые аспекты», посвященная 100-летию Верховного Суда Российской Федерации (г. Казань, 20 октября 2022 г.);

– конференция «Пространство права. Пространство человека» (г. Санкт-Петербург, 15 марта 2023 г.);

– Всероссийская научно-практическая конференция «Юридическая деятельность в зеркале научных теорий, гипотез и проблем» (г. Москва, 19 мая 2023 г.);

– медиафорум «Суд и СМИ» (г. Тамбов, 23 июня 2023 г.);

– III Всероссийская научная конференция «Философия и антропология права в творческом наследии Ю.Н. Чичерина» (г. Тамбов, 25 июня 2023 г.);

– научно-практическая конференция «Судебная власть и судебское сообщество: история развития и современность» (г. Уфа, Верховный суд Республики Башкортостан, 22 сентября 2023 г.).

Материалы диссертационного исследования использовались при проведении семинарских занятий по программе повышения квалификации с пресс-секретарями судов общей юрисдикции и арбитражных, военных судов на базе Северо-западного филиала Российского государственного университета правосудия.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕДИАТИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

1.1. Конструирование правового пространства в рамках постклассического исследования права

Правовое пространство находится в постоянном процессе развития. С практической точки зрения абстрактные правовые онтологические категории обладают огромным потенциалом, раскрываемым при формировании юридического мировоззрения, при построении теоретических систем, которые, в свою очередь, базируются «на юридических символах – понятиях, конструкциях, фикциях»¹². Традиционный подход к праву, преимущественно признаваемый в качестве основного, не вмещает в себя в полной мере междисциплинарность методов познания, в связи с чем отсекает часть правовой реальности, имеющую более сложный характер, и не позволяет своевременно интегрировать в правовое пространство, в правопорядок новые сложные многоплановые понятия.

Постклассическая юриспруденция, исследуя модели развития права, правового пространства, общества, государства, правовой культуры, значительно расширила рамки правовых теорий и ввела в теоретический оборот новые термины и понятия, такие как социальный конструктивизм, характеристики которого раскрываются при рассмотрении категории правового пространства в его сочетании с исследовательским концептом медиатизации. Практический поворот в постклассическом подходе к праву не может быть рассмотрен без учета медиатизации правового пространства как части социального. Диалогичность правовой реальности (как части социальной), диалогичность права, обеспечивающего как инновационное, так и традиционное воспроизводство правовой реальности, лежат в основе постклассической онтологии социального бытия. Центром правовой реальности является человек, и такая антропоцентрическая правовая (и социальная) реальность базируется на взаимодействии людей и ментальных intersубъективных процессах в виде

---

¹² Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности): монография. – М., 2013. – С. 15.

смыслов и значений, а также дискурсивности правовых практик. Эти отправные точки в понимании конструирования правового пространства характерны для постклассических подходов в юриспруденции. Но право, как и любой социальный конструкт, диалектично, что предполагает обращение к иным исследовательским правовым концептам.

По меркам существования юридической науки правовое пространство как понятие получило свое определение не так давно. В частности, с точки зрения Е.Г. Зинкова, «правовое пространство – это все то, что взаимоувязывает между собой в единое целое действующие правовые символы и знаки, отраженные как юридические фикции, существующие в настоящем и существовавшие в прошлом, с перспективой существования в будущем»¹³.

С позиции Н.Н. Алексеева, правопорядок, как и нравственный порядок, «сам по себе есть фикция»¹⁴; эту мысль можно продолжить следующим образом: основные нравственные и юридические понятия суть виды практических фикций.

Н.Н. Алексеев, развивая взгляды Б.А. Кистяковского, полагал, что окружающая реальность не однородна, но выражена несколькими различными реальностями. Сам же Б.А. Кистяковский допускал наличие особой правовой реальности, поскольку, если «сравним реальность права с реальностью рассмотренных нами различных видов культурных благ, то мы прежде всего, конечно, должны будем признать своеобразие той реальности, которая присуща праву. Ее следует поставить приблизительно посередине между реальностью произведений скульптуры и живописи, с одной стороны, и произведений литературы и музыки – с другой. Но все-таки ее придется признать немного более близкой к реальности первого вида культурных благ, чем второго»¹⁵.

О.В. Белянская представила аналитическую концепцию из трех подходов к трактовке сущности правовой реальности, отмечая интерес к этому явлению в исследованиях философов, политологов, социологов и психологов и делая вывод

---

¹³ Зинков Е.Г. Правовая реальность и правовая действительность: понятие, категория, концепт в правовом пространстве // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2018. – № 2. – С. 26.

¹⁴ Алексеев Н.Н. Основы философии права. – СПб., 1999. – С. 21.

¹⁵ Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерк по методологии социальных наук и общей теории права // Философия и социология права. – СПб., 1998. – С. 184.

о том, что правовая реальность являет собой вид социальной реальности во всей «совокупности правовых явлений... представляющих собой особый нормативный способ регуляции потенциально конфликтных общественных отношений, включающих в себя совокупность всех правовых явлений в их единстве»¹⁶.

Г.А. Гаджиев, рассматривая категорию правового концептуального пространства, видел в нем конституционно-правовое наполнение¹⁷.

Для медиатизации правовой, равно как и социальной реальности, сущностно важно включение конституционных ценностей, поскольку это соответствует человекообразному направлению развития правовой коммуникации и технологий, создаваемых для ее использования. И если у профессора Г.А. Гаджиева методологическая ценность конституционно-правового концептуального пространства заключается в том, что «в научный оборот вводится несвойственное для юриспруденции пространственно-временное мышление, которое может дать новые и неожиданные результаты»¹⁸, то мы отметим, что для медиатизации также свойственно триединство «прошлое – настоящее – будущее», которое не может быть ограничено рамками одного государства¹⁹, исходя из всеохватной коммуникативной природы этого процесса.

Трактовка информационно-правового пространства в конституционном измерении, предложенная в доктринальном исследовании профессора Н.С. Бондаря, подчеркивает особую роль права, которое должно «быть не просто „распределителем“ технологических достижений между... потребителями, но в какой-то мере выступать регулятором технологических процессов, определять социально оправданный коридор вторжения человека в искусственный мир новых технологий»²⁰.

¹⁶ См.: Белянская О.В. К вопросу о понимании правовой реальности // Актуальные проблемы государства и права. – 2018. – Т. 2. – № 6. – С. 5–15.

¹⁷ См.: Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности): монография. – С. 3–16.

¹⁸ Там же. – С. 9.

¹⁹ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М., 1995.

²⁰ Бондарь Н.С. Информационно-правовое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. – 2019. – № 11. – С. 28.

Природе правового пространства посвящен фундаментальный монографический труд «Правовое пространство: границы и динамика» под авторством Ю.А. Тихомирова, А.А. Головиной, И.В. Плюгиной, включающий, в частности, раздел о правовых границах виртуального пространства²¹.

Даже такой небольшой обзор исследовательских позиций показывает, насколько заинтересованно и внимательно передовая научная мысль следит за тем, как изменение социальной реальности влияет на реальность юридическую, поскольку право зеркально отражает действительность, хотя и неизбежно использует для этого фикции. Медиатизация, будучи сложным многомерным феноменом, влияет на социальное и правовое пространство не менее сложно. Для предметного обоснования сущности медиатизации важно рассмотреть в том числе социально-исторические формы ее проявления – с тем чтобы своевременно увидеть и оценить сущностные изменения права, правового пространства.

Термин «правовое пространство» используется и в отечественном нормативном массиве, например в Указе Президента Российской Федерации от 10 августа 2000 г. № 1486 «О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации»²², во исполнение которого приняты приказы Министерства юстиции Российской Федерации²³. Этот Указ демонстрирует вовлеченность государственной власти в процесс медиатизации, поскольку создание на законодательном уровне информационного правового ресурса с целью реализации посредством технологий права на доступ к правосудию демонстрирует, что соответствующее право в стадии его активной реализации является частью коммуникации государства с обществом. «Указанная работа проводится в целях обеспечения верховенства Конституции Российской Федерации и федеральных законов в Российской Федерации, реализации прав

---

²¹ См.: Правовое пространство: границы и динамика: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. – М., 2019.

²² Российская газета. – 2000. – 16 августа.

²³ См.: приказы Министерства юстиции Российской Федерации от 10 июня 2000 г. № 176 «О первоочередных мерах по активизации работы министерства юстиции Российской Федерации по обеспечению единого правового пространства Российской Федерации» // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. – 2000. – № 7; от 20 ноября 2000 г. № 332 «О введении в Министерстве юстиции Российской Федерации отчетности о деятельности по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации» // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. – 2000. – № 12.

граждан на получение достоверной информации о нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации»²⁴.

Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»²⁵ также упоминает правовое пространство в п. 2 ч. 1 ст. 74, регулирующем ответственность муниципального руководства перед государством в случае «совершения... должностным лицом местного самоуправления действий, в том числе издания им правового акта, не носящего нормативного характера, влекущих нарушение прав и свобод человека и гражданина, угрозу единству и территориальной целостности Российской Федерации, национальной безопасности Российской Федерации и ее обороноспособности, единству правового и экономического пространства Российской Федерации».

При этом научная рефлексия относительно появления в законодательстве ряда новелл не всегда выстраивала согласованную в юридическом понятийном формате систему норм, регулирующих новое общественное отношение. Отчасти это могло быть связано с переносом в отечественный правопорядок институтов из других правовых систем и с выбором перевода для соответствующих терминов.

Так, накопленный в период советского права слой научных исследований показывает, что информация в те годы рассматривалась преимущественно в управленческом аспекте²⁶. Первые шаги законодателя на пути регулирования информации строились в основном на имевшихся наработках в части управленческой составляющей, не делающих акцента на частноправовой регламентации информационной деятельности и соотношении ее с конституционными ценностями. Вектор правового развития в парадигме непосредственно информационного общества задали два принятых на федеральном уровне нормативных акта: Указ Президента Российской Федерации

---

²⁴ Федоров А.В. Проблемы обеспечения единого правового пространства // Адвокат. – 2002. – № 8.

²⁵ Российская газета. – 2003. – 8 октября.

²⁶ См.: Организационно-правовые проблемы АСУ / отв. ред. И.Л. Бачило, Ю.А. Тихомиров. – М., 1979. – С. 11; Тихомиров Ю.А. Научная организация управления. – М., 1973. – С. 73; Его же. Эффективность деятельности управленческих органов // Советское государство и право. – 1971. – № 4; Венгеров А.Б. Право и информационное обеспечение АСУ // Советское государство и право. – 1972. – № 8.

от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы»²⁷ и постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Информационное общество"»²⁸.

Но отсутствие в правовой науке активного обсуждения влияния медиатизации на развитие общества увело юридический дискурс в сторону осмысления информатизации через призму технологии передачи и использования информации в управлении, оставив без должной рефлексии и коммуникативную сущность информационного процесса, и его влияние на формирование правовых взаимоотношений индивидов, общества и государства, и даже историческую, философскую роль медиа в развитии права и государства. Между тем медиатизация как процесс охватывает практически все сферы нашей жизни и предоставляет новые возможности для формирования смысла в коммуникативной деятельности публичной власти, в том числе способствуя развитию конституционных прав личности и общественных организаций. Инкорпорирование медиатехнологий во все сферы социальной повседневности затрагивает правовое пространство. Медиатизация социальных институтов отражается на конструировании социальной повседневности, формируя устойчивые социальные, в том числе правовые, практики. Пандемия коронавируса оказалась фактором, наглядно продемонстрировавшим, что функционирование базовых социальных институтов, включая судебную власть, не развивается дискретно вне учета медиатизации. За основу настоящего исследования взято положение о том, что конструирование правового пространства эксплицирует взаимосвязанные свойства современного общества: технологизм (информатизация), трансграничность коммуникаций, инфоцентризм, медиаориентированность. Отечественная юриспруденция учитывала часть этих свойств, основной акцент делая на технологических особенностях развития,

---

²⁷ СЗ РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.

²⁸ СЗ РФ. – 2014. – № 18 (ч. II). – Ст. 2159.

влияющих на правовое пространство и право, обозначая этот процесс как информатизацию.

По всей видимости, результатом недостаточной востребованности междисциплинарных подходов в освоении новых пластов юридической науки и социальных явлений с позиции права стало изучение информации, информатизации, а также развития новых технологий в виде цифровизации в рамках отраслевой науки «Информационное право»²⁹. Устоялось именно такое наименование новой научной отрасли, хотя существовали точки зрения, обосновывающие наличие не просто информационного, но информационно-электронного права. Например, проф. О.А. Степанов³⁰ выделял в рамках информационно-электронного права два правовых института: 1) институт информационно-электронной безопасности, определяющий права и обязанности в сферах доступа к электронным банкам данных конфиденциальной информации; 2) процессуальный институт информационно-электронного иска, регламентирующий порядок разрешения конфликтных ситуаций, возникающих в связи с применением новых информационных технологий.

Использование в управленческих целях цифровых технологий, причем уже с элементом коммуникативного порядка, предполагает, с точки зрения О.А. Степанова, увеличение эффективности публичного управления и взаимодействия с населением в регионах Российской Федерации³¹. Автор, развивая свои научные взгляды, акцентирует внимание на коммуникативной составляющей в отношениях власти и общества, реализуемой с помощью цифровых технологий, – это можно назвать проявлением медиатизации, хотя последняя в работе О.А. Степанова напрямую не упоминается. Одновременно он вводит понятие, относимое к социальным наукам и возможное к использованию

---

²⁹ См.: Талапина Э.В. О предмете информационного права // Государство и право. – 2013. – № 5. – С. 65–72.

³⁰ См.: Степанов О.А. Социальные и правовые аспекты внедрения новых информационных технологий в общественную практику // Современное право. – 2001. – № 5.

³¹ См.: Степанов О.А., Басангов Д.А. Цифровая трансформация управленческой сферы деятельности в регионах Российской Федерации // Российская юстиция. – 2023. – № 7. – С. 50–58.

при описании медиатизации, – «общественная практика» (сходная с «общественной сферой» Хабермаса).

Для настоящего исследования особенно ценен вывод профессора О.А. Степанова о том, что «эффективность деятельности власти в сфере государственного и муниципального управления в значительной мере определяется возможностью использования *цифровых коммуникаций между механизмами управления и гражданами в субъектах Российской Федерации* (курсив наш. – Е.П.)»³².

К основным сложностям цифрового регионального управления можно среди прочего отнести низкий уровень владения цифровыми компетенциями, невысокую профессиональную квалификацию служащих органов власти, а также психологическую неподготовленность населения к использованию цифровых технологий. Тем не менее, по всей видимости, инкорпорирование в публичную власть медиатизации как сложного правового явления не предполагает революционно быстрого изменения формата коммуникаций между властью и социумом. Лучший в этом плане результат судебной ветви обусловлен тем, что самой основой судебной власти является коммуникация с обществом.

Исследование процесса медиатизации с позиций постклассической правовой науки в настоящей работе будет опираться на терминологию, принятую непосредственно в постклассической теории права, и учитывать понятийный теоретический аппарат, разработанный коммуникативным правом; также будут заимствованы некоторые термины информационного права – в той мере, в какой они способны отразить те или иные этапы развития медиатизации, принимая во внимание, что фундаментом медиатизации как социального феномена является взаимосвязь технологий, институтов, акторов и форматов медиа.

Вопросы медиатизации в постклассической картине мира рассматриваются с точки зрения общетеоретических проблем – реализации и применения, легитимации права, формирования в обществе с участием судебной власти

---

³² Степанов О.А., Басангов Д.А. Указ. соч.

дискурсивных практик, развития института судебной власти как правового феномена в тех формах и процессах, которые обусловлены медиатизацией.

Как видится, постклассические исследования имеют своей целью не только познание, «но и критическое переосмысление онтологического статуса тех регионов бытия, в которые интегрируется, встраивается правовая реальность, тесно связанная с иными регионами бытия»³³, и в настоящем исследовании таким «регионом» является медиатизация. Универсальный характер медиатизации и лежащей в ее основе коммуникации дает возможность показать ее сущностную характеристику с позиций различных наук. С одной стороны, это позволит проанализировать ее эволютивное влияние на социальные системы, а с другой стороны, укажет на онтологическое значение для реформирования судебной системы, сохранения конституционных ценностей и формирования информационной политики, влияющей на правосознание.

При изучении медиатизации в ее правовом аспекте следует учесть и то, что ей, как и любому иному социальному феномену-процессу, свойственно множество модусов бытия, что и предопределяет невозможность ее объяснения одним кажущимся верным способом. Постклассическая наука предоставляет возможности для объединения универсального и релятивного при создании теорий, что при всей сложности социального мира оставляет неизблемыми основополагающие признаки права – признание достоинства личности, равенство, свободу воли, правосубъектность³⁴, а также конституционное измерение медиатизации правового пространства³⁵. По мнению Н.С. Бондаря, какова бы ни была цифровая (а в случае настоящего исследования – медиатизированная) реальность, она не может существовать вне Конституции как нормативного акта, имеющего высшую юридическую силу, охватывающего своими нормами-концепциями и сферу новых отношений. Действие Конституции с ее уникальными нормами-принципами и предельно высоким ценностно-

---

³³ Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы: коллективная монография / под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. – СПб., 2023. – С. 166.

³⁴ См.: Осветимская И.И. Пределы релятивизма в праве // Релятивизм в праве. – СПб., 2021. – С. 31–34.

³⁵ См.: Бондарь Н.С. Информационно-правовое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации. – С. 25–42.

регулятивным потенциалом способно корректировать научное понимание практического проявления медиатизации в современном информационном обществе, создавая рамки для нормативно-правового воздействия на медиатизацию. Отметим, что «с точки зрения диалогической социальной антропологии права, Конституция суть принципы общественного устройства данного социума, воплощенные в его правовой культуре и правопорядке»³⁶, а медиатизация правового пространства способствует снятию конфликта между конституционной реальностью и нормой, поскольку медиатизация судебной власти в том числе позволяет конкретизировать право, Конституцию в правовых обычаях, традициях, юридических практиках, тем самым интериоризируя их в правосознании.

Первичное знание, получаемое субъектом в непосредственной жизненной ситуации, соотносится им с ранее воспринятым социально одобренным знанием, что означает объективизацию его субъективного значения с точки зрения социальной феноменологии. Этот процесс социального конструктивизма идет постоянно, непрерывно вырабатываются категории, накапливается социальный опыт – как личный, так и социально унаследованный. Такой социальный запас знания, получаемый в силу механизма хабитуализации, или опривычивания, и седиментации, или инкорпорирования их в набор типичных правовых (социальных) практик для достижения правовых целей, устанавливает мировоззренческие, правовые презумпции общества, участвующие в формировании правового пространства.

Таким образом, с одной стороны, правовая реальность в виде правовых институтов, правовых текстов, юридической практики является итогом действия конкретного субъекта. Но с другой стороны, тот же субъект оказывается детерминированным социокультурной и исторической ситуацией³⁷. Думается, избежать догматичного рационального подхода, как и объективизма субъекта

---

³⁶ См.: Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография. – С. 347.

³⁷ Позиция о насилии структуры над субъектом исследуется в работах М. Фуко, Ж. Делеза, Р. Барта. Юридический позитивизм рассматривает право как творца субъекта права, отождествляя его с правами и обязанностями. Такая позиция исходит из подчинения субъекта права объективному праву (структуре), выступающему создателем правовой реальности.

права, возможно путем дальнейшего исследования роли медиатизации в конструировании правового пространства в рамках постклассического исследования права.

В настоящее время было бы корректнее характеризовать информационное общество как медиатизированное. Это предположение видится верным, поскольку значительно расширяет и углубляет устоявшееся толкование термина³⁸ «информационное общество». Такое сущностное изменение в понимании стало возможным ввиду развития технологий с одновременным изменением характера взаимодействия с информацией, укрепления философских позиций в отношении медиатизации как экзистенциальной составляющей общества. По мнению А.А. Ефанова, на сегодняшнем этапе развития социума происходит глубинная медиатизация общества, «которая отличается доминированием социокоммуникационных отношений на основе медиа в неоинформационном обществе – полным охватом медиакоммуникационными сетями и потоками опосредованной информации, – которые реализуются на различных социальных уровнях, тем самым выстраивая новую систему социальных связей и взаимодействий»³⁹.

Сложившиеся исторически подходы к обоснованию значения медиатизации для цивилизационного развития, ее влияния на правосознание и правовую реальность раскрыли потенциал признания коммуникативных подходов в праве как предпочтительных. Однако данный процесс идет постепенно, в связи с чем, как было уже сказано ранее, в настоящем исследовании с учетом постклассического подхода к изучению сложных правовых явлений применимы понятия и термины философии, используемые при соприкосновении с информацией.

Медиатизация с позиции постклассической теории права может быть рассмотрена как социальный конструкт, обусловленный и ограниченный хабитуализацией (опривычиванием) предшествующих практик; поскольку

---

³⁸ См.: Существуют ли международно признанные определения информационного общества? URL: <https://iphras.ru/page46589323.htm>

³⁹ Ефанов А.А. Указ. соч. – С. 311.

«любое социальное явление контекстуально и релятивно: оно зависит от исторического и социокультурного контекста, т.е. его содержание определяется связью с другими социальными явлениями и обществом как целым»⁴⁰.

Так, конструируя правовое (социальное) пространство с учетом возможностей, предлагаемых научными подходами постклассической науки, мы исходим из того, что «человеческая цивилизация достигла такого уровня развития технологий, который позволяет преодолевать законы природы и границы между ней и культурой. Социальное взаимодействие осуществляется в "параллельных", но совместно существующих мирах (то, что происходит в одном, может иметь существенные последствия в другом)»⁴¹. Новая реальность с неизбежностью обуславливает формирование в обществе новых ценностей и идеалов, которые, в свою очередь, воздействуют на социокультурный геном права. Объективно оценить с моральной и правовой точки зрения то или иное изменение образа жизни, социальных взаимоотношений между индивидуумами или с публичной властью, равно как и трансформацию власти в силу использования новых технологий, мы способны по социальным последствиям; при этом моральная оценка происходящего всегда опаздывает, что выводит оценку развития технологического уклада за пределы нравственного контроля⁴² и влечет правовую неопределенность. Вхождение новых технологий в повседневную жизнь общества и государства преобразует право, дополняя его новыми (не всегда правовыми) категориями, фиксирующими социальные сущности и с большой вероятностью способными образовать ядро будущих правовых институтов, как то: искусственный интеллект, цифровой статус личности и собственно медиатизация.

Медиатизация общественных отношений приводит к появлению нового понятийного ряда, причем в него может быть включен неограниченный перечень

---

⁴⁰ См.: Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография. – С. 129–130.

⁴¹ Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Степаина и юридическая наука. – С. 116.

⁴² См.: Рубенис А.А. Техника и нравственность // Этическая мысль: научно-публицистические чтения. – М., 1992. – С. 44.

новых терминов⁴³, легальное инкорпорирование которых в современную отечественную правовую систему зависит от времени их обживания в социальной среде, применения правообразовательных процедур, инструментов юридической техники. И если «цифра» уже встала в один ряд с цивилизационными символами, то увеличившиеся возможности управлять посредством информации властью, обществом и человеком вызывают лишь споры в отношении медиатерминистского подхода к формированию типа государств типом медианосителей⁴⁴. Социальное в человеке, сущностное в природе публичной власти обуславливается вовлечением их в медиaprостранство, которое влияет на нарратив жизни на разных уровнях – общесоциальном, на уровне межличностного общения, взаимодействия с публичной властью – и воздействует на саму публичную власть.

Правовое пространство формируется и развивается в его сопряжении с медиатизацией и может быть рассмотрено с учетом практического, лингвистического и антропологического поворота в праве.

Правовая реальность, правовое пространство в рамках постклассического подхода не представляется независимой от человека данностью; она создается как наделенными властью субъектами, так и субъектами, эту власть легитимирующими. Социальная реальность воспринимается правовой, когда субъекты правовой коммуникации наделяют ее правовым значением.

Антропологизм права предполагает включенность человека в правовую деятельность и правовую реальность, которая «воспроизводится, включая инновации, людьми, – их действиями и ментальными и психическими процессами»⁴⁵. Право рассматривается как продукт преобразовательной, творческой деятельности, его социальное назначение заключается в сохранении правовой реальности и целостности общества.

---

⁴³ См.: Купцова О.Б. Языковая неопределенность права: вариативность понимания и технико-юридические средства преодоления // Неопределенность права: философское осмысление и юридическое значение: монография / под общ. ред. О.Ю. Рыбакова. – М., 2023. – С. 224.

⁴⁴ См.: Innis H. The Bias of Communication. Toronto, 2008. – P. 35.

⁴⁵ Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография. – С. 14.

С точки зрения Н.В. Разуваева, «правовая реальность может рассматриваться в синхронном и в диахронном (историческом) измерениях. В первом аспекте она представляет собой результат конструирования, осуществляемого разнообразными средствами, имеющими по преимуществу семиотический характер, во втором – включает в себя эволюционные процессы, приводящие к закономерным трансформациям как самих знаковых систем, так и способов знакового конструирования феноменов реальности»⁴⁶.

Предполагается, что такой критерий науки, как институциональность подразумевает анализ влияния на процесс научных исследований социокультурных факторов. При этом, безусловно, не каждый термин изначально неюридического характера должен быть облечен в правовую материю и встроен в юридическую терминологию. Но если его появление в правовой материи будет очевидно ожидаемым, потенциально снизит языковую неопределенность права и позволит гармонично сочетать смысловые и функциональные характеристики, то в таком случае речь идет о необходимой модернизации права – комплексной и содержательной. По мнению В.В. Лазарева, «образное видение правового поля позволяет использовать, наполнять юридическим содержанием и другие понятия, уместные, в частности, если учесть существование иных сфер социального поведения (институционального, корпоративного) и социального регулирования»⁴⁷. Так, расширение медиатизации постепенно связывает реализацию этого процесса в правовом коммуникативном пространстве с понятием нарратива.

Не ставя перед собой цели углубиться в онтологию нарратива, что выйдет далеко за рамки настоящей работы, отметим только, что нарратив как междисциплинарное понятие обретает в коммуникативном пространстве новые правовые контуры, служит развитию нарративной юриспруденции, которая «может быть определена как особый способ осмысления права, исходящий из

---

⁴⁶ Разуваев Н.В. Юридическая доктрина как средство конструирования правовой реальности // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2019. – № 1. – С.7.

⁴⁷ Лазарев В.В. Судебный активизм в формировании правового пространства // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25. – № 9. – С. 9.

того, что оно конструируется и состоит из историй, представленных в публичном виде в судебных разбирательствах»⁴⁸. Вхождение нарратива в правовое пространство «связано с попыткой осмыслить "текстуальность" тех явлений, которые присутствуют в праве, истории и социологии и в которых отражается жизнь и деятельность человека», а с развитием медиатизации определило интерес для коммуникативного права с позиций его теоретического и практического осмысления в российской правовой традиции⁴⁹. Нарратив для медиатизации важен тем, что он проектирует действия, содержа в себе телеологию, в зависимости от формы воздействует на временное пространство, а также тем, что, как отмечает П. Рикер, онтологически в нарративе пространство и время конституируются как единое целое⁵⁰. Таким образом, нарратив судебных актов формирует правовое пространство, влияет на правовое сознание и тем самым опосредует информационную политику судебной власти. В свете этого отметим и позицию представителей постнеклассической науки, согласно которой «основное значение права как знака или текста – это его использование в юридической практике конкретными людьми»⁵¹. В развитие этой позиции обращает на себя внимание утверждение В.Н. Корнева о том, что язык права и обладает возможностью осуществления нейролингвистического программирования в целях воздействия на поступки людей и создания желаемого правопорядка»⁵². Будет уместным отметить и иную позицию в отношении восприятия права как текста, в которой видится и определенная опасность, которая состоит «в разнице между различным восприятием нормы как установленного или санкционированного государством правила и нормой как вместилищем некоего текста, который субъект толкует так, как ему хочется. Ибо норма в текстовом восприятии есть

---

⁴⁸ Назарова В.С. Нарративная юриспруденция, как методологическая концепция в современной западной философии права и пространстве междисциплинарных практик // Философия права. – 2015. – № 6. – С. 25.

⁴⁹ См.: Право и нарративы / под общ. ред. В.В. Денисенко, А.К. Соболевой, И.Л. Честнова. – М., 2022.

⁵⁰ См.: Рикер П. Время и рассказ. Т. 1: Интрига и исторический рассказ. – М.–СПб., 1998.

⁵¹ См.: Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы: коллективная монография. – С. 14.

⁵² Корнев В. Н. Прагматика языка права // Правосудие/Justice. – 2023. – Т. 5. – № 4. – С. 12.

социально навязанная и социально закрепленная оценка теми, кто господствует в публичном пространстве»⁵³.

Наблюдаемая сегодня эволюция технологий изменяет социальные отношения, а вслед за ними и право «перенастраивается на обслуживание нового технологического уклада жизни общества»⁵⁴. В результате внедрения технологий в формы и методы управления меняются и публичные институты власти, а это в конечном итоге способно постепенно привести к изменению идеологии властных институтов, их взаимоотношений с гражданским обществом, тоже меняющим формы существования, и личностью.

Слияние социума, технологий и медиа подвело мир к новой социальной парадигме – медиатизации, в которой «пространство-время, знания, действия и идентичность конструируются "в" и "через" цифровые медиа – и лежащие в их основе коды, алгоритмы и программы»⁵⁵.

Между тем заметим, что категория «медиатизация» – под влиянием которой сегодня происходит социальное и правовое конструирование реальности, – вошла в российский правовой обиход не так давно⁵⁶. Изначально размышления и исследования, посвященные феномену медиатизации, появились в филологии, социологии и философии права⁵⁷. Но это касается отечественной науки. В западных же странах движение от информационного общества к медиатизированному идет намного быстрее в силу высокой скорости развития технологий одновременно с их правовым обеспечением и с признанием общественными науками перехода социума в новую парадигму общественных отношений; таким образом, за рубежом медиатизация не только как изучаемый

---

⁵³ Корнев А.В. Толкование права в контексте различных типов правопонимания // Журнал российского права. – 2016. – № 8. – С. 41.

⁵⁴ Купцова О.Б. Языковая неопределенность права: вариативность понимания и технико-юридические средства преодоления. – С. 225.

⁵⁵ Ним Е.Г. (Не)социальное конструирование реальности в эпоху медиатизации // Социологическое обозрение. – 2017. – Т. 16. – № 3. – С. 410.

⁵⁶ См.: Анненкова И.В., Пильгун М.А., Черногор Н.Н. Медиатизация правовой сферы: к постановке проблемы // Журнал российского права. – 2018. – № 10. – С. 10.

⁵⁷ См., например: Ним Е.Г. Указ. соч. – С. 409–427.

феномен, но и как явление, формирующее новую реальность бытия во всех его формах, получила развитие и принятие, адаптацию намного раньше⁵⁸.

Концептуальные идеи смены общественных отношений в зависимости от преобладающих в них средств коммуникации получили свое развитие в виде социально-философских парадигм на основании опубликованного в середине XX в. междисциплинарного труда основателя кибернетики Н. Винера «Кибернетика, или управление и связь в животном и машине»⁵⁹. В русскоязычной редакции слово *communication* было переведено как «связь», что замедлило отечественных исследователей в области коммуникативности поведения человека, значения информации, сообщений и медиа. Исследования коммуникации были продолжены автором в книге «Человеческое использование человеческих существ»⁶⁰, в которой Винер предложил концепт общества, построенного на обращении информации. В алгоритмизированном виде предстают все общественные отношения, которыми оперируют машины. Этот футурологический концепт получил второе рождение с развитием социальных, философских, правовых представлений о медиатизированном обществе, основанном на информации и коммуникативной составляющей в условиях развития «цифры» в виде каналов распространения и хранения информации. Глубина оцифрованности общественных отношений и вовлечения цифровых технологий в публичную и частную жизнь заставила пересмотреть идею общества, основанного на информации, и выпустить в публичное пространство из научных исследований понятие «цифровое общество».

Под цифровым обществом в самом общем подходе принято понимать «форму социального порядка, в которой все ключевые социальные связи выстраиваются с помощью цифровых сервисов интернет-коммуникации или как минимум опираются на дублирование традиционных и цифровых способов их

---

⁵⁸ См., напр.: Hjarvard S. *The Mediatization of Culture and Society*. London, 2013; Couldry N., Hepp A. *The Mediated Construction of Reality*. Cambridge, 2016; Lundby K. *Mediatization: Concept, Changes, Consequences*. – N.Y., 2009.

⁵⁹ Wiener N. *Cybernetics: Or Control and Communication in the Animal and the Machine*. Paris – Cambridge, Mass., 1961; Винер Н. *Кибернетика, или управление и связь в животном и машине*. – М., 1983.

⁶⁰ Wiener N. *The Human Use of Human Beings*. – Boston, 1950.

установления и поддержания»⁶¹. Это определение взято из социально-антропологического исследования и представляется попыткой увязать технодетерминистское воззрение с процессами развития общества.

Однако за любыми технологиями стоит человек – точнее, его (коммуникативная) способность производить и воспринимать информацию. Технологический детерминизм, по всей видимости, будет постоянно получать подкрепление в виде новых практик использования кибернетических наработок, технологических устройств (в том числе медиапотребления), государственных модернизационных программ⁶² и влиять на правовое пространство в целом. «Цифровые технологии носят универсальный характер, а потому закономерно будут влиять на все право (благо оно формальное), сначала выполняя вспомогательную роль, а затем переделывая само право, порождая право в качественно иной форме»⁶³.

Теории развития общества, определения его качества, или состояния, меняются довольно быстро, и параллельно с этим идет постоянное осмысление коммуникативного начала в мире, человеке: так, изучаются психологическое состояние личности, социальные конфликты, кризисы идентичности, которые, в свою очередь, являются толчком к созданию новых технологических (или цифровых) объектов, что выглядит как одна из самых амбициозных задач современного научного мира⁶⁴. Вслед за коммуникативными теориями развития личности и общества в научной среде все более распространяются и укрепляются тенденции рассматривать через коммуникативную перспективу и право⁶⁵. Например, через призму постклассической теории права И.Л. Честнов видит

---

⁶¹ Тихонова С.В., Фролова С.М. Цифровое общество и цифровая антропология: трансдисциплинарные основания социально-эпистемологических исследований // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2019. – Т. 19. – Вып. 3. – С. 277.

⁶² См.: Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.

⁶³ Азнагулова Г.М., Малахов П.П. Проблема правопонимания в условиях цифровой реальности // Вестник Московского городского педагогического университета. – 2021. – № 2.

⁶⁴ См.: Залоило М.В. Субъект права и динамика его правового статуса в условиях цифровизации // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2021. – № 3.

⁶⁵ См.: Хук М. Право как коммуникация. СПб., 2012; Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. – М., 2022. См. также работы отечественных исследователей, чьи взгляды релевантны коммуникативному подходу к праву, например: Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание: избранные труды. – СПб., 2014; Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография.

коммуникативное начало общества в естественной потребности человека в общении, взаимодействии в совместном существовании. Право вместе с другими социальными феноменами, в том числе такими, как медиатизация, обеспечивает это совместное проживание через правовой диалог⁶⁶.

Итак, во второй половине XX в., с момента публикации упомянутой книги Винера («Кибернетика, или управление и связь в животном и машине»), становится превалирующей научная концепция, согласно которой информация является центральной ценностью и основой развития общества. Для настоящего исследования признание информации главной ценностью, основой общественных отношений также является принципиальным. При этом мы исходим из понимания медиатизации социума и публичной (судебной) власти, обусловленного временем, развитием технологий, культурой, а вместе с ними и правом, и не преследуем цели дать исчерпывающие ответы на вопросы о том, может ли медиатизация стать новой парадигмой общества, меняющей бытие и философию онтологии, и если да, то в какой мере.

Опираясь на уже существующие современные исследования, следуя им, а равно обобщая и развивая теории и взгляды, заметим, что медиатизацию надлежит рассмотреть как процесс, влияющий на правовой ландшафт и на действующих в нем субъектов – личность, общество, судей, суд и, собственно, само право.

Понятие «информационное общество» было введено в научный, медийный оборот американским футурологом Д. Беллом, предположившим, что в связи с технической эволюцией деятельность по обработке информации становится преобладающей по отношению к работе с материалами⁶⁷. Интересно, что еще ранее об информации в виде знаний, об обществе знания, о рациональной экономической организации написал Ф. Хайек в статье «Использование знаний в обществе»⁶⁸. О знании как инструменте достижения человеком цели Хайек писал

---

⁶⁶ См.: Честнов И.Л. Правопонимание в эпоху постмодерна. – СПб., 2002.

⁶⁷ См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. – М., 1999.

⁶⁸ Hayek F. The use of knowledge in society // American Economic Review. – 1945. – Vol. XXXV. – № 4. – P. 519–530.

и в более позднем труде «Право, законодательство и свобода», отмечая, что «...благодаря выбору целей деятельности достигается утилизация знаний, рассеянных в обществе», «...если мы собираемся извлечь из всевозможных навыков и знаний людей в разных концах земли, мы должны сообщать им с помощью безличных сигналов рынка, как им лучше распорядиться своим интеллектуальным достоянием в их собственных и общих интересах»⁶⁹. Рыночная экономика обусловила возможность широкого использования средств коммуникации, увеличила возможность пользователей – как частных лиц, так и публичных институтов – влиять на события⁷⁰. «Расширив» человека в понимании Маклюэна⁷¹, расширив возможности государства, технологии стали нитями, оплетающими общество как каркас и позволяющими медиа формировать содержание (правовое, культурное, социальное, политическое) информационного общества, т.е. медиатизировать его.

В середине 1960-х гг., в период первой волны пристального интереса к информации, кибернетике и появления первых информационных теорий, М. Маклюэн выпустил несколько работ, в том числе «Галактика Гутенберга» (1962), «Понимание медиа» (1964) и «Медиа есть сообщение» (1967). Он относит к медиа любые формы передачи результатов мыслительных процессов и чувственного опыта, рассматривая медиа как средство коммуникации в целом.

Английский социолог и исследователь Дж.Б. Томпсон⁷² полагает, что понятие «медиатизация» выделяет роль медиа как институционально организованных структур, передающих не просто информацию, а элементы самой культуры, которые призваны формировать современное общество.

О программирующей функции культуры в обществе писал В.С. Степин: «Нет таких социальных состояний, структур, институтов, которые бы возникали, воспроизводились и изменялись вне влияния культуры. <...> Культурологический

⁶⁹ Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. – М., 2020. – С. 177, 495.

⁷⁰ См.: Бернштейн У. Массмедиа с древнейших времен и до наших дней. – М., 2017. – С. 13.

⁷¹ М. Маклюэн понимал под медиа любые внешние «расширения человека», кроме каналов коммуникаций, включая предметы быта, что привело к формированию технологического детерминизма, объясняющего все внешние «расширения человека» коммуникацией. См.: Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. – М., 2007.

⁷² См.: Thompson J.B. The Media and Modernity: A Social Theory of the Media. Stanford, 1995.

подход задает особый ракурс обсуждения цивилизационных перемен»⁷³. Трансформация культурных ценностей, социальные перемены происходят в том числе в результате влияния внешней среды. Тем самым медиатизация оказывает решающее влияние на формирование культурных кодов, «топосов» и «номосов» власти и общества. Ученый также отмечал, что «особую значимость процессы культурных трансформаций обретают с возникновением техногенного типа развития и его влияния на традиционалистские общества»⁷⁴.

В настоящее время теория медиатизации получила свое развитие и обоснование в работах С. Хьярварда, Ф. Кроца, В. Шульца, А. Хеппа, К. Лундбю. Усилиями в том числе этих ученых под эгидой Европейской ассоциации коммуникационных исследований и образования (*ECREA*)⁷⁵ была создана рабочая группа «Медиатизация»⁷⁶. Ее члены обращают внимание на то, что в настоящее время медиа присутствуют практически во всех сферах нашей жизни, конструируя социальную реальность в новых параметрах времени и пространства, предоставляя органам власти новые возможности для реализации своих полномочий и ставя под вопрос конституционные права личности и общественных организаций.

Надо отметить, что попытка ввести процесс медиатизации в правовую сферу была сделана в конце 1990-х гг. – в рамках информатизации. Так, по мнению В.С. Когана, «информатизация включает в себя три взаимосвязанных процесса: медиатизацию – процесс совершенствования средств сбора, хранения и распространения информации; компьютеризацию – процесс совершенствования средств поиска и обработки информации; интеллектуализацию – процесс развития способности восприятия и порождения информации, т.е. повышение интеллектуального потенциала общества, включая использование средств искусственного интеллекта»⁷⁷.

---

⁷³ Степин В.С. Философская антропология и философия культуры. – М., 1992. – С. 5.

⁷⁴ Там же. С. 464.

⁷⁵ URL: <https://www.ecrea.eu/>

⁷⁶ URL: <http://www.mediatization.eu/>

⁷⁷ Коган В.З. Теория информационного взаимодействия: Философско-социологические очерки. – Новосибирск, 1991. – С. 16; Информациология и информационная политика / под ред. Л.Г. Попова. – М., 1999. – С. 132.

Постклассическое развитие науки характерно тем, что видит ограниченную самостоятельность права. Правовые институты и явления сопряжены с экономическими, политическими, культурными феноменами, что неизбежно влияет на их развитие, поскольку в медиатизированном пространстве «идейное разнообразие не только неустранимо, оно становится единственно возможным паттерном для обществ, которые способны выбирать лучшие модели солидарности, приводящие к благополучию»⁷⁸. И медиатизация в своем правовом наполнении благодаря междисциплинарности подходов к освоению права в его историческом и социокультурном контексте проходит путь от исключительно социологического толкования к своей валидности в юридической науке.

О «насыщенности» нашей реальности медиа размышляют исследователи феномена медиатизации, предлагая увидеть разнообразие подходов к концепции медиатизации и называя ее характерной (типичной) для научной концепции постклассической рациональности, поскольку «ставшая привычной классическая методология сегодня уже не всегда позволяет успешно анализировать те процессы, которые происходят в ситуации фазового перехода и стремительно меняющейся социальной реальности»⁷⁹.

При этом социальная реальность может быть рассмотрена не только как «некая социальная конструкция, но и как коммуникативный механизм, выступающий как проявление динамического аспекта возникающей социальной реальности»⁸⁰. Необходимость развития новых подходов, по мнению В.С. Степина, вызвана переживаемой обществом четвертой глобальной научной революцией, в ходе которой рождается новая постклассическая наука, в парадигме которой происходят переход к междисциплинарности в проблемно-ориентированных исследованиях, «сращивание в единой системе фундаментальных и экспериментальных исследований, теоретического и

---

⁷⁸ Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы: коллективная монография. – С. 7, 14.

⁷⁹ Пашенцев Д.А. Модернизация методологии правовых исследований в условиях становления новой научной рациональности // Журнал российского права. – 2020. – № 8. – С. 5–13.

⁸⁰ Саяпина И.Ю. Медийное конструирование социальной реальности: теоретико-методологический подход: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Саратов, 2011.

прикладного знания; ориентация на исследование сложных исторически развивающихся систем»⁸¹. Д.А. Пашенцев сформулировал выводы о характере развития постклассической науки, важные для рассмотрения такого кроссдисциплинарного понятия, как медиатизация, которое вполне отвечает логике развития науки, общества и техники: «Представляется, что современная юридическая наука в современных условиях должна опираться на ряд важных принципов познания, среди которых можно выделить следующие:

междисциплинарный характер исследований, основанный на понимании сложных взаимосвязей между различными сферами научного знания о праве;

<...>

осознание аксиологического значения получаемого нового теоретико-правового знания;

отрицание жесткого детерминизма в трактовке правовых явлений;

<...>

признание многомерности и сконструированного характера правовой реальности»⁸².

Многомерность феномена медиатизации, многоподходность в ее изучении и определении ее сути, ее значение для личности, общества и власти, мягкое инкорпорирование медиатизации в правовые конструкции, в том числе через информатизацию процессов управления обществом, позволяют нам увидеть, каким образом постклассическая наука реализует в этом научном и одновременно практическом явлении свои подходы к изучению бытия и права.

Происходящие в обществе постоянные модификации способов коммуникации вызывают изменения в социальных и культурных процессах. И даже в этом утверждении кроется релятивизм детерминизма: что является первопричиной изменений? Например, Иннис полагает, что трансформация властных отношений и типов государственного устройства происходит под

---

⁸¹ Степин В.С. Теоретическое знание. – М., 2003. – С. 620.

⁸² Пашенцев Д.А. Модернизация методологии правовых исследований в условиях становления новой научной рациональности. – С. 5–13.

влиянием медиа, в то время как Маклюэн считает первичным изменение мышления и коллективного сознания.

Теория медиатизации стремится понять и объяснить важность развития мультимедиа по отношению к другим современным процессам в социуме и публичной власти на национальных, межнациональных уровнях и, конечно, к когнитивной деятельности личности в спектре ее взаимоотношений и взаимовлияния с обществом и институтами власти.

Медиатизация обеспечивает многогранную, глобальную, интерактивную и пространственную, сжатую во времени передачу любого контента, ориентированного на глобальную аудиторию. Постоянное развитие технологий перестраивает процесс передачи информации от отправителя к получателю и в том числе способно изменить ключевые характеристики медиатекстов. Пандемия и вызванная ею социальная (само)изоляция общества стимулировали развитие ориентированного на медиа нарратива, вовлекая публичную власть в медиатизацию своих функций в большей степени, нежели само общество и индивидов, которые изначально более когерентны с медийным конструированием реальности.

Медиа становятся каналом присутствия человека в мире, а социальные процессы обусловлены или хотя бы частично детерминированы медийной областью: они формируются, присутствуют и генерируются медиа.

Медиатизация становится необходимой детерминантой для огромной части человеческой жизни и одновременно для публичной власти благодаря тесной связи последней с социумом. Более того, медиатизация оказывает институциональное воздействие на публичную власть, создавая условия для «накопления власти, созданного возросшим распространением и автономией медиаинститутов, ценностей и технологий. В сущности, эти факторы больше не опосредуют власть, они ее конституируют»⁸³. Социальный процесс медиатизации называется элементом, необходимым для поддержания целостности в обществе.

---

⁸³ Deacon D., Stanyer J. Mediatization: key concept or conceptual bandwagon? // Media, Culture & Society. – 2014. – Vol. 36. – Iss. 7. – P. 1032–1044.

О причинной взаимосвязи медиатизации с обществом говорят исследователи Н. Коулдри и А. Хепп, в понимании которых медиатизация – это двусторонний концепт, позволяющий связать трансформацию общества и культуры, с одной стороны, и специфические изменения в медиа и коммуникациях – с другой. Медиатизация рассматривается ими как глубокий и длительный метапроцесс, проникающий на все уровни социальной жизни. В связи с этим, по их мнению, медиатизация имеет как количественное, так и качественное измерение: в первом случае можно говорить о временном, пространственном и социальном распространении медиа, во втором – о всевозможных последствиях, которые эта медиаэкспансия вызывает в социальном мире (медиатизация институтов власти, права, политики, образования, религии, памяти и т.п.). Безусловны и различия этого процесса в зависимости от культуры, географии, сегмента социальной жизни. Теоретики медиатизации рассматривают социальное конструирование реальности с вовлечением медиатизации через выявление роли медиа в созидании социального мира, в котором они, медиа, поддерживают или, наоборот, размывают границы между областями самой социальной реальности, глубоко трансформируя структуру повседневности. Под медиа соавторы подразумевают технические средства коммуникации, которые «институализируют и материализуют коммуникативные практики»⁸⁴.

По мнению авторов, история рассматривается как смена медиакультур – устной, письменной, печатной, электронной, – для каждой из которых характерно доминирование того или иного средства, той или иной коммуникации. Эти смены именуются авторами как «волны медиатизации»⁸⁵, которых к настоящему времени можно выделить четыре:

1) механизация (1450–1830 гг.) – изобретение печатного станка и последующее развитие коммуникативных практик, опосредованных индустриальным развитием печати и печатной продукции, появление печатных медиа. Появление печатного станка сравнимо с появлением Интернета, и в

---

⁸⁴ Couldry N., Hepp A. Op. cit. – P. 32.

⁸⁵ Couldry N., Hepp A. Op. cit. – P. 38.

научном сообществе тех лет велись дискуссии о качественном изменении в области информации и делались предположения о появлении коллективного разума⁸⁶;

2) электрификация (1830–1950 гг.) – появление медиа, работающих на основе электрической трансмиссии (телеграф, телефон, граммофон, радио, магнитофон, кинематограф, телевидение);

3) дигитализация (с 1950-х гг.): появление компьютеров, Интернета и мобильных коммуникаций; развитие и внедрение искусственного интеллекта в повседневную жизнь;

4) датификация (XXI в.) – начало волны больших данных, источниками которых являются, в частности, Интернет вещей и социальные медиа.

Каждую из перечисленных волн формирует не какое-то единичное медиа, а скорее, особый технологический способ функционирования всей медиасреды. Волна медиатизации привносит в медиасистему качественные изменения, достаточно критичные для того, чтобы образовать иную, отличительную фазу в текущем процессе медиатизации даже с учетом региональных и национальных различий. При этом появившиеся новые медиа не вытесняют старые, а способствуют их преобразованию в соответствии с инновационной парадигмой (например, печатные и электронные СМИ становятся цифровыми). Трансформируя медиасреду, очередная волна медиатизации обновляет и существующие в обществе практики коммуникации.

Последние две волны – дигитализация и датификация – коррелируют, по мнению Н. Коулдри и А. Хеппа, с фазой глубокой медиатизации социального мира⁸⁷.

Отечественные исследователи, изучающие историю опубликования, или обнародования, официальных нормативных актов, предлагают свою классификацию эпох официальной публикации применительно к медиатизации – через эволюцию форм доступности актов органов власти. Так, В.Б. Исаков

---

⁸⁶ См.: Levy P. *Collective Intelligence: Mankind's Emerging World in Cyberspace*. – N.Y., 1999.

⁸⁷ См.: Couldry N., Hepp A. *Op. cit.*

выделяет три эпохи: добумажная (до I в. н.э.), эпоха опубликования на бумаге (с I в. н.э. до наших дней) и эпоха электронного опубликования, датируемая автором с 1906 г. для России⁸⁸. В 1906 году в Своде законов Российской империи появилась норма, согласно которой «в самом издаваемом законе может быть указано на обращение его, до обнародования, к исполнению по телеграфу или посредством нарочных»⁸⁹. Развитие средств коммуникации привело к появлению носителя дистантной связи – телеграфа, что открыло для медиатизации публичного пространства, государственной власти, и не только российской, качественно новый этап. Изобретение этого типа коммуникации совпало с Великой французской революцией и позволило решить насущные задачи в военной, административной, налоговой сфере: так, в 1794 г. во Франции была установлена первая линия связи в виде башен, расположенных в непосредственной близости друг от друга от Парижа до Лилля. Причем первоначально телеграф развивался как государственный вид связи.

Сегодня медиатизацию следует рассматривать как всеобъемлющую характеристику новой ситуации в обществе вне зависимости от того, как его определяют, – обществом модерна, как это видит Томпсон, или постмодерна, с позиций Бодрийера. Безусловным представляется то, что медиатизация как социальное явление может рассматриваться как процесс, в котором медиа становятся интегрированной частью других публичных институтов и общества, в то же время оставаясь независимыми субъектами с собственной логикой, к которой вынуждены приспосабливаться иные социальные объекты, чьи институциональные действия совершаются через интерактивные и массовые медиа. Логика медиа, или медиалогика которой подчиняются социальные институты, относится к институциональным и технологическим способам функционирования медиа, включая способы, с помощью которых они

---

⁸⁸ Исаков В.Б. Нормативный правовой акт в электронной форме // Нормография: теория и технология нормотворчества: учебник для вузов / под ред. Ю.Г. Арзамасова. – М., 2023. – С. 89–90.

⁸⁹ См.: Высочайше утвержденные основные государственные законы от 23 апреля 1906 г. Пункт 51 // СПС «Гарант».

распределяют материальные и символические средства и используют формальные и неформальные правила.

Для анализа конструирования правового пространства в условиях медиатизации следует остановиться на понятии и значении медиалогии, которая может быть востребована в постклассической теории права.

Нацеленность юридической теории на конструирование реальности как масштаба, нормы и должного для физической реальности приводит к возможности замещения настоящей реальности виртуальной, медиатизированной. В этом механизме замещения медиатизация играет ключевую роль в конструировании правовой реальности, создавая правовые установки, паттерны поведения, мифологизируя право, как и иные социальные явления. Результатом становится взаимодействие общества с псевдосредой, мифологизированной или идеологизированной социальной реальностью, которая может значительно отличаться от объективной картины мира. Идеология вгоняет реальность в миф, и в этом медиалогия выступает механизмом опосредования мифов (права) и конструирования правового пространства для юридической теории. Через медиалогии происходит инкорпорирование правовых, социальных модусов в повседневность и их восприятие аудиторией как тождественных окружающей физической реальности. Медиалогия означает формы одобряемого публичной властью правового и социального опыта, «на основании чего у индивидов конструируются способы восприятия социальной реальности и модели социальной активности. Предназначение медиалогии проявляется в процессе конструирования медиасобытий»⁹⁰. Данная символичность и мифологичность права рассматривается некоторыми отечественными правоведами, такими как И.Н. Грязин, В.П. Малахов, И.А. Исаев⁹¹.

Интенсивность социального процесса медиатизации сопряжена с появлением массовой грамотной аудитории, урбанизацией общества, зарождением первых

---

⁹⁰ Ефанов А.А. Указ. соч. – С. 220.

⁹¹ См.: Грязин И.Н. Право есть миф // Правоведение. – 2011. – № 5. – С. 72–95; Малахов В.П. Миф о научности юридической теории // Стандарты научности и *homo juridicus* в свете философии права: Материалы V и VI философ.-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца / отв. ред. В.Г. Графский. М., 2011. С. 68–82; Исаев И.А. Топос и номос: пространство правопорядков: монография. – М., 2020.

форм массовой коммуникации. Такая форма публичной жизни возникла, например, на территории Пскова и Великого Новгорода в виде вече. «По мнению некоторых ученых, с грамматической точки зрения существительное „вече“ фиксируется в псковских нарративных, официальных и деловых документах не как подлежащее, а лишь как обстоятельство места или образа действия (например, „на вече“)»⁹². Для решения общинных, городских, торговых, судебных вопросов «весь Псков» и «мужи псковичи» (термины, относимые не к территории, а к людскому сообществу) собирались для участия в вече на площади перед собором Святой Троицы. Некоторые историки считают такую форму самовыражения, проявления городской идентичности прародительницей массовой коммуникации.

Здесь же появляется ораторское искусство и жанр аргументации, использовавшиеся как для публичных судебных процессов, так и при необходимости содействовать решению того или иного вопроса определенным образом. Аргументация как речевая коммуникация возникла первой и в устных обществах играла важную роль. Посредством аргументации добивались справедливости, выполнения взятых обязательств. В качестве альтернативы логико-дедуктивному подходу картезианского мышления были распространены аргументативные и дискурсивные теории Х. Перельмана и Р. Алекси⁹³, получившие свое развитие в отечественных исследованиях эволюции судебной системы в парадигме информационного (медиатизированного) общества⁹⁴.

Изучение правового пространства посредством методики дискурс-анализа является перспективным, поскольку дискурс рассматривается не в виде обыденного разговора, но с точки зрения структуры коммуникации в языковой практике, для чего рациональные логические приемы и эмоциональные способы убеждения аудитории используются для анализа собственно юридической деятельности, а также для исследования специфики обыденного правосознания. По

---

⁹² Поворова Е.А. Судебная власть Псковской республики в социальном и юридическом контексте // Российская юстиция. – 2023. – № 1. – С. 28.

⁹³ См.: Perelman C., Olbrechts-Tyteca L. *The New Rhetoric: A Treatise on Argumentation*. – London, 1969; Alexy R. *A Theory of Legal Argumentation: The Theory of Rational Discourse as Theory of Legal Justification*. – Oxford, 1989.

⁹⁴ См.: Гаджиев Х.И., Поворова Е.А. Эволюция судебной власти в информационном обществе // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2023. – № 5. – С. 79–91.

мнению И.Л. Честнова, «дискурс-анализ в его постклассической версии критического дискурс-анализа направлен на выявление механизмов власти и гегемонии в социальных практиках с помощью анализа текстов и использования языка»⁹⁵. Правовая реальность может быть рассмотрена как результат активной деятельности публичных социальных институтов по формированию юридически значимого поведения и убеждения населения в необходимости воспроизводства одобренных публичными властными институтами юридических практик. Сконструированный мир таким образом реифицируется и начинает восприниматься как объективная данность.

С исследовательской точки зрения воздействие медиатизации на социальные структуры впервые было рассмотрено в аспекте влияния медиа на политическую коммуникацию, и, прежде чем продолжить исследование особенностей конструирования правового пространства, взаимовлияния медиатизации и института судебной власти, важно остановиться на основных наблюдениях, сделанных в этой области.

Шведский исследователь медиа К. Асп был первым, чей взгляд на медиатизацию политической жизни получил признание и распространение среди ученых в социальном секторе наук. Под медиатизацией политической жизни Асп подразумевал процесс, в результате которого «политическая система в значительной степени подвергается влиянию и адаптируется к требованиям СМИ в освещении политики»⁹⁶, а в качестве одной из форм такой адаптации он называл формирование политиками публичного дискурса таким образом, чтобы сделанные в его рамках заявления были адаптированы применительно к аудитории в терминах и понятиях, соотносимых с интересами реципиентов сообщения, и таким образом, чтобы политический конкретный нарратив имел большую публикационную активность, тем самым формируя плотное информационное поле вокруг значимых для политика позиций. Иными словами,

---

⁹⁵ Честнов И.Л. Критический дискурс-анализ как метод постклассической теории права // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». – 2014. – № 1. – С. 68.

⁹⁶ Asp K. Mediatization: rethinking the question of media power // Mediatization of Communication / ed. by K. Lundby. – Oslo, 2014. – P. 349–374.

медиазация помещает общество в ситуацию информационного изобилия, в результате чего внимание получателей информации становится важным стратегическим ресурсом. Формируется фонд знаний, которые генерируются и циркулируют в обществе при помощи логики медиа, определяющих формат оформления и способ предоставления информации, а также социального восприятия.

С точки зрения исследования влияния медиазации на публичные сферы реализации властных полномочий и на общество не в рамках прямых предписаний и регламентаций, а с целью формирования когнитивных установок, в том числе правовых, представляет интерес работа Й. Стрёмбека о концептуальной позиции медиазации в политическом сегменте общества. Стрёмбек, рассматривая влияние медиазации политического дискурса на общественное мнение, предлагал учитывать формы демократического устройства с соответствующим правовым сопровождением форм деятельности медиаресурсов. С его точки зрения, политическую деятельность можно охарактеризовать как медиазированную в том случае, «когда средства массовой информации являются основными каналами, через которые сообщается о политике, и когда, как следствие, изображения "реальности", передаваемые через средства массовой информации, предположительно влияют на то, как люди воспринимают "реальность"»⁹⁷. Медиа в целом способствуют детерриторизации человеческого опыта и восприятия, но по мере повышения интенсивности получения опосредованного (через медиа) опыта в социуме возрастала и внетерриториальная релевантность переживания событиям и процессам. Эта всеохватность информационного воздействия стала следствием многих других процессов, в том числе подъема индустриальной экономики и экономики услуг, а во второй половине XX в. – также результатом развития транспортных

---

⁹⁷ Strömbäck J. Four Phases of Mediatization: An Analysis of the Mediatization of Politics // The International Journal of Press/Politics. – 2008. – Vol. 13. – Iss. 3. – P. 231.

технологий и, самое главное, информационной экономики, о которой писал М. Кастельс⁹⁸.

Кастельсом, в частности, было предложено описание складывающегося нового типа социальных отношений, в которых социальные процессы управляются посредством коммуникации и координации усилий равноправных акторов в самоорганизации последних. О высказанной им идее развития социального в виде продолжения технологического речь пойдет более подробно в следующей главе настоящего исследования, сейчас же важно упомянуть позицию Кастельса относительно восприятия медиатизации как неизбежного и всеобъемлющего процесса в обществе, где технологии меняют фундаментальные основы социальной организации.

Важным также видится взгляд Стрёмбака на коммуникацию как на важную составляющую процесса медиатизации: «...логика медиа является или стала доминирующим способом восприятия социальных и общественных дел... медиалогика состоит из формы коммуникации; процесс, посредством которого медиа представляют и передают информацию»⁹⁹.

К элементам этой формы относятся различные носители информации и форматы, используемые этими носителями. Формат частично определяется тем, как организован материал, стилем его изложения, фокусом или акцентом на определенных характеристиках медиадискурса и особенностями медиакоммуникации. Формат медиа используется для представления, а также для интерпретации, в том числе, правового нарратива.

Стрёмбек выявляет четыре аспекта, или степени, в медиатизации политики, что говорит о нелинейности и одновременности в их фактическом проявлении в обществе:

– степень, в которой средства массовой информации составляют наиболее важный или доминирующий источник информации о политике и обществе;

---

⁹⁸ См.: Castells M. The Rise of the Network Society. The Information Age: Economy, Society, and Culture. – London, 2009.

⁹⁹ Strömbäck J. Op. cit. – P. 233.

- степень, в которой СМИ независимы от политических учреждений с точки зрения управления;
- степень, в которой содержание СМИ обусловлено политической логикой или логикой СМИ;
- степень, в которой политические деятели управляются политической логикой или логикой СМИ.

При этом влияние медиалогии, например, на политических акторов, находящихся в различных институтах, различается как внутри стран, так и между ними.

Стрёмбек также выделяет четыре стадии медиатизации:

- первая возникает, когда медиа представляют собой (1) наиболее важный источник информации и (2) канал связи между гражданами и политическими институтами и субъектами, такими как политические партии, правительственные учреждения или группы политических интересов¹⁰⁰. Эта стадия в общих чертах является предпосылкой для последующих;
- на второй стадии медиатизации средства массовой информации как коммуникационная структура являются доминирующим источником влияния в политике, и акторы в СМИ накладывают свой отпечаток на картину политики благодаря способности выбирать и интерпретировать;
- для третьей стадии медиатизации характерно то, что различие между изображением реальности, сформированной логикой медиа, на которую социум опирается при формировании мнения, и реальным миром, каким он объективно формируется или разыгрывается, теряет значение. Медиатизированная реальность становится более важной, чем реальная реальность, в том смысле, что это опосредованная реальность, к которой люди имеют доступ и на которую реагируют;
- на четвертом этапе медиатизации политика и общество – от микро- до макроуровня – пронизаны медиа до такой степени, что избежать

---

¹⁰⁰ См.: Strömbäck J. Op. cit. – P. 236.

коммуникативной медиапродукции практически невозможно. Медиатизированная реальность политического (и правового) нарратива замещает объективную.

Эмпирическое и теоретическое исследование, на наш взгляд, даст возможность выявить, на какой из предложенных Стрёмбеком стадий медиатизации находится коммуникативное пространство социума.

Рассмотренные исследования влияния медиатизации на социальный мир в равной степени можно соотнести с правовой реальностью, с включением в нее активной позиции индивида, вовлеченного в созидание права и участие в юридической практике.

Правовой мир как часть социального существует в виде системы представлений о нем с соответствующими действиями, при этом система представлений формируется в значительной степени позицией актора (идеологической, исторической, социокультурной) и способом, которым он воспринимает окружающую действительность. «Социум – в постсовременном его понимании – это не объективно данная структура (совокупность социальных статусов и безличностных связей между ними), но социальный конструкт, воспроизводимый (традиционно и инновационно) ментальной и поведенческой деятельностью людей»¹⁰¹.

Если общество с точки зрения постклассического подхода теории права не существует вне идеальных представлений о нем, то правовая реальность находится в сложном взаимодействии правовых (идеологических) установок, транслируемых властными структурами и непосредственно утвержденными ими юридическими практиками. При этом с позиции постклассической теории существование правовой реальности заключается в одновременном реифицировании юридической практики в принципы права и распредмечивании их, инкорпорировании в фактические действия человека. Практика человека, его социальные действия, ведущие к правовым последствиям, превращают индивида в субъекта права, формируют нормы права через седиментацию множества персональных опытов и действий, т.е. систему права (правовую реальность) в

---

¹⁰¹ Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография. – С. 517.

динамике¹⁰². Рассмотрение особенности формирования правовой реальности через феномен медиатизации позволяет уточнить правовую реальность через опосредованную, в которой формирование реальности происходит с учетом доминирования социокоммуникационных процессов; охвата медиакоммуникационными сетями и потоками опосредованной медиалогикой информации, которая «реализуется на различных социальных уровнях, тем самым выстраивая новую систему социальных связей и взаимодействий»¹⁰³.

Конструирование правового пространства с позиций постклассической теории права рассматривается в трех модусах бытия: «в виде массового поведения, знаковой формы и ментального образа, включая индивидуальные, групповые и коллективные (социальные, общественные) формы проявления, взаимодействующие друг с другом»¹⁰⁴. Рассмотренные нами формы влияния медиатизации на общество и власть и формирование правового пространства с точки зрения различных исследователей имеют ряд ограничений, которые могут быть сняты в междисциплинарном подходе к изучаемой области. Медиатизация правового пространства выступает как знаковое опосредование социальности, тем самым по аналогии с упомянутым концептом медиатизации политического пространства может рассматриваться не просто как «вторая реальность», но как реальность как таковая.

Любое социальное явление или процесс опосредованы или преломляются в знаковых медийных формах и по большому счету конструируются ими. И социальная, правовая реальность – не данность, а конструкт.

Методология социального конструктивизма в совокупности с иными методами постклассической теории права позволяет рассмотреть правовое пространство как символическое восприятие массово воспроизводимых общественных интеракций, обозначаемых во внешнем проявлении в действиях и представлениях конкретных людей.

---

¹⁰² См.: Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография. – С. 493.

¹⁰³ См.: Ефанов А.А. Указ. соч. – С. 96.

¹⁰⁴ Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография. – С. 99.

На схематично представленной роли медиатизации в политическом пространстве – как самом широком и чувствительном публичном пространстве, в котором аккумулированы все общественно значимые вопросы, включая правовые, – можно, как на срезе опытной социальной материи, увидеть процесс выстраивания новых коммуникативных связей в общественных отношениях, формирующих новое общество.

Концепция человеческих союзов в условиях медиатизированного общества подвергается онтологическому, философскому переосмыслению, особенно если придерживаться позиций, что целью союзов (общественных, государственных) могут быть только разумные и свободные лица: «Не лица существуют для учреждений, а учреждения для лиц. От них исходит и совершенствование учреждений. Последние развиваются и улучшаются вследствие того, что лицо отрывается от существующего порядка и предъявляет свои требования и свои права»¹⁰⁵.

На смену коммуникации, когда-то связанной с физической встречей людей лицом к лицу, пришла опосредованная коммуникация, в которой отношения между отправителем и получателем значительно меняются. Формирование сознания, идентичности, представления о социальном, политическом и правовом нарративе, а также коммуникативные особенности социума начинают зависеть в том числе от глубины медиатизации общества, понимания этого процесса, введения его в правовой оборот.

Медиатизация правового пространства имеет как конструктивные, так и деструктивные последствия, которые, будучи взаимообусловленными, не могут восприниматься в отдельности друг от друга и подлежать нормативному регулированию в дискреции. Так, навязывание контента в виде доминирующих представлений в восприятии правовой, судебной практики, воздействие на ранжирование каналов передачи информации, утрата конфиденциальности личной жизни, замещение реальности медиареальностью относятся к оборотной, деструктивной стороне медиатизации. Однако ее надо воспринимать в сочетании

---

¹⁰⁵ Чичерин Б.Н. Философия права. – СПб., 1998. – С. 180.

с конструктивными особенностями медиатизации: доступностью информации, ее разнообразием и возможностью выбора, повышением информационной, а вместе с ней и правовой грамотности индивидов.

Подводя итог изложенным рассуждениям о феномене медиатизации в современном обществе, с учетом рассмотрения особенностей влияния этого феномена на конструирование правового пространства с позиций постклассического подхода к праву можно предложить вывод о том, что медиатизация представляет собой глубокий и длительный онтологический процесс, проникающий на все уровни социальной жизни и позволяющий связать трансформацию общества и власти, их взаимоотношений под воздействием медиалогии, с одной стороны, и специфические изменения в коммуникации в обществе и публичных властных структурах, формирование новых общественных отношений – с другой. Медиатизация имеет как количественное, так и качественное измерение: в первом случае можно говорить о временном, пространственном и социальном распространении медиа, во втором – о всевозможных последствиях, которые эта медиаэкспансия имеет для социального мира¹⁰⁶.

Конструирование правового пространства с учетом феномена медиатизации выражается в трех модусах бытия, определенных в рамках постклассического подхода к праву: в виде массового поведения, знаковой формы и ментального образа. Диалогичность права подразумевает состояние постоянного переосмысления форм существования правового пространства; предполагает взаимодействие правового пространства и личности индивида, поскольку пространство конструируется активностью акторов; правовое пространство формируется и развивается благодаря предшествующей практике, массово повторяющемуся поведению, общепринятым ментальным образам.

---

¹⁰⁶ См.: Поворова Е.А. Медиатизация судебной власти // Основные тенденции в правовом регулировании цифровых технологий. Сравнительно-правовое исследование: коллективная монография / отв. ред. Х.И. Гаджиев. – М., 2022. – С. 241.

1.2. Теоретико-правовая методология исследования медиатизации в информационном обществе

Как было отмечено ранее, современные масштабные изменения общественных отношений носят глобальный характер в силу взаимосвязанности процессов жизнедеятельности человечества, прошедшего в своем развитии стадию производственного общества, пережившего век Просвещения с его рациональным видением науки и созиданием позитивного права. На современном этапе наука не обладает тем эпистемологическим статусом, который ей придавался эпохой Просвещения с ее научными открытиями, и мировоззренческими изменениями и до времени глобальных социокультурных изменений XX в. не подвергался переосмыслению. Смена типа рациональности, релятивизация критериев научности, зависимость научной деятельности от социокультурного контекста повлекли и изменения в методологии и методике науки. Картезианское сомнение по отношению ко всем источникам информации, вызванное развитием медиатизации в социальном и правовом пространстве, предопределяет трудность формирования методологии, равноценной современному социуму. В.А. Лекторский, размышляя о трансформации эпистемологии, говорил о том, что «философские дискуссии о знании... сегодня относятся к поискам надежных способов организации человека в окружающем его мире псевдореальностей и потоков дезинформации (традиционный жизненный мир взламывается современными технологиями), с оценкой имеющихся форм и способов познавательной деятельности и их возможным пересмотром – сегодня этот пересмотр гораздо радикальнее, чем в прошлом»¹⁰⁷.

Представляется, что на нынешний день методология и методика исследования права не являют собой неизменную совокупность методов, прошедших многовековую эмпирическую проверку их действенности, позволяющих описывать и объяснять право, но видятся адекватными сегодняшнему дню творческими задачами для рефлексии многогранности,

---

¹⁰⁷ Лекторский В.А. Трансформация эпистемологии: новая жизнь старых проблем // Эпистемология: перспективы развития. – М., 2012. – С. 24.

изменчивости, исторической, социокультурной релятивности правовой реальности.

Для восприятия медиатизации в правовом исследовательском дискурсе и в настоящей диссертационной работе важно будет принятие позиции конструктивизма, предполагающей, что «понятия приобретают свое значение исключительно в контексте текущих социальных взаимодействий... ценность метода научного познания обусловлена исключительно степенью его распространенности в локальном научном анклаве»¹⁰⁸. Так, неклассическая рациональность проблематизирует объективность познания, признавая зависимость представления об объекте от используемого метода и от позиции субъекта-наблюдателя. Таким образом, выбранный метод исследования неизбежно включает в себя субъект-объектные и субъект-субъектные отношения, что влияет на исследовательский результат. Но безусловно и то, что постклассическая рациональность не отрицает важности классической методологии.

По мнению Ю.А. Тихомирова, «время и пространство получают свое "правовое и моральное" измерение»¹⁰⁹. Эта всеобъемлющая философская формула не всегда оказывается своевременно и соразмерно явлениям отрефлексирована с теоретико-правовой точки зрения, но она толкает исследовательскую мысль к поискам новых способов и методов освоения правовой реальности, к новым научным предложениям в развитие методологии, теории и практики.

С точки зрения Н.А. Власенко, «современное право – сложное, разноуровневое и разнохарактерное явление», а «правореализация не менее сложный механизм, с появлением цифровых технологий она стала еще более многогранной и динамичной»¹¹⁰.

---

¹⁰⁸ См.: Gergen K. Realities and relationships: soundings in social construction. Cambridge, Mass. – London, 1994. – P. 184.

¹⁰⁹ Тихомиров Ю.А. Право: момент покоя или опережающее воздействие на социальные процессы // Журнал российского права. – 2020. – № 4. – С. 5–16.

¹¹⁰ Власенко Н.А. Методологические основания исследования правовых ценностей: монография / отв. ред. Н.А. Власенко. – М. 2023. – С. 38.

Для каждого этапа развития правовой науки¹¹¹ характерно особое качественное состояние, в котором внешние и внутренние факторы бытия определяют содержание научного знания и связанные с ним цели и задачи. Если исходить из того, что право представляет собой социальное явление, одну из сторон общества, то следует согласиться и с тем, что методы, используемые юридической наукой, – это измененные применительно к правовой реальности общенаучные методы исследования.

Выбор метода научного познания правовой реальности на текущем этапе, по всей видимости, будет зависеть от того, к какой точке отсчета прибегнет исследователь, и сегодня многие видные теоретики права склоняются к признанию правовой науки постклассической¹¹².

В.В. Лазарев считает, что «два процесса предопределили новый виток неклассической науки. Во-первых, общество вступило в век информационных технологий. Всеми как факт замечена смена индустриальной ступени развития цивилизации постиндустриальной. Сложилось информационное общество. <...> Во-вторых, получили развитие процессы глобализации – процессы планетарной взаимозависимости и взаимообусловленности разных обществ и государств»¹¹³. Информационное общество в своем нелинейном развитии дает возможность эффективного применения междисциплинарного дискурса и методов исследования в правовом пространстве процесса медиатизации.

Новые реалии требуют новых правовых регуляторов коммуникативных форм отношений, учитывающих развитие технологий и формирование медиатизированного пространства. Ю.А. Тихомиров отмечает, что как новое научное понятие «медиапространство становится успешным конкурентом

---

¹¹¹ Этапы развития юридической науки с обоснованием периодизации были предложены М.А. Кожевиной, см.: Кожевина М.А. История отечественной юридической науки в постнеклассический период: понятие, теоретико-методологическое предназначение в научном познании // Российская юстиция. – 2023. – № 9. – С. 75–80.

¹¹² Например, И.Л. Честнов, Е.Н. Тонков, А.В. Поляков, Е.В. Тимошина, В.А. Четвернин, Т.Я. Хабриева, Н.Н. Черногор, Д.А. Пашенцев, В.И. Павлов и др. Указать всех причастных к данному научному направлению довольно затруднительно. Более широкий перечень авторов дает В.И. Павлов. См.: Павлов В.И. Формирование постклассического дискурса человека юридического (формирование постклассической антропологии права) // Социокультурная антропология права: коллективная монография / под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Честнова. – СПб., 2015 – С. 63–84.

¹¹³ Лазарев В.В. Толкование права: классика, модерн, постмодерн // Журнал российского права. – 2016. – № 8. – С. 15.

традиционных национально-государственных, социальных и международных институтов»¹¹⁴. И если «правовое пространство – тоже новое научное понятие, отражающее многослойное и безграничное правовое регулирование в современном мире», то перед теорией права встают онтологические и аксиологические вопросы: например, «как взаимодействуют и перекликаются медиапространство и правовое пространство», или, применительно к теме настоящей работы, – в рамках каких методологических дискурсов возможно исследование медиатизации правового пространства? В развитие идей Ю.А. Тихомирова мы предлагаем использовать теоретико-правовые междисциплинарные подходы в поисках ответа на вопрос о взаимодействии с правом нового явления в технологическом укладе информационного общества XXI в., имеющего тенденцию к охвату и поглощению процессов информатизации в государственном управлении, совмещению медиапространства, правового пространства и судебной власти, – явления медиатизации общества и института суда.

Многовекторный подход к праву, обосновываемый Ю.А. Тихомировым, а также концепция научного знания и научной рациональности В.С. Степина, относившего правовую науку к постклассической научной рациональности, предложения по векторам поисков методологических правовых подходов в освоении правовой реальности, введенные в научный оборот Н.Н. Черногором, Д.А. Пашенцевым¹¹⁵, с учетом общей концепции модернизации права позволяют нам рассмотреть медиатизацию как сложное правовое явление в его включении в коммуникативные правовые контуры и одновременно в технологические инструменты реализации судебной власти.

Размышляя об онтологии права, Г.А. Гаджиев отметил: «Закон усложнения общественной жизни приводит к тому, что регулируемое правом пространство общественных отношений становится все более обширным, появляется система

---

¹¹⁴ Тихомиров Ю.А. Правовое сознание в условиях социальной динамики // Вестник Российской академии наук. – 2020. – Т. 90. – № 12. – С. 1170.

¹¹⁵ См.: Пашенцев Д.А. Модернизация методологии правовых исследований в условиях становления новой научной рациональности.

понятий, которыми оперируют и другие отрасли знания, но которые в юриспруденции приобретают сугубо автономный, юридический смысл. Так, понятие "народ" в юриспруденции отличается от этого же понятия в истории, политэкономии, демографии. И воля народа как юридическое понятие совсем не то, что воля в психологии. Юридическая мысль приводит к осознанию того, что вокруг нас в рамках объективно существующей реальной, овеществленной действительности существует особая реальность – правовая действительность»¹¹⁶. Многогранность права позволяет комплексно рассматривать человека, носителя статуса субъекта права, его активность в социальном, правовом пространстве и знаковые формы, в которых осмысляется сам индивид, для чего необходим новый методологический потенциал исследования эвристической функции права в условиях медиатизации. Обращение к потенциалу методологии постклассической теории права в рассмотрении феномена медиатизации не закрывает обращения к классическим методологическим подходам в силу возможностей синергетических и междисциплинарных методов, объединяющих разные исследовательские установки.

Постклассическая методология права основывается на множественности модусов бытия права, его диалогичности, сконструированности, дискурсивности как знаковом опосредовании права, а также учитывает контекстуальную или социокультурную и историческую обусловленность права. Такой подход дает возможность инновационного и классического исследования правовой реальности.

Переход из социальной реальности в правовую действительность, или правовой правопорядок, правовую картину мира в последнее время идет намного интенсивнее. Так, в теории права делает первые шаги термин «медиатизация», инкорпорированный в современное отечественное правовое пространство из общей философии и дополненный содержанием социологических, психологических и исторических исследований.

---

¹¹⁶ Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности): монография. – С. 8.

Признание процесса медиатизации общества сдвигается к началу XXI столетия вместе с укреплением научных позиций постклассической рациональности и междисциплинарных методов познания ее правовой реальности.

Впрочем, отсутствие точных дат появления той или иной общественной формации с характерными для нее производственным и экономическим приоритетами и в немалой степени связанными с ними тенденциями в правовой науке и культуре в целом не может останавливать исследователей в поисках применимых современных концептов теоретико-правовой методологии (в случае с настоящим исследованием – относительно вопросов медиатизации судебной власти в информационном обществе).

Многомерность социальной и правовой реальности современного мира стимулирует активную исследовательскую деятельность с использованием как классических, так и междисциплинарных методов познания явлений и институтов социума. Правовой научный дискурс, особенно в рамках постклассической науки, позволяет уйти от одномерности восприятия в ретроспективных вопросах эволюции общества и власти, а также увидеть возможности сегодняшнего дня и потребности науки и практики в ближайшей перспективе. При этом новый этап научной рациональности, о котором говорил В.С. Степин, не означает полный отказ от предшествующих методологических установок, поскольку «становление постнеклассической науки не приводит к уничтожению всех представлений и познавательных установок неклассического и классического исследования. Они будут использоваться в некоторых познавательных ситуациях, но только утратят статус доминирующих и определяющих облик науки»¹¹⁷.

Право, как и все социальные науки, формируется и развивается в результате эволюции культуры общества. К. Шмитт определил четыре этапа развития культурного социума Европы – теологический, метафизический, гуманитарно-моральный, экономический. И, со всей вероятностью, сегодня можно констатировать появление следующего этапа – медиатизированного: «...с самого

---

¹¹⁷ Степин В.С. Теоретическое знание. – М., 2003. – С. 635.

начала двадцатое столетие оказывается не только веком техники, но и веком религиозной веры в технику»¹¹⁸. Но и здесь, вслед за Шмиттом, сделаем оговорку о том, что «окончательный смысл нашей эпохи обнаружится лишь тогда, когда станет ясно, какого рода политика достаточно сильна, чтобы совладать с новой техникой»¹¹⁹. И.А. Исаев, исследуя пространство правопорядков, отмечал, что «сама правовая реальность слишком многообразна, чтобы воспринимать ее и описывать ее при помощи только какого-либо одного исключительного, а тем более императивно-нормативного, т.е., по существу, волюнтаристского метода»¹²⁰.

Обращение к историческому методу изучения неизбежно при исследовании явления медиатизации, поскольку оно характерно для всего развития осознанного человечества. Историческое мышление, включающее интеллектуальные операции в виде анализа, синтеза, индукции и иные, согласно Н.И. Кондакову¹²¹, позволяет моделировать существенные свойства и взаимосвязи исторических явлений. Будучи по своему характеру ценностно-рациональным, «исторический тип мышления с помощью оценок и шкалы ценностей превращает ту или иную идеологию в систему взглядов на роль и значение общественных или экономических явлений»¹²².

Размышляя о типологии права, В.В. Лазарев отметил: «Характеристики современности сместились в сферы культуры»¹²³. Этот эволюционный подход наиболее заметно проявился в научных исследованиях¹²⁴ с момента признания общества информационным. Информационная модель развития общества требует от философии и теории права обратиться к антропоцентричным,

---

¹¹⁸ Шмитт К. Эпоха деполитизаций и нейтрализаций // Социологическое обозрение. – 2001. – Т. 1. – № 2. – С. 49–51.

¹¹⁹ Там же. – С. 55.

¹²⁰ Исаев И.А. Топос и номос: пространство правопорядков: монография. – М., 2020. – С. 9.

¹²¹ См.: Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. – М., 1976. – С. 366–367.

¹²² Власенко Н.А. Методологические основания исследования правовых ценностей: монография. – М., 2023. – С. 39.

¹²³ См.: Лазарев В.В. Толкование права: классика, модерн и постмодерн // Журнал российского права. – 2016. – № 8. – С.19.

¹²⁴ См.: Степин В.С. Современные цивилизационные кризисы и проблема новых стратегий развития: научное издание. – М., 2018. – С. 6–8; Честнов И.Л. Общество и юриспруденция на исходе второго тысячелетия. – СПб., 1999. – С. 107.

коммуникативным теориям, дающим основной нарратив в формировании адаптивных социальных и правовых моделей социума и власти (судебной власти с учетом выбранной тематики исследования), во влиянии медиатизации. По мнению В.М. Сырых, процесс научного познания права «представляет собой закономерность движения мысли сообразно познанным закономерностям права к его новым еще непознанным закономерностям»¹²⁵, что по сути подтверждает общий верный подход в выборе, сочетании как современных так и традиционных методов применяемых к комплексным исследованиям.

Безусловно, «методологический арсенал, веками predetermined свойствами и особенностями правовой материи, должен развиваться»¹²⁶, при этом избегая абсолютизации методологических приемов, как это было в советский период, когда идеологический подход к изучению марксизма вывел его из поля научных развивающихся исследований в поле догматики. Коммуникативный характер информационного, а точнее медиатизированного, общества, не отрицая классический подход к рациональности, значительно корректирует, по-гегелевски снимает социальные формации. В силу внедрения технологий происходит быстрая смена социального и правового нарратива, что не позволяет в прикладном формате исследования делать все вероятные перспективные выводы, но дает возможность предложить и развить футурологические подходы, принять во внимание открытость и изменчивость структур, их постоянное преобразование человеческими практиками. Одновременно с этими процессами следует говорить об «интерсубъективной, ментальной объективности знания о праве, универсальности как необходимости знания самого по себе (как и права), о коммуникативной истине этого знания, контекстуальная и вероятностная достоверность которого обретается в качестве общезначимости в предельно широком социально-научном дискурсе о праве»¹²⁷.

---

¹²⁵ Сырых В.М. Общая теория права как философия, методология, логика и социология права // Государственно-правовые исследования. – 2020. – № 3. – С. 22.

¹²⁶ Власенко Н.А. Указ. соч. – С. 41.

¹²⁷ См.: Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография. – С. 235.

Вместе с предлагаемым идеологическим нарративом необходимо конструировать и практические модели властных, судебных систем – медиатизированных или со значительным элементом медиатизации, для чего важен интегративный подход к методам понимания правовой реальности. О важности интегративного подхода в современном обществе говорил один из родоначальников постклассических правовых исследований Г.Дж. Берман: «...теория права должна делать упор на взаимодействие духа и материи, идей и опыта. Она должна свести воедино все три традиционные школы юриспруденции – политическую школу (позитивизм), этическую школу (теория естественного права) и историческую (историческая юриспруденция) и создать интегрированную единую юриспруденцию»¹²⁸. По мнению отечественного сторонника этой научной концепции Н.В. Разуваева, «философский фундамент интегративного понимания был заложен в результате сближения трех важнейших типов мировоззрений, определяющих научное познание во всех его сферах, а именно англо-американской аналитической философии (представленной той его версией, которая восходит к идеям позднего Витгенштейна), феноменологии Э. Гуссерля и его последователей и, наконец, неомарксизма франкфуртской школы, прежде всего Ю. Хабермаса»¹²⁹.

Постклассическая методология, в отличие от классической, основывается на признании роли социокультурных факторов, обуславливающих научное познание, и признает контекстуальность в виде исторической, социокультурной изменчивости научного знания и его принципиальной неполноты. При этом В.С. Степин пишет, что тип культуры определяет «способ видения реальности в науке, стили мышления, которые формируются в контексте культуры и испытывают воздействие самых разных ее феноменов»¹³⁰. Он же уточняет, что типу культуры соответствуют характерные для него строй сознания, формы и

¹²⁸ Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. – М., 1998. – С. 57.

¹²⁹ Разуваев Н.В. Постклассические исследования права и онтология правовой реальности // Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы: коллективная монография / под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. – СПб., 2023. – С. 165.

¹³⁰ Степин В.С. Специфика научного познания // Наука: возможности и границы / отв. ред. Е.А. Мамчур. – М., 2003. – С. 11.

способы общения (*отметим здесь коммуникативный характер культуры, что соответствует и различному уровню, характеру медиатизации*), передачи социального опыта с принятыми ценностями. По мнению И.Л. Честнова, тип культуры «характеризуется специфическими для него универсалиями, которые обеспечивают квантификацию и сортировку социального опыта, выступают базисной структурой человеческого сознания и образуют обобщенную картину человеческого мира (мировоззрение)»¹³¹. Осознание контекстуальности правового знания позволяет исследовать любое конкретное правовое явление во взаимосвязи с другим явлениями: социальными, экономическими, политическими, историческими.

Категория «медиатизация» представляется довольно емкой по своему смыслу и позволяющей не ограничиваться современным этапом, уже охарактеризованным информатизированным воздействием цифровых технологий на социальную и правовую сферу, а рассмотреть проблему в более широком ракурсе – через аспект развития коммуникативно-акторной сферы действия права, в связи с чем речь пойдет и о медиа, и о субъектах медиатизации, и, в конечном счете, об эволюции судебной власти в условиях медиатизации и коммуникативного развития права.

Предлагаемая тема настоящего исследования – медиатизация судебной власти – ранее не рассматривалась в рамках научного теоретико-правового дискурса. Основные работы были посвящены установлению содержания правосудия в условиях развития цифровой среды¹³², но практическая составляющая деятельности судебной власти, связанная с вовлечением последней в медийное конструирование реальности, учитывая уже произошедшие изменения в организации судопроизводства и предстоящее еще большее вовлечение в

---

¹³¹ Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография. – С. 152.

¹³² См., напр.: Электронное правосудие: монография / под ред. Е.В. Бурдиной, С.В. Зуева. – М., 2021; Момотов В.В. Пространство права и власть технологий в зеркале судебной практики: современный взгляд // Журнал российского права. – 2023. – № 2. – С. 112–123; Курочкин С.А. Цифровые технологии и эффективность правосудия // Lex Russica. – 2022. – № 10. – С. 152–163; Борисова Л.В. Об основных направлениях становления и развития электронного правосудия в современной России // Право и цифровая экономика. – 2020. – № 2. – С. 32–35; Жданова Ю.А. Правовая природа электронного правосудия и его место в системе институтов информационного общества // Административное право и процесс. – 2015. – № 4. – С. 80–83.

медийный (или цифровой, информационный, если использовать ставшие общеупотребительными термины) формат работы с судебной информацией, потребовала формулирования теоретических подходов и ряда практических предложений.

Современное общество как сложная и постоянно развивающаяся структура приводит к формированию новых теоретических правовых и философских систем, в рамках которых возможно увидеть поступательное развитие категорий информатизации, цифровизации с преобразованием их в общую, более широкую категорию медиатизации.

Такая трансформация ставит перед научным сообществом множество вопросов теоретико-правового характера, от осмысления которых зависит выбор пути развития практики. И эти вопросы находятся в плоскости теории права, охватывающей множество взаимозависимых аспектов, таких как коммуникативная связь общества и судебной власти, особенности информационной судебной политики, тесно связанные с реализацией принципа открытости суда, выявление роли судебной власти как основного актора в формировании правового сознания в обществе, аксиология этических норм в современных условиях, значение судебной деятельности в установлении истины и правды в рамках судебного процесса с последующим влиянием решений на правовую и социальную действительность.

Безусловно, можно говорить о вопросах формы и содержания – информатизации, или цифровизации, и медиатизации (судебной власти). Взаимообусловленность формы и содержания подобна взаимосвязи цели и средства: в зависимости от контекста цель может выступать в роли средства, и наоборот, средство будет выглядеть целью¹³³. Технические средства и технологии не определяют смысловые, правовые изменения правотворческой и правоприменительной деятельности, но предоставляют возможность и инструментарий для таковых.

---

¹³³ См.: Чулюкин Л.Д. Природа и значение цели в советском праве. – Казань, 1984. – С. 12.

Соотношение категорий «информационное общество», «цифровизация», «информатизация» с категорией «медиатизация» необходимо рассматривать с учетом постклассического теоретического подхода и междисциплинарных исследований коммуникативного права, медиафилософии.

Наиболее значимыми методологическими подходами постклассической теории права представляются: юридическая антропология¹³⁴, феноменология права, герменевтика, синергетика права. Исследование медиатизации становится возможным через методологию социального конструктивизма, дискурс-анализа, диалогической методологии.

Диалогическая методология права делает акцент на внутреннем диалоге «как предпосылке успешности правовой коммуникации, на психических (психологических) и лингвистических механизмах достижения консенсуса в обществе, на дискурсивности юридических практик, на механизмах правовой социализации и идентичности»¹³⁵.

Социальный конструктивизм как онтологический концепт, согласно которому социальный мир является сконструированным человеческими действиями, а не предзаданной естественной сущностью, был разработан и впервые введен в научный оборот П. Бергером и Т. Лукманом¹³⁶ и может быть представлен в следующих характеристиках, данных К. Джердженом:

- критический подход к знанию, которое не представляет собой зеркальное отражение реальности, но появляется в результате ее категоризации;
- знание условно в силу исторической и культурной обусловленности;
- знания взаимосвязаны с социальными процессами и конструируются в процессе социального взаимодействия;
- знания взаимосвязаны с социальным поведением¹³⁷.

¹³⁴ См.: Пашенцев Д.А. Модернизация методологии правовых исследований в условиях становления новой научной рациональности.

¹³⁵ Честнов И.Л. Диалогическая методология юридической науки // Методологические проблемы современной юридической науки. – М., 2015. – С. 52.

¹³⁶ См.: Бергер П., Лукман Т. Указ. соч.

¹³⁷ См.: Gergen K. Op. cit. – P. 184.

Дискурс-анализ как постклассический метод особенно востребован для понимания сложных процессов современности, в том числе таких, как медиатизация. Дискурс с позиции теории постклассического права следует рассматривать как структуру коммуникации и ее артикуляцию в языковой практике. В рамках исследования медиатизации судебной власти дискурс-анализ важен, поскольку соотносится с теорией аргументации, которая активно использует рациональные логические приемы и нерациональные эмоциональные способы подачи информации, в частности, в судебных актах.

Так, использование термина «актор» коммуникативного поля, «участник» диалога, дискурса в рамках исследования медиатизации с позиции постклассической теории права допустимо в отношении как индивидов, так и публичных институтов, в том числе судебной власти¹³⁸.

Дискурсивность конструируемости и воспроизводимости правовой реальности, о которой пишет А.В. Поляков¹³⁹, формирование правовых текстов, обеспечивающих взаимное признание прав и обязанностей субъектов правовой коммуникации, в основном реализуются посредством медиатизации судебных актов и судебной власти в целом. Роль судебной власти в дискурсе видится как роль авторитетного субъекта и символического капитала, именующего определенные действия правомерными либо неправомерными и таким образом запускающего легитимацию правил поведения в виде признания их широкими слоями населения и седиментацию в образцы традиционного поведения. В итоге дискурсивной конструируемости реальности «мир реифицируется и начинает восприниматься как объективная данность, природа вещей, естественная сущность»¹⁴⁰.

О теории аргументации или дискурсивной рациональности писали Хабермас¹⁴¹ и Алекси. Последним были предложены правила дискурсивной

---

¹³⁸ См.: Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография. – С. 61, 229, 302, 517.

¹³⁹ См.: Поляков А.В. Коммуникативный подход к праву как вариант постклассического правопонимания // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки на современном этапе: сборник научных трудов / отв. ред. А.Л. Савенок. – Минск, 2012. – С. 25.

¹⁴⁰ Честнов И.Л. Правовая коммуникация в контексте постклассической эпистемологии // Правоведение. – 2014. – № 5. – С. 39.

¹⁴¹ См.: Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб., 2000. – С. 182.

этики, выражаемые правилами дискурса, которые могут быть представлены в виде тезисов: каждый, кто может говорить, может принимать участие в дискурсе; каждый может ввести любое утверждение в дискурс; каждый может выражать свои взгляды, желания и потребности; ни одному из ораторов нельзя препятствовать реализовывать его права никаким давлением, в рамках или за пределами дискурса¹⁴². Тем самым вырабатываются социальные представления и формируется предсказуемая юридическая повседневность.

Теория аргументации судебных актов в рамках дискурс-анализа повседневности рассматривается М. Хуком, уточняющим, что в «юридической практике произошел переход от вертикальной и линейной легитимации к легитимации циркулярной и взаимной»¹⁴³. Линейная легитимация характерна для деятельности судебной власти – авторитетного субъекта дискурса, поскольку она «навязывает нам авторитарное решение с позиции общей справедливости и юридической однозначности»¹⁴⁴.

По мнению И.Л. Честнова, «прикладное значение дискурс-анализа состоит в том, что с помощью методики включенного наблюдения и регистрации (протоколирования), проговаривания юридически значимых действий, например, правоприменителем, можно определить тот смысл, который он (правоприменитель) вкладывает в эти действия»¹⁴⁵. Кроме того, И.Л. Честнов считает, что использование дискурс-анализа будет значимым в исследованиях, посвященных изучению правосознания, а также в изучении формирования социальных, в том числе правовых, установок. В определенном смысле можно говорить о значимости дискурс-анализа в исследованиях, посвященных изучению судебной власти в общественном сознании и, соответственно, понимании судебной власти в системе общественных отношений¹⁴⁶.

---

¹⁴² См.: Алекси Р. Юридическая аргументация как рациональный дискурс // Российский ежегодник теории права. Вып. 1. – СПб., 2008. – С. 455.

¹⁴³ Хук М. Указ. соч. – С. 276.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Честнов И.Л. Методология и методика научного исследования: учебное пособие. – СПб., 2018. – С. 116.

¹⁴⁶ См.: Дубровская Т.В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2010; Батоболотова Е.Б. Судебная власть в системе общественных отношений: дис. ... канд. филос. наук. – Чита, 2022.

Выстраивая арку социальных изменений с научным подходом, находим подтверждение регуляции информационного (медиатизированного) социума у В.С. Степина, считавшего, что возникновение «каждого нового типа рациональности не приводит к исчезновению предшествующих типов, а лишь ограничивает сферу их действия. <...> Научная рациональность на современной стадии развития науки представляет собой гетерогенный комплекс со сложными взаимодействиями между разными историческими типами рациональности»¹⁴⁷. Дискурсивная рациональность, пришедшая на смену классической, важна для понимания медиатизации как явления в целом и медиатизации судебной власти в частности.

Влияние структурализма открыло новые грани в понимании генезиса права и власти в изменившемся социокультурном контексте постиндустриального социального мира. «Суть структурализма состоит в поиске инвариантной универсальной структуры, которая выражается во внешней форме объекта. В связи с этим может создаться впечатление, что структуралистская методология является разновидностью диалектики, напоминающей, например, поиск эйдосов Платона или знаменитый тезис Парменида. Однако структура в структурализме рассматривается как статичное образование, представляющее собой внутреннюю форму объекта»¹⁴⁸.

Вопросы медиатизации общества и власти укладываются в русло философской, правовой рефлексии о соотношении цивилизации, культуры и права, лежат в направлении исследования особенностей жизнедеятельности различных обществ, исторических эпох в аспектах развития коммуникации и медиа. Одно из размышлений, предлагаемых в данной работе, основано на подходах, принятых в рамках медиафилософии¹⁴⁹, рассматривающей историю цивилизаций как историю развития медиа. Онтологическое измерение процесса

---

¹⁴⁷ Степин В.С. Классика. Неклассика. Постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика: Философия, наука, культура / отв. ред. Л.П. Киященко, В.С. Степин. – СПб., 2009. – С. 250.

¹⁴⁸ Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография. – С. 157, 158.

¹⁴⁹ См.: Савчук В.В. Медиафилософия: формирование дисциплины // Медиафилософия. Основные проблемы и понятия / под ред. В.В. Савчука. – СПб., 2008; Философия трансмедиа: коллективная монография / под ред. Н.Н. Ростовый. – М., 2022.

медиатизации из медиафилософии вполне интегрируется в постклассический подход к конструированию правовой реальности, поскольку это позволяет сам междисциплинарный синтез, объединяющий результаты социальных и гуманитарных наук, каждая из которых по-своему объясняет закономерности конструирования структур реальности, в том числе в их эволютивном развитии.

Междисциплинарный подход к развитию коммуникативной среды, общества и права определяет перспективные научные направления по изучению медиатизации публичной власти, в частности эволюции судебной власти и ее легитимации в обществе, а также взаимосвязи медиатизации с растущим значением концепции коммуникативного права. Тем более что, по мнению основного исследователя теории коммуникативного права А.В. Полякова, «социальную и правовую коммуникацию не понять без использования идей социологии, информатики, лингвистики, феноменологии, герменевтики, структурализма и постструктурализма. Нельзя говорить о правовом общении, не обращаясь к понятиям информации, текста, диалога, интерпретации, понимания, знака, значения, означивания, системы, жизненного мира»¹⁵⁰. Медиатизация оказывает решающее влияние на формирование культурных кодов, «топосов» и «номосов» власти и общества, предлагая новые формы коммуникации и увеличивая степень вовлеченности в них¹⁵¹.

Первыми на изменения мышления граждан и пространственных характеристик государств в связи с появлением новых носителей коммуникации обратили внимание ученые М. Маклюэн и Г. Иннис¹⁵². Ю. Хабермас вводит в научный оборот понятие общественной сферы¹⁵³, которое потом будет воспринято не только социологией, но и отечественной правовой наукой, получив развитие и переосмысление в виде, например, такого термина, как «юридическая картина мира»¹⁵⁴, предложенного Ю.А. Веденевым.

¹⁵⁰ Поляков А.В. Нормативность правовой коммуникации // Правоведение. – 2011. – № 5. – С. 30.

¹⁵¹ См.: Исаев И.А. Топос и номос: пространства правопорядков.

¹⁵² См.: Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. – М., 2005; Innis H. Op. cit.

¹⁵³ См.: Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. Cambridge, 1989.

¹⁵⁴ См.: Веденев Ю.А. Юридическая картина мира: между должным и сущим // Lex Russica. – 2014. – № 6. – С. 641; Честнов И.Л. Юридическая картина мира в постиндустриальном обществе // Право и закон в

Размышляя о роли права как основы для социального единения в обществе модерна, В.Д. Зорькин отмечал: «Согласно Хабермасу, в условиях посттрадиционного общества только коммуникативное действие в повседневной социальной жизни может выступать в качестве средства социальной интеграции»¹⁵⁵. Представления о социальной реальности в философии, праве и социологии в XX веке существенно усложнились.

Социальная реальность не видится оттиском одной лишь социальной структуры, а коммуникативно-смысловые характеристики для правовой и социальной картины мира приобретают все большее значение. Исследовательский концепт медиатизации позволяет отрефлексировать в социальном и правовом смысле принципиальные изменения в обществе, произошедшие благодаря онтологическому осмыслению ее значения, поскольку ей сегодня подчинены практически все социальные институты.

Современное социальное познание стремится объединить коммуникативно-смысловые подходы со структурно-функционалистскими. И в этой онтологической архитектуре медиатерминистский подход совместно с коммуникативным правом дает новые возможности для выстраивания фундамента правовой и социальной картины мира и позволяет в прикладном значении, адекватно потребностям сегодняшнего дня, адаптировать и медиатизировать социальные, властные структуры для эффективного взаимодействия с обществом и индивидами.

Анализируя право в условиях цифровой реальности, Т.Я. Хабриева оценивала тезис об информатизации права как «в определенной мере провокационный. Взаимосвязь и влияние цифровых технологий на экономические и управленческие (в том числе государственно-управленческие) отношения уже очевидны не только ученым, но и рядовым гражданам, чего нельзя сказать об их

программируемом обществе (к 100-летию со дня рождения Даниела Белла): сборник научных статей / отв. ред. В.В. Лазарев. – М., 2020. – С. 84.

¹⁵⁵ Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен: монография. – М., 2013. – С. 60.

аналогичном взаимодействии с правом»¹⁵⁶. Исследование медиатизации судебной власти, включающей в себя цифровизацию, как целое – часть, показывает, что речь идет о более глобальном концептуальном процессе, охватывающем не только организацию судопроизводства, но и принцип открытости судебной власти, этическое наполнение статуса судьи, а в итоге – информационную и правовую составляющую, особенно важную для общества и индивидов.

Через медиатизацию принципа открытости правосудия реализуется информационная политика судебной власти, формируется внешний репутационный контур правосудия, осуществляется контроль со стороны самого судейского сообщества и гражданского общества за соблюдением судьями этических норм и установок, что, как результат, позволяет развивать и укреплять институт уважения к суду. Если обратиться к научному наследию М.Н. Гернета, можно увидеть его категорическое суждение о том, что «суд должен быть школою уважения к законности и порядку»¹⁵⁷.

В научном плане принцип открытости правосудия, обсуждение топоса «уважение к суду» дадут обширный гносеологический и эмпирический материал для антропологических исследований судебной власти.

«Рациональность не есть нечто, что дано, но есть нечто, что постоянно вырабатывается через коммуникацию с другими»¹⁵⁸, – этот взгляд на логико-дедуктивный подход картезианского типа мышления, как было отмечено выше, перестает быть приоритетным, уступая место теоретическим конструкциям человеческих интеракций и коммуникаций, а не индивидуумам или правовым системам как таковым. С точки зрения Хабермаса, «практический разум» заменяется «коммуникативным разумом», что также позволяет рассмотреть историю социума с позиций развития коммуникации и генезиса медианосителей.

В обществе как исторически меняющейся системе выделяют следующие основные подсистемы: экономику, социальную структуру и культуру. «Культура,

---

¹⁵⁶ Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 87.

¹⁵⁷ Гернет М.Н. Суд или самосуд. – М., 1917. – С. 12, 13.

¹⁵⁸ Хук М. Указ. соч. – С. 22.

прежде всего понятие коллективное... культура есть форма общения между людьми и возможна лишь в такой группе, в которой люди общаются»¹⁵⁹. Культура подразумевает сохранение предшествующего коммуникативного опыта, поэтому она предстает в виде определенного количества текстов и унаследованных символов. Такое накопление интеллектуального опыта возможно только через коммуникацию – медиатизированную и немедиатизированную. В принятии подобной точки зрения состоит медиатерминистский подход к развитию общества и права.

Безусловно, такое детерминистское предположение не означает ригидного подхода, отвергающего взаимовлияние иных компонентов, поскольку всегда существуют сложные состыковки всех сфер человеческой деятельности, которые «нужно описывать не в терминах поведения жестко детерминированных систем, а в терминах самоорганизации, прослеживая их прямые и обратные связи»¹⁶⁰.

Медиатерминистский подход как концепция сближает традиционные подходы к развитию общества (традиционалистский и техногенный), предлагая коммуникативный подход в его медиатизированном виде как исходную и объединяющую точку эволюции человеческого бытия и развития социума, права и государства. «Вечное всегда носит одежду времени»¹⁶¹, и коммуникация – в основном медиатизированная – является той самой вечностью, обретающей новые формы в ходе эволюции социальных порядков, сопровождающейся изменением коммуникативных систем и медиа.

Понятие «медиа» берет начало от латинского слова *medium*, что означает «посредник, носитель коммуникации, используемый для передачи и производства символических форм». Медиатизированные, т.е. опосредованные, коммуникации, предполагающие использование тех или иных приспособлений для коммуникации, и называют медиа, в то время как немедиатизированные коммуникации в виде устной речи и жестов мы используем непосредственно.

---

¹⁵⁹ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб., 2016. – С. 5–6.

¹⁶⁰ Степин В.С. Философская антропология и философия культуры. – С. 451.

¹⁶¹ Лотман Ю.М. Указ. соч. – С. 11.

Та или иная степень медиатизации характеризует практически любое общество. «Процесс постепенного воплощения в словах того, что издавна было установленным образом действия, должен был быть медленным и сложным»¹⁶². Не менее сложным был процесс перевода конкретных правил, моделей поведения в абстрактные символы с определенной степенью фиксации и возможностью воспроизведения. Феномен медиатизации старше самих теорий, поскольку массовое воздействие на общественное мнение и формирование условий, при которых стало возможным фиксировать правовые нормы, а также способы и результаты их соблюдения – т.е. условия, при которых стало возможным говорить о создании государственных форм развития общества, – начались с момента возникновения письменности.

Проблемой изменения социальных связей в зависимости от средств коммуникации, или процессом медиатизации общества, занимается торонтская школа изучения медиа, которая объединила линейные подходы («передатчик – приемник») американских эмпириков с европейской философией культуры, сосредоточив исследовательский интерес на вопросах общественных отношений и медиа. Признавая необходимость рассматривать историю появления и развития государств через фокус истории развития коммуникаций, следует основываться на признанных исследовательскими сообществами идеях торонтской школы в лице Г. Инниса и М. Маклюэна.

Иннис посвятил одну из своих главных работ – *The Bias of Communication*¹⁶³, ставшую уже классикой социальных исследований, – смене общественных отношений и типов государственного устройства в зависимости от преобладающих типов коммуникации.

К основным маркерам медиа принято относить: степень фиксации, степень репродуцируемости, степень удаленности во времени и пространстве и компетенции для использования медиа.

---

¹⁶² Хайек Ф. Указ. соч. – С. 97.

¹⁶³ См.: Innis H. Op. cit.

Способность медиа фиксировать и хранить символические формы (информацию как технического посредника) относят к степени фиксации.

Степень репродуцируемости означает способность медиа к тиражированию, что превращает медиа в товар.

Степень удаленности во времени и пространстве предполагает использование тиражируемых медиа и дает возможность демонстрировать властную легитимность во времени и пространстве: печатный экземпляр может быть прочтен где угодно и когда угодно; телевидение, радио обеспечивают дистанцию в пространстве, но не всегда во времени; телефон обеспечивает дистанционность передачи информации с ее одновременностью.

И, наконец, для использования медиа нужны компетенции, т.е. умения их использовать.

Степень фиксации, по мнению Инниса, определяет степень применения властного ресурса: в обществах с высокой способностью фиксации медиа образуются социальные системы более высокого порядка и более сложные в форме управления государством¹⁶⁴. Если обратиться к отечественной истории, то Псковская судная грамота как юридический письменный кодифицированный акт в течение недолгого времени была орудием упорядочения социальной жизни города-республики¹⁶⁵. На фоне иных примитивных властных образований на территории, условно обозначаемой Русью, два города-республики – Псков и Великий Новгород, располагавшие медиа высокой степени фиксации в виде берестяных грамот, условий их хранения, компетенциями по их использованию, – дают полное основание считать, что организация такой сложной социальной структуры управления с наличием суда, властью выборных лиц стала возможной именно благодаря процессу медиатизации общества. «Вернее было бы обозначить этот строй как средневековую демократию. Благодаря сложившимся торговым связям с Ганзейским союзом, рецепции предпринимательских обычаев и появлению новых торговых, ремесленных, предпринимательских практик в

---

¹⁶⁴ См.: Innis H. Op. cit. – P. 35.

¹⁶⁵ См.: Момотов В.В. Формирование некоторых принципов права и судебного процесса через призму Псковской судной грамоты // Российская юстиция. – 2023. – № 1. – С. 5.

Пскове происходило формирование социальной общности горожан. Псков, как и Новгород, в наибольшей степени представлял собой средневековую общину торгового типа или, точнее, город-вотчинник»¹⁶⁶.

Этот вывод соотносится с позицией Инниса, который полагал, что письменность как форма коммуникации обуславливает социальные иерархии. Письменность как способность фиксации информации делает возможным появление монополий знания, тем самым формируя элитарные группы. К. Леви-Стросс определял значение письменности так: «Единственный феномен, которому развитие письменности неизменно сопутствовало, заключается в образовании городов и империй, или, другими словами, в вовлечении большого числа людей в политическую систему и в их разделении на касты и классы»¹⁶⁷. По мнению Инниса, носители высокого уровня фиксации, такие как насечки на камне, позволили появиться централизованной власти с образом ее сакральной ценности. Монополией в области формирования знания, идеологии, законов в таком обществе обладала государственная власть. Демократичная система правления с отсутствием ее сакрального образа была характерна для тех обществ, где носители информации, медиа, были более доступны, легко переносимы в пространстве и где одновременно был необходим административный аппарат для соблюдения законов.

Письменность также различалась в зависимости от того, шла ли речь о государстве с монополией знания (с твердыми и хорошо сохраняемыми носителями) или же о государстве с монополией силы (переносимые и изнашиваемые носители). В государствах с монополией знания в основном была распространена пиктографическая и иероглифическая письменность, что было сходно с изображением и подходило под культ божества. В государствах с монополией силы письменность была экономичной, близкой к устной культуре. Отметим здесь также, что «сочетание гласно-согласного алфавита с писчим материалом – папирусом – впервые в истории человечества открыло дорогу для

¹⁶⁶ Поворова Е.А. Судебная власть Псковской республики в социальном и юридическом контексте. – С. 28.

¹⁶⁷ Lévi-Strauss C. Tristes Tropiques. N.Y., 1974.

потенциальной массовой грамотности. <...> Современные историки полагают, что в исторической памяти дописьменных обществ оставались лишь те события, свидетелями которых являлись три последних поколения – не больше, чем в памяти современного долгожителя»¹⁶⁸.

Медиатизация общества во взаимосвязи с коммуникативным правом и демократическими формами правления – это еще одна из теорий, которая разрабатывалась Хабермасом и Хуком и отчасти может быть подтверждена упомянутыми выше примерами городов-республик Пскова и Великого Новгорода, а также исследованиями Вебера о городах в раннем Средневековье. По мнению М. Вебера, настоящий город Средневековья должен отличаться от иных поселений наличием: 1) укрепления; 2) рынка; 3) своего суда и хотя бы какого-то собственного права; 4) корпоративности; 5) хотя бы некоторой автономии и автокефалии, следовательно, и управления посредством учреждений, в создании которых так или иначе участвовали горожане¹⁶⁹.

Маклюэн в целом рассматривает письменность как главную технологию, лежащую в основе всех остальных технологий европейской цивилизации и определяющую формы общения и человеческого сознания. Им же было высказано предложение рассматривать человеческую историю как смену медиакультур – устных, письменных, печатных, электронных. При этом каждому историческому этапу присущи свои средства коммуникации.

Так, появление массовой тенденции к формированию национальных государств совпадает с появлением книгопечатания¹⁷⁰. Передача образа власти населению и построение национальной идентичности, для которых нужны национальная культура, национальный язык и поддерживаемая коллективная историческая память, стали возможными благодаря коммуникативным стратегиям и появлению массовой информации. «Готовность подчиняться или, напротив, бунтовать, править или ж отказываться от власти определяется в

¹⁶⁸ Бернштейн У. Указ. соч. – С. 85.

¹⁶⁹ См.: Вебер М. Город. Избранные произведения. – М., 1990. – С. 309–446.

¹⁷⁰ См.: Кирия И.В., Новикова А.А. История и теория медиа. – М., 2020. – С. 57.

конечном счете состоянием не экономики, а сознания»¹⁷¹. Базисные процессы общества в виде производства информации и обмена ею, как и само социальное конструирование реальности, всегда учитывали медиатизированность общественных процессов, которая в зависимости от этапов эволюции урбанистических, экономических, социальных явлений явно или неявно могла быть оценена исследователями в текущем моменте. «Представления в обществе на государство оказывают воздействие на само государство»¹⁷², и этот образ формируется посредством медиатизированной коммуникации.

Так, процесс формирования общественного мнения и гражданского общества стал возможен благодаря такому этапу медиатизации, как книгопечатание, распространению книг и газет с одновременной утратой монополии церкви и государства на их производство и цензуру.

Если говорить о результате этого этапа медиатизации непосредственно российского общества, то следует обратиться к небольшому труду «О силе общего мнения»¹⁷³, который был написан в 1802 г., по всей вероятности, с подачи Александра I и представлял, по сути, первую идеологическую концепцию по выстраиванию обратной связи между властью и обществом, чтобы властные преобразования были должным образом им восприняты.

Такая концепция и желание сформулировать, понятийно очертить мнение подданных и особенности взаимодействия власти с тем, что в дальнейшем получит развитие как гражданское общество, смогли появиться в нашей стране благодаря трудам зарубежных предшественников, обнаруживших, что общество может оказаться сильнее государственной власти и что формирование гражданского общества – задача самой власти. Французская революция, деятельность философов эпохи Просвещения сделали достаточно очевидным для правящей власти фактом то, что историческое развитие народов требует более

---

¹⁷¹ См.: Бойцов М. Что такое потестарная имагология? // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии / отв. ред. М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. – СПб., 2010. С. 11; Азнагулова Г.М. Техногенные процессы и тенденции трансформации государственно-правовой идентичности личности // Журнал российского права. – 2022. – № 3. – С. 28.

¹⁷² Там же. – С. 19.

¹⁷³ См.: Сперанский М.М. О силе общего мнения // Сперанский М.М. Проекты и записки. – М., 1961. – С. 77–83.

широкого участия государства в общественной жизни. Более того, умение видеть не только неоднородное, разбитое на классы, страты общество, с пониманием особенностей социальной дифференциации, но и общее для всех этих классов и страт движение, мнение становится важнейшей задачей в том числе потому, что культура, технологический прогресс, развитие печати и распространение идей, взглядов провоцируют рост самосознания граждан, а с ним и поиск новых форм его внешнего выражения.

Изменение самосознания увязывается с победным шествием новой культуры. Новая культура победила прежде всего использованием возможностей технического прогресса, сделавших из нее орудие новой государственности.

Между доступом к медиа и властью существует неразрывная связь, которой власть эффективно пользуется для формирования собственного образа и определения вектора развития общественного мнения. Первоначально книга, распространявшаяся по всем этажам социальной жизни, демонстрировала образец для сознательного личного поведения, но в екатерининское время она сделала новый шаг – к признанию важности общественной теории и необходимости сознательного общественного поведения.

Идея права и закона в формировании общественного мнения, так четко проводимая Сперанским практически во всех его трудах, осталась без должного внимания не только современников, но и дальнейших поколений. Поэтому вполне пророческими кажутся его слова из записки «О силе общего мнения»: «...в государствах, где нет общего мнения о предметах управления, все суждения о них разнообразны, уединены, недействительны. Там добрый и вредный закон приемлется с равнодушием, исполняется без усердия, проходит без внимания»¹⁷⁴.

С точки зрения форм репрезентации власти XVIII в. во многом оказался переломным. Рождение общественного мнения и увеличение его влияния поставили перед властью задачу целенаправленного информирования общества, а рост грамотности населения и значительно более быстрое распространение информации предоставили для этого новые инструменты. Власти пришлось

---

¹⁷⁴ См.: Сперанский М.М. Указ. соч.

привыкать не только управлять страной, но и объяснять подданным свои действия, создавать у граждан свой благоприятный образ, облегчающий ее функционирование и обеспечивающий поддержку ее начинаниям. И неучтенная информационная составляющая во властных инструментах управления в сочетании с отсутствием правовой составляющей образования и социализации граждан во многом деформировала образ власти, а также отдаляла ее от возможности формирования и влияния на общественное мнение.

Образ власти в виде триады николаевского времени претерпел изменения, но так и не включил в себя правовую составляющую. С одной стороны, медийное пространство, занимающееся информационной политикой, в официальной коннотации транслирует выгодные власти представления о себе, стилизующие саму власть и тех, кем она правит; с другой стороны, существует медийная область, в которой формируется иная культура восприятия обществом себя самого и образа власти. И такое разделение предлагаемой обществу идеологии, публичной презентации и образа власти, восприятия ее в частной жизни началось со времени появления критических замечаний в сторону власти, публикуемых и распространяемых в обществе, и продолжается до настоящего времени – от классического примера медийного противостояния екатерининской «Всякой всячины» с новиковским «Трутнем» до программ официального телевидения и «Ютуба»¹⁷⁵.

Спустя столетие после начала активного процесса медиатизации европейского общества и русского общества как его части появляется гражданское общество, общественное мнение, формируемое и транслируемое средствами массовой информации, включая ансамбль медиа – телеграф, телефон, граммофон, радио, кинематограф. Для общей характеристики общественно-политической жизни этого периода достаточно будет привести цитату из воспоминаний Б.Н. Чичерина, русского мыслителя и правоведа, а также

---

¹⁷⁵ См.: Поворова Е.А. «Общее» мнение и публичная власть: по следам творческого наследия М.М. Сперанского // Историко-правовая наука в условиях современных социальных трансформаций: сборник научных статей по итогам Всероссийского форума историков права (С.-Петербург, 10–11 июня 2022 г.) / под ред. А.А. Дорской и Д.А. Пашенцева. – Саратов, 2022. – С. 301–315.

блестящего публициста, много печатавшегося в отечественной и зарубежной прессе, признававшего силу печатного слова и средств массовой информации и очень сильно через них влиявшего на общественное мнение. Приехав в сентябре 1858 г. в Лондон с тем, чтобы убедить Герцена принять конструктивную позицию в общественной полемике о российских реформах и тем самым повлиять на редакционную политику «Колокола», Б.Н. Чичерин пишет: «Мне хотелось основательно с ним переговорить о современном положении и посмотреть, нельзя ли направить его в смысле полезном для России. Его "Колокол" имел тогда громадное значение. Это была первая свободная русская газета, не стесненная никакою цензурою... С подобным орудием в руках можно было достигнуть того, что было совершенно недоступно подцензурной русской печати. Можно было действовать на недоумевающее правительство, сдерживать его и направлять на правильную стезю. Но именно в этом отношении "Колокол" был более чем слаб. Он скорее мог сбить с толку и правительство, и общество, нежели указать какой-либо определенный путь»¹⁷⁶.

Анализируя публикации Чичерина, допустимо предположить, что правовая коммуникация как часть медиатизированной коммуникации была во многом заложена на современном ему этапе (медиатизированного) развития общества.

Медиатизация общества в принципе не ограничивается исключительно сферой интеллектуального наполнения и влияния на общество, поскольку медиатизация всех сфер конструирует социальную реальность в целом¹⁷⁷, но в рамках настоящего исследования акцент будет сделан на правовой медиатизации и медиатизации судебной власти, о чем пойдет речь в последующих параграфах. Этим и объяснимы акценты в исследовании и выбираемые примеры, в том числе из российского правового (медиатизированного) наследия. Наследники правовых идей Б.Н. Чичерина, такие как Л. Петражицкий и П. Новгородцев, в развитие его мыслей о праве, свободе, достоинстве человеческой личности, государственных и общественных союзах создавали свои философско-правовые концепты,

---

¹⁷⁶ Чичерин Б.Н. Воспоминания: в 2 т. Т. 1. – М., 2010. – С. 389–390.

¹⁷⁷ См. сн. 65.

заложившие, в свою очередь, основы современного отечественного коммуникативного права¹⁷⁸.

М. Хук в своем исследовании о праве как коммуникации приводит такой довод: «Правовая коммуникация может принимать множество форм: коммуникация один на один (например, в суде или при заключении договора); коммуникация одного со многими (например, при издании законодательного акта, принятии судебных решений или публикации научных работ); коммуникация многих с одним (например, на выборах или на референдуме); коммуникация многих со многими (как в случае с публичными политическими дебатами или при установлении и развитии правовой культуры)». Интересуясь всеми формами правовой коммуникации, Хук отдельно отмечал, что следует уделить особое внимание таким темам, как «значение мнения лидеров (известных профессоров, судей из высших судов в отношении правовой доктрины, а также ведущих политиков или инициативных групп в политических дебатах), или вопросу о том, что в коммуникативной теории входит в понятие „привратник“, который выбирает информацию для остальных (например, редакции юридических журналов, выбирающие, какие судебные постановления печатать, а какие нет; или управляющие базами данных, решающие, какие юридические источники вносить в списки, а какие нет). Для публичного процесса принятия решений необходимо, чтобы уровень вовлеченности и контроль за вовлеченными индивидами достигали некоторого минимального уровня. Влияние контекста на коммуникацию также не следует оставлять без внимания, он особенно важен при толковании законов»¹⁷⁹.

Возвращаясь к теме медиатерминистского подхода в развитии общества, необходимо упомянуть основных исследователей этого процесса с предлагаемой ими периодизацией этого явления.

Так, как уже отмечалось выше, А. Хепп и Н. Коулдри рассматривают историю развития общества через призму истории медиакоммуникаций. Приняв

---

¹⁷⁸ См., например: Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание: избранные труды; Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография.

¹⁷⁹ Хук М. Указ. соч. – С. 285–286.

за отправную точку время создания печатного станка, они охарактеризовали четыре волны медиатизации¹⁸⁰.

Несколькими годами ранее свою периодизацию предложил С. Хьярвард¹⁸¹, сгруппировавший институциональные преобразования средств массовой информации в три периода:

– до 1920 года, когда средства массовой информации выступали как инструменты других институтов и руководствовались в своей деятельности их конкретными интересами;

– 1920–1980-е годы, когда СМИ рассматривались как культурные институты, действующие в логике общественного регулирования социальными институтами;

– с 1980 года по настоящее (неопределенное) время, когда медиа стали независимым структурным институтом, а медиалогика сместилась в сторону коммерциализации для обслуживания целевых аудиторий.

К характеристике третьего периода можно было бы добавить слияние медиалогии с интересами публичной власти. Хьярвард определил медиатизацию как процесс социального изменения, в ходе которого различные социокультурные пространства подчиняются логике и образу действия медиа.

Но все же будет верным говорить о том, что толчок к развитию информационных технологий и осмыслению возможностей печатного слова дало именно Просвещение. Стоит отметить, что сам дискурс о роли и влиянии информационных технологий на общество имеет в большей степени «западный» характер и смена медиакультур считывается с истории развития общества и государств западной европейской цивилизации. Однако цифровые технологии, Интернет образуют некий универсальный процесс развития социальных сообществ и государств, который различается по равномерности и линейности. Это различие обусловлено и степенью информационной развитости отдельно взятого социума, тем или иным образом включенного в глобальные коммуникационные сети, и ценностью медиатизации внутри самой культуры.

¹⁸⁰ См.: Couldry N., Hepp A. Op. cit.

¹⁸¹ См.: Hjarvard S. Op. cit.

Волна технологической революции третьего тысячелетия отличается от предыдущих волн медиатизации не только темпами разработки и внедрения инноваций, но и социальными масштабами.

Исследователи теории постмодерна утверждали, что средства массовой информации размыли грань между истинной реальностью и реальностью воспринимаемой¹⁸². Наиболее радикальная связь между медиатизацией и постмодернизмом прослеживается в работе Бодрийяра, полагавшего, что гиперреальность, создаваемая средствами массовой информации, даже более реальна для аудитории, чем реальность. Бодрийяр считает, что символы, или знаки, медиакультуры – изображения, звук, реклама и т.д. – образуют имитацию реальности, имитацию, которая не только кажется более реальной, чем физическая и социальная реальность, но и заменяет ее. Это похоже на карту мира, которая стала настолько яркой, детальной и всеобъемлющей, что кажется более реальной, чем мир, для представления которого она была создана. Эта теория симуляций приводит Бодрийяра к выводу, что символический мир медиа заменил реальный мир.

Говоря словами Бодрийяра, СМИ (медиа) представляют собой гиперреальность. Медиа руководствуются своего рода семиотической логикой, и их центральное влияние заключается в том, что они подчиняют все коммуникации и все дискурсы одному доминирующему стандарту: медиатизируется не то, что выходит из ежедневной прессы, из телефонной трубки или по радио, а то, что переосмысливается знаковой формой, артикулируется в модели и управляется неким «стандартом», что для постклассической теории будет правомерно рассматривать как знаковую опосредованность.

В этом сущностном понимании медиатизации значим культуролого-антропологический подход, показывающий роль сознания по отношению к бытию. Социальное бытие определяется общественным сознанием, так как социальный мир и правовая сфера как его часть с конструктивистской точки зрения являются одновременно объективным и субъективным. А для

---

¹⁸² См.: Baudrillard J. Op. cit.

информационного общества влияние медиатизации связано с ее инкорпорированием во все сферы социальной повседневности.

В целом утверждения Бодрийера относительно имитации СМИ, гиперреальности и исчезновения реальности кажутся преувеличенными; по крайней мере, им не хватает эмпирического подтверждения. На наш взгляд, конструирование медиа новой реальности и ее связь со старой, немедиатизированной реальностью более сложны и нюансированны, чем предполагает Бодрийер.

Несомненно, медиатизация усложнила и размывла различия между реальностью и ее медиапрезентациями, между фактом и вымыслом, но понимание медиатизации видится одновременно слишком простым и слишком масштабным. Слишком простым, потому что оно подразумевает одно-единственное преобразование, в результате которого опосредованная реальность вытесняет реальность эмпирическую, а традиционные различия попросту растворяются. Слишком масштабным, потому что основной характеристикой процесса медиатизации является, скорее, расширение возможностей для взаимодействия в виртуальном пространстве и дифференциация того, что люди воспринимают как реальность. В то же время различия между глобальным и локальным становятся гораздо более дифференцированными, поскольку медиа расширяют социальный контакт с событиями и явлениями.

Отечественные социологические исследования концепта медиатизации рассматривают ее как «социальный метапроцесс, оказывающий влияние на функционирование неоинформационного общества, проявляющийся в системной модернизации медиапространства, модификации его акторов, преобразовании медиапрактик индивидов и конструировании новой совокупности социальных отношений»¹⁸³.

На этом определении мы видим, как действует релятивизм права, его коммуникативная и диалогическая основы, позволяющие видеть многомерность социальной реальности.

---

¹⁸³ Ефанов А.А. Указ. соч. – С. 16.

Исследование медиатизации на сегодняшнем этапе означает в целом изучение процесса реорганизации социальных пространств: социума, власти и их взаимоотношений в глобализирующемся бытии. Методология изучения медиатизации позволяет говорить о ней в двух векторах: в структурном отношении медиатизация охватывает социальные институты и технологии; в коммуникативном она институционально воздействует на пространство коммуникативного взаимодействия, на способы обмена, передачи, накопления дискурсивных практик и культуру в целом.

«С точки зрения постклассической методологии специфика социальности (а значит – и "юридического") состоит во взаимообусловленности позиции "внешнего" наблюдателя, выражающейся в структурном (или структурно-функциональном) анализе, представляющем социальные процессы и явления как intersubjective институты, "внутренней" позиции действующего актора – участника соответствующего процесса и исторического и социокультурного контекста»¹⁸⁴.

Методологические основания постклассической теории права позволяют раскрыть исследовательский потенциал концепта медиатизации через основные постклассические методы: релятивность (принципиальная неполнота и контекстуальность правового знания), сконструированность правовой реальности, диалогизм, человекообразность, intersubjectивность права и знания о нем.

Эти методологические основания дают возможность изучающим новые социальные явления, в том числе такого онтологического уровня, как медиатизация, исследовать правовые явления во взаимосвязи с иными социальными феноменами.

Модернизация методологии правовых исследований в условиях новой научной рациональности позволила постклассической теории права рассмотреть лингвистический, антропологический и практический «поворот» в праве как переосмысление правовой и социальной реальности. Для постклассической методологии свойственны человекоцентризм, контекстуальность,

---

¹⁸⁴ Честнов И.Л. Методология и методика научного исследования: учебное пособие. – С. 107.

сконструированность, диалогизм, признание многомерности и знаковая опосредованность. Исследование институционального значения медиатизации для развития общества, права, государств возможно благодаря методологическому потенциалу постклассической науки, применимому в балансе с классической методологией.

1.3. Медиатизация правовой сферы как направление взаимодействия общества и государства

С позиции постклассической теории права и с использованием ее методологических концептов социальный мир, включая его правовую сферу, распознается как мир фактов и значений в виде объективизированных образов и индивидуализированных смыслов. Это означает, что правовая сфера не представлена статичной структурой, а находится в постоянном процессе объективации действий и смыслов и интериоризации реифицированных значений.

О знаково-символическом характере реальности размышляют не только представители постклассической теории права, но и правоведы-философы, остающиеся в рамках классической рациональности, однако полагающие возможным использовать междисциплинарный подход к исследованию права и феноменов, связанных с осмыслением права, таких как символизм и мифологичность. Например, И.А. Исаев размышляет о виртуальности: «Мир виртуальности наполнен случайностями и вероятностями, как полагает новая наука, поэтому он может восприниматься: параллельно реально существующему, как аналог реальных механизмов воспроизводства общества. Такой мир будет более реальным, чем мир физических объектов, ибо он есть мир смысла, в котором даже представление о реальности – реальность...»¹⁸⁵; «виртуальность представляется не только возможной, но вполне неизбежной реальностью, такой же подлинной, как и сосуществующие с ней разнообразные реальности...»¹⁸⁶; «вектор тотальной компьютеризации направлен как на область объективной

---

¹⁸⁵ Исаев И.А. Историческая метафизика власти и закона: обращение к истокам. Очерки по истории и философии права. – М., 2024. – С. 214.

¹⁸⁶ Там же. – С. 244.

реальности, так и на иллюзорное ее восприятие. Технология напрочь стирает различия между естественной жизненной реальностью и искусственно созданной реальностью, где природа – только технологичная манипулируемая сфера»¹⁸⁷.

Использование метода социального конструктивизма в исследовании концепта медиатизации социальной реальности позволяет говорить о том, что социальная реальность – это люди, их действия, объекты материального мира и вместе с тем означивание (осмысление) людьми их действий, объектов материального мира. Это означает, что без ментальной интериоризации объекты или действия в социальном смысле не существуют, если о них не сформировано представление у индивидов и у социума в целом. Медиатизация связана не только с виртуализацией, но и с мифологизацией социальной реальности, что приводит нас к исследованиям о праве как мифе¹⁸⁸. «Находясь в области представлений, человеческие массы подвержены активному воздействию символов»¹⁸⁹.

Общество и государство как социальные конструкты, а также их взаимодействие, с неизбежностью трансформируются в условиях медиатизации, что заставляет пересмотреть основные теоретические категории. Так, с позиций классической теории права государство рассматривается статичным, независимым от индивидов, разумным феноменом с едиными признаками-характеристиками, наделяется самостоятельным бытием и интересами, задачами-функциями, превосходящими существование отдельных индивидов.

Медиатизация вкупе со взглядами на государство в постклассическом измерении позволяет переосмыслить концепцию государства, которое представляется феноменом культуры, коммуникативным дискурсивным образованием со свойственной ему контекстуальностью, релятивностью, постоянной изменчивостью государственности. Символическая означенность государства является одной из форм его бытия, но, помимо его социального представления, оно реализуется в практиках акторов. «Другими словами,

---

¹⁸⁷ Там же. – С. 256.

¹⁸⁸ См.: Грязин И.Н. Право есть миф // Правоведение. – 2011. – № 5. – С. 72–95.

¹⁸⁹ Исаев И.А. Историческая метафизика власти и закона: обращение к истокам. Очерки по истории и философии права. – С. 53.

государство есть конструкт, создаваемый людьми и воспроизводимый их ментальными, дискурсивными и поведенческими практиками во взаимоотношенности с другими социальными явлениями и процессами»¹⁹⁰. Ментальные практики, формируемые благодаря медиатизации, конструируют социальные представления о государстве, как один из модусов его бытия, что дополняет социальные представления, определяемые С. Московичи как «набор понятий, убеждений и объяснений, возникающих в повседневной жизни в процессе межличностной коммуникации. В нашем (современном) обществе они являются эквивалентом мифов и верований традиционных обществ; их можно назвать современной версией здравого смысла»¹⁹¹.

В современном обществе постоянно реализуемая посредством медиа коммуникация между людьми, в том числе в рамках публичных правовых и социальных дебатов, является залогом эффективности функционирования права и представления о социальных институтах, таких как государство.

Процесс коммуникации оформляет и трансформирует представление о правовых поведенческих практиках во взаимодействии индивида с обществом и государством. «Этот образ, это более или менее структурированное видение всей совокупности наличного человеческого опыта затрагивает рациональные прослойки данной реальности, но располагает и подчиняет их значениям, источник которых – не рациональное (да и не иррациональное в позитивном смысле), а воображаемое»¹⁹².

Поиск согласия по чувствительным для общества вопросам происходит посредством принятия в общественном мнении относительно единого правового нарратива. «Две фундаментальные процедуры принятия решения, характеризующие демократическое общество, решение беспристрастных судей и решение голосованием электората или представительного органа»¹⁹³

---

¹⁹⁰ Честнов И.Л. Государство в постклассическом измерении // Криминалист. – 2019. – № 2. – С. 107.

¹⁹¹ Moscovici S. On Social representations // Social cognition: Perspectives on everyday understanding / ed. by P.J. Forgas. London, 1981. – P. 181.

¹⁹² Касториадис К. Воображаемое установление общества. – М., 2003. – С. 167.

¹⁹³ Фуллер Л. Мораль права. – М., 2007. – С. 211.

предполагают участие медиа, в значительной степени уравнивающих баланс сил и влияющих на настоящее и будущее.

Безусловно, одни только медийные технологии не могут быть единственной и всеобъемлющей причиной правовой и социокультурной динамики. Множество иных условий – социальных, политических, экономических, культурных, – не включенных напрямую в медиатизированность процесса, должны быть задействованы для того, чтобы устойчивые паттерны стали «плавиться» и обретать другие формы. Однако в итоге и сами эти изменения будут вплетены посредством медиа в новые формы социального бытия с новыми социальными навыками и представлениями.

Право должно соответствовать и другим системам. Правовая система не может работать, если она не учитывает основные принципы экономики, политики, морали¹⁹⁴ и т.д. Если правовая система становится по-настоящему автономной и начинает вырабатывать нормы, которые подрывают экономическую, политическую или преобладающую моральную систему, такое право долго не существует. В этом смысле автономное производство правовых норм тоже ограничено. Согласно аутопойетической теории правовые системы выбирают и адаптируют информацию извне в соответствии с собственными критериями. Это соответствует действительности только частично. Выбор и усвоение информации в определенной мере детерминированы и другими социальными системами. В итоге полностью автономно определяется правовой системой только техническая сторона, только правовая форма.

В медиатизации заложена социальная гласность. Публичная власть всегда заинтересована в формировании своего положительного образа в глазах общества. Символы власти, особенности их восприятия, а также возможности транслировать значение символики и непосредственно сами властные предписания, облеченные в установленные символические формы, возникли с момента зарождения власти как таковой. Европейская культура власти вобрала в

---

¹⁹⁴ Например, о взаимодействии права и морали размышляет В.Н. Корнев в монографии «Право. Порядок. Ценности». – М., 2022. – С. 270.

себя наследие римского права, содержательно трансформировалась в раннем Средневековье под влиянием христианских догматов и с неизбежностью приняла новые очертания и особенности внешнего выражения с развитием производства и экономики обществ, а также с учетом состояния общественного мнения.

По мнению исследователей, «сегодня осуществляется пересмотр привычных нормативных положений и устоявшихся постулатов правового регулирования, в ближайшей перспективе разработка и анализ системных изменений норм права, которые будут объединяться в комплексы наднормативного системного характера, следующим этапом данных изменений будет использование несколько иного структурирования нормативного материала»¹⁹⁵, и условия для осуществления этих процессов ученые видят в цифровизации общественных отношений. Безусловно, техническая сторона преобразований важна, но не она является доминантной в происходящих изменениях правового ландшафта, тем более что, как было показано ранее, феномен медиатизации вбирает в себя цифровизацию как эволюционный коммуникационный процесс.

Культура власти предполагает постоянное поддержание и развитие через позитивно маркированные идеологемы в общественном мнении той интеллектуальной среды, которая будет позволять власти реализовывать свои решения, находя понимание и поддержку в обществе. Для того чтобы формируемые публичной властью идеологемы работали на перспективу и охватывали широкие слои населения, необходимо продумать информационную политику, в первую очередь в области права¹⁹⁶.

В процессе медиатизации публичная власть получает возможность склонить общество к принятию тех или иных ценностных установок, что, в свою очередь, должно совпадать с пониманием легитимности права в обществе, т.е. в целом совпадать с ценностными правовыми установками. Безусловно, уровень

---

¹⁹⁵ Купцова О.Б. Ценность права в аспекте коммуникативной рациональности // Философия права в условиях глобальных социальных трансформаций: сборник научных статей по итогам Всероссийского форума историков права (С.-Петербург, 10–11 июня 2022 г.) / под ред. Д.А. Пашенцева, А.А. Дорской. – Саратов, 2022. – С. 99.

¹⁹⁶ См.: Поворова Е.А. Медийная политика и топос судебной власти в медийном пространстве // Российская юстиция. – 2022. – № 10. – С. 60–65.

признания правовых установок зависит от массового уровня опосредованной коммуникации. По мнению А.В. Полякова, коммуникация определенным образом перестраивает сознание коммуникантов, адаптирует их друг к другу и тем самым повышает легитимность права, его всеобщего признания¹⁹⁷.

Общая теория права вплетает в канву уже устоявшихся понятий и определений то новое, что приносит с собой технологический прогресс и что отразилось, сформировалось и получило развитие в исследованиях социальных и естественных наук. Так, термин «медиатизация», пришедший из пространства медиа и публичной политики в виде достояния социальной гласности, становясь неотделимой составляющей социального бытия, получает легитимацию и в правовой действительности. Как пишет А.В. Поляков, «правовая действительность – это intersубъективная социальная действительность, взятая в особом ракурсе. Это ракурс жизненного мира права, мира "опривыченного", в котором экзистенциально укоренен каждый правовой субъект и в котором создаются правовые смыслы и правовые интерпретации»¹⁹⁸. Появление технологий, использование *digital media* как цифровых информационных источников – медиатизация социального и тем самым правового пространства создает те самые новые смыслы для права, которым затруднительно дать легальные дефиниции в настоящее время по причине неопределенности необходимого уровня правовой абстракции. Но это не означает отказа от любых попыток правовой интерпретации новых феноменов, находящихся на пересечении технологий, социологии, философии, антропологии, культуры и права. Например, А.А. Соловьев, признавая догматичность права, одновременно говорит о необходимости его новеллизации, поскольку «право как уникальный постоянно прогрессирующий феномен подвержено постоянному воздействию разнопорядковых факторов: от доктринально-идеологических до социально-

---

¹⁹⁷ См.: Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание: избранные труды. – С. 9.

¹⁹⁸ См.: Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. – М., 2015. – С. 590.

экономических» и предлагает «использование термина «цифровизация права» как отражающего процесс экспансии цифровых феноменов в правовую среду»¹⁹⁹.

Такая понятийная междисциплинарность обусловлена модернизацией как самого общества (общества постмодерна²⁰⁰), так и научно-правовых взглядов в отношении собственно социально-правовых регуляторов²⁰¹. Появление новых социальных явлений меняет правовую материю настолько, что, по мнению исследователей, «право, как представляется, в ближайшее время не изменит своей сущности, но уже меняет свое содержание и частично – форму»²⁰².

Медиатизация правовой сферы с очевидностью может привести новые взгляды, например на ценность права как общего блага («в результате... может поменяться сам образ права, его регулятивная роль, границы и пределы его действия»²⁰³) и на права человека в их конституционном измерении; она даст новый импульс в эволюционном развитии института судебной власти, о чем в настоящем исследовании будет упомянуто в дальнейшем. В условиях медиатизации права с учетом активной позиции правоприменителя в лице судебной власти и усиления позиции знания как основного экономического ресурса²⁰⁴ возможен новый дискурс легитимности права – с точки зрения традиционной и рациональной легитимности. Для традиционной легитимности характерна легитимация законов через идеологию, путем внушения. Рациональный тип легитимности права характерен для общества модерна и выстраивается вокруг правового догмата об идее формального равенства граждан с признанием «человека первичной и приоритетной ценностью»²⁰⁵. Некоторые

¹⁹⁹ См.: Соловьев, А.А. «Цифровое право» vs «цифровизация права» / А.А. Соловьев, Н.А. Шеяфетдинова, О.А. Глобенко // Государство и право. – 2023. – № 4.

²⁰⁰ См.: Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография. С. 21—22.

²⁰¹ О развитии материалистической теории права необходимо упомянуть в контексте предложенной В.М. Сырых концепции эволюции объективного права в системе фактических отношений посредством механизма формирования правового закона, состоящего из четырех стадий права: позитивного, индивидуального, конкретного и фактического. Подробнее об этом см.: Сырых В.М. Проблемы правового государства – основополагающее направление современных исследований российских правоведов // Российская юстиция. – 2022. – № 1. – С. 16–24.

²⁰² Пашенцев Д.А., Алимова Д.Р. Новации правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений // Государство и право. – 2019. – № 6. – С. 102.

²⁰³ Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности. – С. 15.

²⁰⁴ См.: Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. – СПб., 1998. – С. 19.

²⁰⁵ Варламова Н.В. Западная правовая культура в современном культурном пространстве // Правовые культуры. Жидковские чтения. – М., 2012. – С. 62.

авторы, например О.В. Белянская, рассматривает легитимность права через возможности «цифровой культуры», поскольку возможности принятия и реализации норм права, прав и свобод человека зависят от адаптированности к ним самого лица. Белянская О.В. отмечая, что в «российском законодательстве отсутствует единство в использовании терминологии таких понятий как «электронная культура», «медиа-культура» и «цифровая культура», которые, как мы полагаем, можно объединить в единое целое – информационную культуру», что, по мнению автора, является «фактором эффективной правореализации в цифровой среде»²⁰⁶. Думается, что медиатизация включает в себя рассмотренные автором термины в процессе правореализации и взаимодействии как частных лиц, так и общества, государства. В свете коммуникативного подхода право включает в себя разные ракурсы, позволяя рассматривать его «и с позиций семиотики, и с позиций текстологии, и включать символическое видение, и изучать герменевтические аспекты, и анализировать взаимодействия (интеракции) в праве»²⁰⁷. Медиатизация как интегральный феномен способствует созданию правовых, а не только социальных и культурных норм, и тем самым позволяет видеть право человекомразмерным, не определяя его только через систему правовых норм, создаваемых государством.

Т.В. Шмелева, исследуя медиатизацию как феномен современной культуры, выявила, что наиболее медиатизированными социальными структурами являются культура, политика, право, спорт и реклама²⁰⁸. В перечисленном ряду прежде всего право является всеобъемлющей основой для всех форм деятельности в социуме. Медиатизация затрагивает власть и ее возможности влияния, формируя особую среду, в которой процесс влияния не остается односторонним, а предполагает обратную связь. Так, в области обеспечения законности стороны правового процесса взаимодействуют в двух основных сферах – это

---

²⁰⁶ Белянская О.В., Чомаев А.А. Процесс правореализации в условиях цифровизации // Гуманитарные и юридические исследования. – 2022. – Т. 9 (4). – С. 630–637.

²⁰⁷ Поляков А.В. Коммуникативная теория права // Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы: коллективная монография. – С. 73.

²⁰⁸ См.: Шмелева Т.В. Медиатизация как феномен современной культуры и объект исследования // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2015. – № 7. – С. 146.

формирование требований к законности и их реализация. При этом стороны данного процесса не равны в части наделенности властными полномочиями, а также различаются по преследуемым интересам. Медиатизированность правотворчества и правоприменения позволяет искать баланс в стремлениях и корректировку целей, к которым эти стремления прикладываются. Медиатизация приводит к пониманию права как предмета междисциплинарных исследований, а с помощью коммуникативного подхода позволяет объяснить большое количество явлений, охватываемых правом, примиряя позиции позитивизма и юснатурализма.

Проведенные исследования, касающиеся формирования общественного мнения, информационно-стратегического ресурса публичной власти, укладываются в рамки изучения темы формирования правовой культуры и общества в процессе медиатизации судебной власти. «В политике речь идет о "мировой" социально-политической власти, основанной на авторитете, статусе, силе и праве. В религии речь идет о "небесной" и священной власти... Однако закон является важнейшим понятием, объясняющим правомерность обеих властей»²⁰⁹.

Правоприменители погружают закон и право в медийное пространство, и именно это предоставляет обществу возможность не только формирования, принятия идеологии права, но и эффективной правовой социализации. Рассматривая право с позиций коммуникативной теории, когда оно «возникает внутри правовой коммуникации как ее результативная часть»²¹⁰, невозможно представить правовую сферу вне медиатизированного процесса жизни.

По мнению исследователей медиатизации права, «трансформация медийного поля, расширение рамок медиаформатов привели к тому, что сегодня для медиапрезентации юридической деятельности, ее результатов, распространения соответствующей информации и формирования общественного мнения

---

²⁰⁹ Annenkova I.V., Stebeneva L.V. Mediatization of the Legal Sphere in Russia: A New Digital Culture of Law in the Media Space // Kutafin Law Review. – 2022. – Vol. 9. – P. 283.

²¹⁰ Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. – С. 590.

используются разнообразные ресурсы. В первую очередь это социальные сети, веб-ресурсы, а также открытые данные и специальные сервисы»²¹¹.

Правовая информация, получаемая из первоисточника, такого как судебная власть, не требуя верификации, влияет на правовые ценности, что учитывается правовой политикой государства. Так, Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы»²¹² называет в числе мероприятий, которые встраиваются в медиатизированную социальную реальность, информатизацию судебной системы.

Медиатизация права выступает условием появления правового медиаконтента, правового коммуникативного нарратива. «Средства массовой информации давно играют важную роль в формировании правового сознания и правовой культуры общества и индивидов. Нередко именно они формируют у людей образы права, правовой реальности, законодателя, судей и правосудия и т.п., восполняют в их сознании пробелы в знании о праве, компенсируют отсутствие собственного опыта правового взаимодействия с другими членами общества, государственными органами»²¹³.

Создавая правовой нарратив, приемлемый для технических средств его воспроизводства, медиатизация одновременно с генерированием контента влияет на формат, форму, способы подачи смыслов, что, в свою очередь, воздействует на юридический медиадискурс с точки зрения языковых особенностей. Так, язык современных юридических документов в его соотношении с функциональными и стилистическими нормами становится перспективным направлением междисциплинарных исследований.

Медиатизация правового дискурса оказывает заметное воздействие на правосознание общества и личности, самоидентификацию последней. Созданная дискуссионная площадка Клуба имени Замятнина²¹⁴ стала первым этапом в процессе медиатизации судебной власти в рамках существующей

---

²¹¹ Анненкова И.В., Пильгун М.А., Черногор Н.Н. Указ. соч. – С. 10.

²¹² Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе "Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы"» // СЗ РФ. – 2013. – № 1. – Ст. 13.

²¹³ Анненкова И.В., Пильгун М.А., Черногор Н.Н. Указ. соч. – С. 8.

²¹⁴ URL: <https://www.zamyatnin.club/ru>

информационной политики. Общественная площадка, организованная для информационного сопровождения реформирования судебной системы Российской Федерации в целях повышения уровня доверия общества к судебной системе, формирования правовых паттернов в сознании индивидов, действует в медийном мультиформате, предоставляя обществу видеоконтент и доступ к публикациям в печатных и сетевых СМИ. По такому же сценарию создается новое сетевое издание «Правосудие.РФ»²¹⁵, которое предназначено для формирования позитивного образа судебной власти при взаимодействии с обществом – в том числе за счет предоставления информации непосредственно из суда и судебных источников, для формирования непрерывного общедоступного новостного, событийного контента, а также создания и распространения правовых идеологических установок, адаптированных к пониманию широкого круга лиц.

Медиатизация правовой сферы, как уже было отмечено, предполагает высокий эвристический потенциал для формирования правовой идентификации и самоидентификации. Чтобы очертить некоторыми рамками вопрос правовой идентификации, необходимо сделать небольшое уточнение с позиции медиатизации в целом, не только правовой области.

Будучи интерактивными существами, люди хотят быть частью общества. Чувство принадлежности социуму, другим дает ощущение безопасности, индивидуальности и целеустремленности. В былые времена ориентирами мыслей и действий, закладывающими основы идентичности самосознания, всегда были члены семьи, лидеры общественного мнения, религиозные деятели и структуры образования. Однако медиатизация последней волны изменила коммуникативную среду, сильно сместив контуры для формирования культурной и правовой идентификации и самоидентификации. На первом уровне своего существования право отталкивается от самого общего мировоззрения, превалирующих ценностей для определенного общества. Второй уровень права совместно с правовой и судебной практикой и охватывающей их медиатизацией как общая среда

---

²¹⁵ Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 26 апреля 2022 г. (свидетельство о регистрации Эл № ФС77-83041).

реализации создает правовую культуру, в которой индивид получает правовую идентификацию и социализацию.

Изменения медиатехнологий привели к изменениям коммуникативных практик и в конечном счете к трансформации всего общества и культуры. Это один из ключевых тезисов теории медиатизации, рассматривающей медиа как фактор социальных и культурных преобразований. В частности, исследователь медиатизации общества В. Шульц выделяет четыре процесса, посредством которых медиа меняют человеческое взаимодействие, – расширение, замещение, объединение и приспособление, внимание которым будет уделено в настоящем исследовании далее. Медиа расширяют природные границы человеческой коммуникации; замещают те виды деятельности, которые прежде осуществлялись лишь лицом к лицу; интегрируют медийные и немедийные активности; вынуждают социальных акторов адаптироваться к требованиям медиалогии²¹⁶.

Отмечая преобразовательную роль медиатехнологий, исследователи по-разному видят векторы направления и движущие силы этих трансформаций. Общим местом, которое не оспаривается никем из теоретиков медиатизации, будет то, что речь не идет о линейных эффектах медиа, как правило, рассматриваемых в рамках исследований определенной отобранной аудитории. Здесь люди – не аудитория какого-либо медиа; они социальные акторы, живущие в медиатизированных социальных мирах.

В процессе первичной социализации индивида медиа поддерживают его субъективную реальность, формируют его идентичность, что позволяет человеку овладевать практическим окружающим миром. Медиа дают знания, позволяющие решать ординарные проблемы в базовом сегменте социального мира.

Вторичная социализация предполагает усвоение специфического ролевого знания, необходимого для подключения к институциональным подмирам. Будучи влиятельным агентом социализации и образования, медиа давно и прочно

---

²¹⁶ См.: Schulz W. Reconstructing mediatization as an analytical concept // European Journal of Communication. – 2004. – Vol. 19. – Iss. 1. – P. 87–101.

встроены в систему производства и распределения знаний²¹⁷. Культура, в том числе правовая культура, не может рассматриваться в виде свода ценностей и норм. Культура, как и право, осуществима в постоянном процессе коммуникации, опосредованном медиа не только в публичном контуре, но и в частном, индивидуальном подмире. В этом процессе обычаи, социальные практики поведения, традиция индоктринируются посредством коллективного обучения. Все участники культурной, правовой медиаобщности участвуют в сохранении, развитии, передаче элементов этой культуры. Так, М. Хук выделяет внутреннюю и внешнюю правовую культуру. Если к первой он относит корпоративные этические нормы социальной группы юристов, то ко второй – «распространенные мнения о правосудии и справедливости, традиции и привычки, касающиеся поведения в условиях относительно часто образующихся правоотношений, таких как семейные, а также иные имеющие правовые последствия ситуации, например в сфере уголовного или торгового права»²¹⁸. Это определение показывает, насколько коммуникативная природа права, культуры, медиа и самого человека взаимоважны и взаимоувязаны для существования и развития²¹⁹. Эволюция одного невозможна без сопутствующего движения иного, причем даже резкие скачки развития для исторических отрезков не будут таковыми, давая в итоге целостную и детерминированную картину развития социума.

На сегодняшнем этапе можно говорить о том, что когнитивное влияние медиа увеличивается одновременно с ростом медиатизации общественной жизни. Идентичность личности формируется в процессе постоянных узнаваний себя и мира, принятий и отказов от различных позиций и ролей. Но если раньше число ролевых образов были ограничено и, например, в мире Бергера – Лукмана доминировала идентичность, «признаваемая богами, психиатрией или

---

²¹⁷ См.: Ним Е. Указ. соч.

²¹⁸ Хук М. Указ. соч. – С. 83–84.

²¹⁹ По мнению Д.А. Пашенцева, «включение человека в состав права как сложной системы привело к появлению юридического антропоцентризма как современного направления социологической юриспруденции. Антропоцентризм исходит из того, что правовая реальность конструируется повседневными действиями субъекта права. При таком подходе право понимается не как система норм, но как постоянная деятельность субъектов права по реализации правовых предписаний, выраженных в знаковой форме и получивших определенное ментальное отражение» (Пашенцев Д.А., Алимova Д.Р. Указ. соч. – С. 102–103).

партией»²²⁰, то современный цифровой мир предоставляет иные разнообразные цифровые образы, формируемые в социальных медиа. И речь идет об идентичности индивида, которая выстраивается посредством медиатехнологий и признается сообществом, в том числе виртуальным, сетевым.

Знание обусловлено способом существования человека в социальном мире, т.е. в конечном счете его коммуникативными возможностями. Взаимодействующие правовые субъекты (в постклассической науке – субъекты правовой коммуникации) становятся тем звеном, которое соединяет нормативистский этатизм с юснатурализмом, а позже – с социологическим и психологическим правопониманием²²¹.

Исследование правовой медиатизации может создать впечатление чрезмерной эклектичности, а оттого сомнения²²² в ее реальности наподобие бодрийеровской симуляции реальности и большой значимости, но влияние медиатизации в правовом пространстве, помимо упомянутого эвристического вопроса о правовой самоидентификации, будет практически явлено в том числе при рассмотрении таких важных вопросов, как законотворческая деятельность, существование массива правовых документов в медиатизированном пространстве, правовая социализация в медиатизированном пространстве, экспертные лингвистические (психолингвистические) заключения юридических медиатекстов; мониторинг восприятия правовых идеологем в медиапространстве. Надо понимать, что когда медиатизация становится обязательным фактором существования правовых (социальных) институтов, содержание и форма институциональных практик претерпевают соответствующие изменения.

Кроме того, при изучении новых правовых и социальных явлений надо исходить из воспринятого в научной среде наблюдения, что «исследования права и правовой реальности выходят на новый уровень междисциплинарности,

---

²²⁰ Berger P.L., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. – London, 1966. – P. 165.

²²¹ См.: Поляков А.В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации // Правоведение. – 2006. – № 2. – С. 28.

²²² «Сомнение – открытый вопрос, доктрина – вопрос закрытый, решенный. Оттого всякая доктрина исключительна и неуступчива, а сомнение никогда не достигает такой резкой законченности» (Герцен А.И. Былое и думы. Ч. IV. 1852–1868 // Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 9. – М., 1956. – С. 250–251).

включая их в проблемные междисциплинарные исследования», что приводит к «необходимости коррекции "категориальной матрицы", обеспечивающей понимание и познание права – введение в нее новых понятий, уточнение уже используемых»²²³.

Медиатизация правотворческой деятельности и публикации законов проходит в двух форматах: сначала законотворческий орган публикует нормативный акт в официальных печатных СМИ и в их онлайн-версии. Одновременно с этим или с несущественной временной задержкой в *digital native media*, или первичных онлайн-СМИ, появляется сокращенная и адаптированная версия правовых актов. Далее, спустя непродолжительное время, нужное для аналитической обработки материала, появляются различного медиаформата информационные продукты, дающие контекстную оценку вынесенного в публичное пространство правового акта. В каждом из перечисленных вариантов появления материала в поле медиа используется различный подход к медиадискурсу.

Существование массива правовых документов в медиатизированном пространстве в виде баз данных «Гарант» и «КонсультантПлюс» оказало значительное влияние на медиатизацию правового ландшафта, поскольку объемы правовой информации, аналитические и справочные материалы, особенности поиска, временные и текстуальные гиперссылки создали правовой контекст, повлиявший как на развитие юридических практик, создание новых социальных практик в обществе (самостоятельный поиск и знакомство с правовой информацией, выложенной в свободном доступе в правовых базах), так и на науку, правовую культуру. При этом отметим, что система «Гарант» является средством массовой информации²²⁴ – свидетельство выдано Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций в 1999 г. Этот совершенно новый тип правового СМИ

---

²²³ Хабриева Т.Я. Проекция развития конвергентных технологий в праве // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов Российской академии наук / под общ. ред. А.Н. Савенкова. – М., 2019. – С. 147.

²²⁴ URL: <https://www.garant.ru/company/about/award/10375/>

медиадизировал правовое пространство, поскольку органы власти, судебные институты, предпринимательское сообщество и социум в целом получили правовой нарратив в коммуникативном режиме «предоставления – получения» правовой информации с ее верификацией и аналитикой. Помимо этого, медиадизация правовой сферы с учетом коммуникативного подхода с вероятностью сможет изменить этатистскую традицию представления государства как творца права и правопорядка и единственного субъекта, претендующего на осуществление юридического принуждения для реализации установленных им норм, а также создающего концепции формирования правопорядка.

Право всегда было важной символической ценностью. В коммуникативном пространстве благодаря медиадизированным практикам наследуются достижения человеческих усилий прошлого, и от того, насколько общество было индоктринировано правовыми паттернами, в том числе предлагаемыми государством, зависят состояние правовой морали, правовой идентичности и самоидентичности и понимание потребности участия социума в медиадизированном юридическом дискурсе. С учетом того, как общество коммуницирует во внутреннем контуре и насколько способно выстраивать коммуникативный ряд с публичной властью (и наоборот: как и насколько публичная власть вступает в медиадизированную коммуникацию с социумом), выстраиваются политико-правовые границы жизни. Таким образом, в медиадизированной правовой (и социальной) сфере взаимодействие государства и общества возможно на вертикальном социальном уровне в виде выстраивания публичной коммуникации и на горизонтальном социальном уровне в виде приватной коммуникации непосредственно в обществе (межличностной и групповой). Такое деление дано в самом общем виде в силу возможного совмещения (или замещения) уровней медиадизации, что влечет различные социальные, правовые последствия для акторов.

Медиадизация правовой сферы, открывая новые возможности для диалога государства и общества, одновременно создает эвристическую базу для анализа

различных аспектов взаимовлияния этих процессов. Государство, заинтересованное в сохранении связи с обществом на основе баланса частных и публичных интересов, ищущее пути партнерства с обществом в целях вовлечения последнего в принятие, одобрение, разделение хотя бы в части идеологической составляющей, использует медиатизацию для корректировки правовой реальности и нормативной системы в целом.

Обзор основных аспектов медиатизации в пространстве права позволяет сделать вывод о том, что *взаимодействие общества и государства в медиатизированной правовой сфере – это коммуникационный процесс преобразования правовой действительности, поддерживающий легитимность правовых норм, социальных институтов, влияющий на внутреннюю и внешнюю правовую культуру, обеспечивающий непротиворечивый правовой контекст от правоприменителей и создающий предпосылки для правовой социализации.*

ГЛАВА 2. ПОСТКЛАССИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ МЕДИАТИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

2.1. Медиатизация судебной власти как объект познания юридической постклассической науки

Институт суда представляет собой социальный архетип, универсальное явление, соединяющее в смысловой модели единство правосудия и справедливости. На протяжении своей истории развития от архаических форм суда до современного правосудия этот социальный архетип менял свои внешние формы, оставляя неизменным смысловое содержание. Как ценностная основа разрешения конфликтов²²⁵, поддерживающая социально-правовую константу в виде верховенства права, суд являет собой наиболее яркий символ публичной власти и нуждается в постоянном поддержании общественного доверия, основанного на уважении к нему.

Социальная миссия института суда состоит в расширении пространства мира и согласия. Для этого важно сохранение в правовом пространстве и в процессе медиатизации судебной власти конституционных принципов, поскольку в них заключена информация об основных социальных интересах, существующих в реальной действительности.

Судебная реформа, проводимая судебским сообществом, помимо судеустройственных вопросов, уделяет особое внимание содержательно-правовой, идеологической функции судебной власти в информационном обществе. Эффективность правосудия обозначается в том числе через развитие теоретических подходов к праву и роли судов в правоприменении, когда, по мнению В.В. Момотова, «право должно быть не набором неких форм и ритуалов, а эффективным и гибким инструментом защиты прав и законных интересов граждан и организаций. Тем самым происходит смещение акцентов с формальных

---

²²⁵ «Правовой конфликт является разновидностью социального конфликта и тесно связан с понятием социальной и правовой коммуникации» (Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. – С. 596).

аспектов права на его содержательные аспекты»²²⁶. Рациональный подход к праву активизирует дискуссии о выборе и комбинации методов для интерпретации, конструирования правовой реальности с учетом, в том числе, растущей информационной составляющей деятельности судебной власти, включенной в общий процесс медиатизации общества. Как считают представители судейского сообщества, «интернет-технологии могут внести вклад в развитие принципа состязательности и диспозитивности процесса... Участники процесса своими действиями направляют ход процесса и защищают свои права. Это признак зрелого и ответственного гражданского общества»²²⁷. В переложении этого утверждения на матрицу теории (равно как и философии) права эволюция судебной власти будет происходить под влиянием процесса медиатизации в общей парадигме коммуникативного права.

Предлагая свой взгляд на теоретико-правовое основание медиатизации судебной власти, мы исходим из того, что в силу новизны данного явления для отечественной правовой науки к нему нужно относиться как к направлению в теории права, динамично развивающемуся благодаря изменениям в восприятии философского фундамента интегративного понимания права, коммуникативному подходу в развитии отношений публичной, судебной власти и общества, техническому прогрессу и процессам, происходящим в социально-культурной сфере окружающего мира.

Если держать в фокусе внимания движение общества к статусу информационного и связанное с этим масштабное внедрение цифровых технологий, активизирующих медиатизацию власти, включая судебную, то началом соответствующего процесса можно считать даты принятия правовых нормативных актов, регламентирующих информатизацию и информационную деятельность органов государственной, судебной власти. Основной корпус правовых актов для признания социума информационным (медиатизированным) был принят в начале 2000-х гг.: это ряд указов Президента Российской

---

²²⁶ Момотов В.В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание (часть II) // Журнал российского права. – 2019. – № 12. – С. 68.

²²⁷ Там же. – С. 74.

Федерации, начиная с первой редакции Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации²²⁸, в основу которой легли международные документы, в том числе Окинавская хартия глобального информационного общества²²⁹, и которая должна была служить фундаментом для подготовки и уточнения доктринальных, концептуальных, программных и иных документов, определяющих цели и направления деятельности органов государственной власти, а также принципы и механизмы их взаимодействия с организациями и гражданами в области развития информационного общества в Российской Федерации. Далее правовое пространство информационного общества стало укрепляться принимаемыми в развитие стартового документа нормативными актами²³⁰, доктринальный анализ которых использовался отечественным научными школами в научных исследованиях²³¹. Надо отметить, что активное участие в правотворчестве приняли и региональные законодатели: в качестве примера можно привести постановление правительства Курганской области от 14 декабря 2018 г. № 428 «Об утверждении государственной программы Курганской области "Информационное общество"»²³².

Эволюция судебной власти не происходит вне контекста развития общества, тенденции которого увязаны с процессами медиатизации и изменения форм коммуникативности. Медиатизация как междисциплинарный правовой, философский, социологический и медийный концепт предоставляет судебной власти тот самый новый подход в работе, о котором судебное руководство

²²⁸ Утверждена Президентом Российской Федерации 7 февраля 2008 г. № Пр-212 // Российская газета. – 2008. – 16 февраля.

²²⁹ Окинавская хартия глобального информационного общества от 22 июля 2000 г. // Дипломатический вестник. – 2000. – № 8.

²³⁰ См., например: Указы Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2901, от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2016. – № 50. – Ст. 7074; постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Информационное общество"» // СЗ РФ. – 2014. – № 18 (ч. II). – Ст. 2159; Концепция региональной информатизации, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № 2769-р // СЗ РФ. – 2015. – № 2. – Ст. 544; Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на Российской Федерации от 30 декабря 2013 г. № 2602-р «Об утверждении плана мероприятий ("дорожной карты") "Развитие отрасли информационных технологий"» // СЗ РФ. – 2014. – № 2 (ч. II). – Ст. 227.

²³¹ См., например: Основные тенденции в правовом регулировании цифровых технологий. Сравнительно-правовое исследование: коллективная монография / отв. ред. Х.И. Гаджиев. – М., 2022. – С. 241; Право цифровой среды: коллективная монография / отв. ред. Т.П. Подшивалов, Е.В. Титова, Е.А. Громова. – М., 2022. – С. 896.

²³² URL: <http://www.pravo.gov.ru>

говорило на X Всероссийском съезде судей, и помогает ей отвечать требованиям общества, а именно оптимально встроиться в информационные и технологические изменения.

Не вызывает сомнений, что судебная власть во многом формирует правовую идеологию и правовую культуру. М.Н. Гернет, крупный советский криминолог, чья деятельность как юриста начиналась с адвокатской практики, считал, что «суды не ограничивают своих обязанностей охранением и восстановлением нарушенного права, они выходят из тесных границ закона в широкую область правды и решительно высказывают порицание поведению, которое, не заключая в себе признаков правонарушительного действия, противоречит, однако, требованиям морали»²³³. Значимую роль в этом играет принцип открытости судебного производства.

Важным качеством транслируемой судебной властью информации является ее неоспоримость. Исходящие от судов сведения и данные не подвергаются сомнению и не нуждаются в верификации, что в эпоху постправды, обилия фейковых новостей и генерации текстов искусственным интеллектом является сильным преимуществом в медийном поле.

О медиатизации в виде ее информационной составляющей как обязательном условии эффективного существования судебной власти и ее соответствия ожиданиям социума говорится в правовых актах, принятых в ходе первых шагов на пути к реформированию судебной системы и регламентирующих деятельность последней²³⁴.

Как отмечает председатель Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедев, требовалась продуманная долгосрочная стратегия обеспечения судебно-правовой реформы, которая предполагала значительные усилия в первую очередь со стороны самой судебной власти²³⁵.

---

²³³ Гернет М. Вопрос адвокатской этики // Юридическая газета. – 1897. – № 63. – С. 2.

²³⁴ См.: Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1997. – № 1. – Ст. 1; Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // Российская газета. – 1992. – 29 июля.

²³⁵ См.: Лебедев В.М. Становление и развитие судебной власти в Российской Федерации. – М., 2000. – С. 290.

В активной работе судейского сообщества также видится забота об авторитете судебной власти, репутации судей как носителей правовой культуры, а сотрудничество судебных и медийных институтов ярко демонстрирует стремление судей транслировать обществу лучшие и выверенные образцы правовой жизни судебной власти. Постановлением Совета судей Российской Федерации от 16 ноября 2001 г. № 60 «О Концепции информационной политики судебной системы»²³⁶ были заложены основы коммуникативной составляющей деятельности судебной власти. Позднее в развитие этой Концепции были приняты изменения, уточняющие векторы ее перспективной реализации судами страны²³⁷. Что касается реформирования судопроизводства на стадии его перехода в электронный формат и создания «электронного правосудия», то в рамках информатизации всей системы публичной власти страны был сформирован корпус нормативных актов, который полностью укладывается в сферу медиатизации и в силу ее сущностной составляющей, и в силу характера всех трансформаций, нацеленных на доступность и открытость судебной власти, представляющей себя и свои действия в судебном пространстве.

Доступность правосудия маркирует степень доверия и уважения к суду в обществе. Доверие, в свою очередь, позволяет судебной власти реализовывать основную задачу – предоставление правовой защиты в виде разрешения споров, назначения наказаний, участия в правотворчестве. Организация доступного, способного эффективно коммуницировать со сторонами конфликта правосудия выступает гарантией цивилизованности общества. Поэтому эволюция судебной власти как сложный, синергетический процесс происходит постоянно, с ориентацией на состояние общества (социальное, правовое, политическое, экономическое) и медиатизированность сопутствующих процессов.

Ответ на вопрос о том, какова роль суда в обществе, зависит от того, насколько интегрирована судебная власть в жизнь социума, насколько она

---

²³⁶ См.: постановление Совета судей Российской Федерации от 16 ноября 2001 г. № 60 «О Концепции информационной политики судебной системы» // СПС «КонсультантПлюс».

²³⁷ См.: Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы (одобрена Советом судей Российской Федерации 5 декабря 2019 г.) // СПС «Гарант».

отвечает на его социальные запросы и насколько она соответствует базовым ценностям, «являющимся отражением общественного договора между различными общественными стратами»²³⁸. Важную для ответа на этот вопрос роль играет также и символичный ряд, который поддерживается в общих для восприятия социумом смыслах власти суда и власти права и в который правосудие как институт власти медийно интегрировано в результате проводимой информационной политики (этому будет уделено пристальное внимание в следующем разделе исследования).

Отечественные исследователи, изучая влияние информатизации на общество, в частности задумываясь о том, «не меняется ли коренным образом природа управления делами государства в связи с технологизацией», приходят к следующему выводу: «...изменения происходят, и уместно напомнить марксистскую формулу о том, что в будущем вместо управления людьми будет управление вещами. Позволим себе уточнить, что и то и другое сохраняется как средство управления общественными, техническими и естественными процессами. Таков диалектический ответ»²³⁹. Эта же диалектика мысли, общества приводит к возможности принять концепцию медиатизации как охватывающую сегодняшнее постиндустриальное общество, в котором конструирование социальной и правовой реальности происходит под влиянием технологий и медиа. Технологии в различном виде, в том числе роботизированном (что можно отнести к форме использования алгоритмов и программ), не существуют без медиареальности – второй, а может быть, теперь уже и первой реальности социума.

Слияние социума, технологий и медиа подвели мир к новой социальной парадигме – парадигме медиатизации, в которой «пространство-время, знания, действия и идентичность конструируются "в" и "через" цифровые медиа – и лежащие в их основе коды, алгоритмы и программы»²⁴⁰, о чем говорилось в

²³⁸ Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен: монография. – С. 248.

²³⁹ Тихомиров Ю.А. Процесс роботизации: актуальное правовое регулирование // Юридическая концепция роботизации: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. – М., 2019. – С. 18.

²⁴⁰ Ним Е.Г. Указ. соч. – С. 410.

предыдущих параграфах настоящего исследования. Это изменение определило разнообразие характеристик самой реальности, в том числе коммуникативных.

Социальную реальность можно рассматривать не только как социальную конструкцию, но и как коммуникативный механизм медиатизации, приводящий в движение, развитие право, государство, общество. Эти социальные изменения охватывают и публичные структуры власти в их традиционном разделении на законодательную, исполнительную и судебную.

Судебная власть активно включает в этапы своего реформирования возможности, предоставляемые технологиями, находится в информационном поле взаимовлияния с обществом и иными ветвями публичной власти, включаясь в общий процесс медиатизации социального пространства. Медиатизация судебной власти – процесс постепенный, в нем нельзя выделить четкие этапы, поскольку эта ветвь власти показала свою высокую функциональную, структурную устойчивость и адаптивность ко всем происходящим экономическим и политическим изменениям начиная с Судебной реформы 1864 г. Притом что «судебная власть должна быть в оптимальном с точки зрения особенностей конкретного исторического этапа состоянии, обеспечивать эффективность, качество, доступность правосудия, реальное восстановление нарушенных прав»²⁴¹, поиск прагматичных начал в ее деятельности ведется постоянно, точно так же, как постоянно меняется общество по мере появления новых технологических факторов, сопряженных с медиавлиянием.

Умение публичной (судебной) власти быстро менять формат взаимоотношения с социумом²⁴², реагируя на обратную связь и новую социальную реальность, подтверждает ее вовлеченность в медиатизированный процесс конструирования реальности. «С учетом имеющегося доступа к информации о деятельности судебной системы через официальные интернет-сайты судов, интернет-порталы правовой информации, справочные

---

²⁴¹ Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Правосудие: ориентация на Конституцию: монография. – М., 2018. – С. 97.

²⁴² См., например: постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации, Президиума Совета судей Российской Федерации от 18 марта 2020 г. № 808; Информация Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2020 г. «Работа отечественных судов в условиях пандемии» // СПС «Гарант».

информационные системы, печатные издания, информационные терминалы судов и СМИ важной задачей судебной системы названа необходимость увеличения количества информационных ресурсов судов (порталы, издания, мобильные приложения, социальные сети, информационно-образовательные проекты, видео) и освоение новых платформ взаимодействия с гражданами, преимущественно сетевых, что в условиях медиатизации выглядит особенно актуально»²⁴³.

Медиатизация трансформирует весь социум – как на микро-, так и на макроуровне. Алгоритмы социальных медиа совместно или в слиянии с цифровыми системами автоматизируют, оцифровывают социальные процессы. Соответственно, публичный порядок, социальная общность, формирование личной и коллективной идентичности меняются, медиатизируются вне зависимости от охваченности этого процесса правом.

Процесс медиатизации судебной власти невозможно рассматривать вне контекста медиатизации правового пространства в целом, без принятия во внимание идей коммуникативного развития права и особой роли культуры в эволюции общества. В.С. Степин считал эволюцию права детерминированной структурой социума и его исторической динамикой, при этом в основе развития общества, по мнению ученого, лежит взаимодействие его главных подсистем – культуры, экономики, социальных отношений социальных групп²⁴⁴. Междисциплинарный подход как ориентир для современных исследований, предложенный им в новой научной рациональности, как нельзя лучше подходит при принятии и освоении медиатизации обществом и публичными структурами. Так, исследователи говорят о переходе в рамках «цифровизации и перехода к новому технологическому укладу» (а медиатизацию при самом общем взгляде можно характеризовать как новый технологический уклад) системы права к новой структурной организации, в том числе формировании в ней, по выражению

---

²⁴³ Захаров В.В. Ньюсмейкеры от судейского сообщества: о роли Совета судей Российской Федерации в создании и реализации информационной политики судебной системы // Судья. – 2021. – № 1. С.

²⁴⁴ См.: Степин В.С. Идея права как социокультурный феномен // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН. – М., 2019. – С. 93.

Т.Я. Хабриевой, циклических массивов²⁴⁵, что будет сопровождаться появлением специфической терминологической базы, имеющей сквозное для отраслей права значение. При этом, в развитие идей Т.Я. Хабриевой и с учетом предложенного В.С. Степиным понимания междисциплинарности права, отметим, что новые термины и их смысловое наполнение будут иметь сквозное значение не только для отраслей права, но и для социальной реальности во всем ее многообразии.

Безусловно, в таком подходе можно усмотреть неопределенность в праве. Но следует согласиться с мнением О.Ю. Рыбакова о том, что «неопределенность есть также онтологическое свойство бытия. Риск основан на неопределенности. Неопределенность шире по объему и более разнообразно, нежели риск, реализуется в пространстве. Если риск предполагает потенциальное несоответствие цели и результата, то неопределенность есть условие, в котором результат достигается»²⁴⁶. Преодолеть неопределенность права означает «развернуть ценностный смысловой ряд понятий, категорий, интересов и потребностей, сопоставить и выделить общее и различное. Вместе с тем философско-правовой и юридико-прикладной подходы к преодолению аксиологической неопределенности права не всегда совпадают»²⁴⁷. Подобное несовпадение возможно нивелировать, если обращаться к конституционно-правовым подходам осмысления правовой и социальной реальности.

Применительно к исследованию медиатизации судебной власти стоит говорить о том, что судебный конституционализм в горизонте своего развития видится доктриной, способной выступать в качестве гибкого инструмента разрешения многих неопределенностей в праве, вызванных стремительным изменением социальных отношений. «Стратегическое значение судебной власти в современной модернизации нашего государства и общества в том, что она призвана гарантировать реальность прав и свобод и одновременно обеспечить

---

²⁴⁵ См.: Хабриева Т.Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. – 2019. – № 12. – С. 5–18; Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Степина и юридическая наука. – С. 116, 157.

²⁴⁶ Рыбаков О.Ю. Философия права: учебник для магистрантов. – М., 2021. – С. 214.

²⁴⁷ Гаврилова А.Ю. Развертывание смысла права как средство преодоления его неопределенности в цифровом пространстве // Неопределенность права: философское осмысление и юридическое значение: монография / под общ. ред. О.Ю. Рыбакова. – М., 2023. – С. 233.

действие других ветвей государственной власти в рамках правового пространства Конституции»²⁴⁸.

Свобода и власть в современном «оцифрованном» звучании получают новые онтологические смыслы и символы. Поэтому третьей непрременной составляющей в триаде основных бытийных понятий человечества становится Конституция.

Именно благодаря этому социально-правовому символу и инструменту гармонизируется важнейшая для человечества триада, а свобода и власть находят приемлемый баланс существования в новых условиях, где технологии кажутся доминирующими над всем жизненным пространством. Перед обществом встают смысловые вопросы о ценностях, что уже как минимум с исторических позиций говорит о переломности момента. Ценности Французской революции когда-то привели к созданию нового права, формированию национальных государств; ценности промышленных революций, в свою очередь, породили новые отрасли права. Медиатизация подчеркнуто выявила значение конституционных ценностей – универсальных, всеобъемлющих, объединяющих. «Конституция сама по себе выступает концентрированным выражением метаюридических начал справедливости»²⁴⁹. В этом лаконичном определении Конституции есть два важных, отправных для раскрытия темы медиатизации судебной власти понятия – «справедливость» и «метаюридические начала».

Справедливости ищут в суде, и весь коммуникативный потенциал права и суда, все изменения в структуре и форме судоустройства, обретение новых значений принципами правосудия под влиянием новых технологий в итоге подчинены результативности этого поиска. Придание юридическим началам «метазначимости» – высшей, даже бытийной, – вплетает Конституцию в каждодневность, делает ее существование непреложным условием жизни индивида, социума, власти.

«Информационно-цифровое пространство обуславливает становление новых конституционно значимых граней, способов осуществления власти и свободы,

---

²⁴⁸ Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Указ. соч. – С. 25.

²⁴⁹ Там же. – С. 151.

что, соответственно, порождает и новые конституционные основы формирования и функционирования власти, ее взаимоотношений с человеком и гражданином, обществом в целом»²⁵⁰.

Рассмотрим, как судебная власть, будучи публичным институтом, наиболее близко стоящим к обществу, реализуется через медиатизацию.

Медиатизация судебной власти на сегодняшнем этапе ее развития идет как минимум в двух направлениях:

- 1) внедрение новых технологий в судопроизводство и осуществление правосудия в виде создания платформы цифрового или электронного правосудия;
- 2) инкорпорирование судебной власти в информационное (медийное) пространство для реализации правовых коммуникативных практик, формирования правовых идеологем и развития права (в его коммуникативном понимании).

Исследователи различают термины «электронное правосудие» и «цифровое правосудие»: «...в первом случае речь идет о свойствах носителя информации, во втором – о форме существования данных. Разница существенна, так как форма хранения информации определяет свойства среды. Так, цифровое правосудие предполагает *переход большей части коммуникаций в цифровую среду* (курсив наш. – Е.П.), тогда как электронное правосудие подразумевает в основном разрешение судами правовых конфликтов посредством информационно-коммуникационных технологий, прежде всего электронного документооборота и системы видеоконференц-связи, результаты которых отображаются в информационной системе»²⁵¹. Электронное правосудие, как и его следующий эволюционный этап – правосудие цифровое, воспринимается также с позиций интегративного правопонимания, при этом акцентируется основная составляющая

---

²⁵⁰ Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации. – С. 30.

²⁵¹ Момотов В.В. Электронное правосудие в Российской Федерации: миф или реальность // Российская юстиция. – 2021. – № 7. – С. 2.

в этих процессах – изменение форм и способов работы в зависимости от глубины и охватности внедрения цифровых технологий²⁵².

Представляется, что, с точки зрения процесса медиатизации общества и власти в целом, укоренившийся в отечественном правовом порядке термин «электронное правосудие» не вполне корректен, поскольку отражает только инструментальную часть перевода судебного процесса на цифровые носители и не принимает во внимание то, что, например, коммуникация сторон процесса посредством видеоконференц-связи уже выходит за рамки исключительно «электронной».

Смысл информатизации в виде применения компьютеров в качестве подсобного, а не процессуального средства, не меняющего сути, содержания непосредственно судопроизводства, обсуждался в рамках дискуссии о перспективах развития процессуальных отношений: «Новеллами вводится новая электронная форма, заменяющая или дополняющая традиционную письменную форму, при этом сущность самой формы остается прежней»²⁵³.

Внедрение искусственного интеллекта станет еще одним шагом в сторону медиатизации судебной власти, поскольку не только изменит формы коммуникации в процессе, но и, по мнению некоторых исследователей, спровоцирует также изменения Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей»²⁵⁴, равно как и Кодекса судейской этики²⁵⁵: «Потребуется разработка либо нового закона, либо иных нормативных правовых документов, которые регулировали бы порядок отправления правосудия судьей-роботом, содержали требования к техническим характеристикам такого судьи, порядку его взаимодействия с заявителями и иные требования»²⁵⁶. О внедрении

---

²⁵² См.: Электронное правосудие: монография / под ред. Е.В. Бурдиной, С.В. Зуева. – М., 2021. – С. 46–49 (автор раздела 1.2 – Е.В. Бурдина).

²⁵³ Борисова В.Ф. Цифровизация гражданских процессуальных правоотношений на стадии возбуждения гражданского судопроизводства // Российская юстиция. – 2022. – № 1. – С. 48–52; Федосеева Н.Н. Электронное правосудие в России: сущность, проблемы, перспективы // Администратор суда. – 2008. – № 3. – С. 2–3; Хисамов А.Х. Тенденции интеграции информационных технологий в цивилистический процесс // Вестник гражданского процесса. – 2018. – № 1. – С. 229–230.

²⁵⁴ Российская газета. – 1992. – 29 июля.

²⁵⁵ Бюллетень актов по судебной системе. – 2013. – № 2.

²⁵⁶ Право и роботизация в сфере государственных институтов. Юридическая концепция роботизации: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. – М., 2019. – С. 140.

искусственного интеллекта написано немало научных материалов²⁵⁷, мы же отметим только, что применительно к медиатизации значение будет иметь охват новой технологией функционала делопроизводства и, что важнее, непосредственно компетенции фигуры судьи в аспекте реализации его судейского усмотрения, аргументации судебных актов, судебной риторики – судебного контента.

Степень интеграции искусственного интеллекта в производство, включая судебное, не должна измеряться и определяться только критериями экономической целесообразности. Судейское усмотрение, судейское правотворчество, судебное право и право в целом могут получить непредсказуемое развитие или, наоборот, стагнировать. Масштаб технологических изменений, быстрота конструирования новых социальных, в том числе правовых, пространств являют собой определенный вызов праву, которому веками были свойственны эволюционное развитие и преемственность. «Правосудие является и должно оставаться ориентированным на человека, поскольку оно касается живых людей и их споров, а также направленным на развитие права»²⁵⁸.

Отметим, что сегодня разработана и действует Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях²⁵⁹, которая определяет пять принципов использования искусственного интеллекта в судебной деятельности: 1) уважение основополагающих прав; 2) недискриминация; 3) качество и безопасность; 4) прозрачность, беспристрастность и достоверность; 5) контроль со стороны пользователя. Комментируя появление этого документа, исследователи вопросов

---

²⁵⁷ См.: Апостолова Н.Н. Искусственный интеллект в судопроизводстве // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2019. – № 3. – С. 135–141; Клеандров М.И. Размышления на тему: может ли судьей быть робот? // Российское правосудие. – 2018. – № 6. – С. 15–25; Константинов П.Д. Судейское усмотрение, шаблонность судебных решений и природа правосудия в свете предиктивного правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – № 7. – С. 27–31; Овчинников А.И., Хахимов И.А. Правоприменение, искусственный интеллект и контекстуальное значение принципов права // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 481–484.

²⁵⁸ Алешкова И.А., Молокаева О.Х. Опасности цифрового развития права: очевидные, скрытые, мнимые // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 8. – С. 41–45.

²⁵⁹ Принята на 31-м пленарном заседании Европейской комиссии по эффективности правосудия, СЕРЕЛ (2018) 14, в Страсбурге 3–4 декабря 2018 г.

применения искусственного интеллекта отмечают, что необходимость изменения сферы «правового регулирования (расширение или сужение) смещает акцент в сторону неправового (квазиправового) регулирования в тех или иных областях, меняет или способна потенциально изменить соотношение правовых регуляторов (закона, подзаконных актов, иных регуляторных инструментов в праве), выдвигает на передний план источники мягкого права»²⁶⁰.

Что показывают последние исследования инкорпорирования медиатизации в социум на примере ее воздействия на реализацию судебной власти? В 2004 году В. Шульц, выделил несколько процессов социальных изменений, в которых медиатизация играет ключевую роль: расширение, замещение (замена), объединение и размещение²⁶¹. Думается, что работа Шульца эволюционно поглощает все ранее сделанные исследования и выводы об информатизации судебной власти, давая широкое и объемное понимание процессам, протекающим в судебном институте.

Процесс *расширения* характеризует развитие медиатехнологий, которые преодолевают пространственные и временные расстояния и увеличивают тем самым свой коммуникативный потенциал. В цифровом пространстве нет временных ограничений, свойственных реальности с часовыми поясами, информационный поток существует одновременно и непрерывно. Появление «вневременного времени», согласно М. Кастельсу, стало возможным в цифровом ландшафте благодаря отсутствию в нем физических границ и невозможности точного соотнесения конкретного физического лица с совершаемыми им действиями в рамках цифровой реальности²⁶².

По мере того как медиатехнологии расширяют естественные коммуникативные способности людей, средства массовой информации начинают отражать культурные техники в антропологическом смысле, тем самым подтверждая идею Маклюэна о том, что «медиа являются внешним

---

²⁶⁰ См., например: Залоило М.В. Искусственный интеллект в праве: научно-практическое пособие / под ред. Д.А. Пашенцева. – М., 2021.

²⁶¹ См.: Schulz W. Op. cit. – P. 88.

²⁶² См.: Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М., 2000.

продолжением человека»²⁶³. Добавим, что с правовых позиций обязательным контуром для внешних ограничений, как видится, должна быть Конституция, поскольку релятивизм понятия «внешнее продолжение» не может быть объят позитивистским подходом к урегулированию всех возможных видов его проявления. И только «конституционное право с уникальными возможностями его норм-принципов, норм-дефиниций, норм программного характера, с предельно высоким ценностно-регулятивным потенциалом способно оказывать мягкое, нормативно-ориентирующее воздействие»²⁶⁴ на многообразие форм социального проявления человека в его коммуникативном взаимодействии с другими индивидами, обществом и властью.

Проведение судебных заседаний по видеоконференц-связи в условиях удаленности всех участников процесса как в пространстве, так и во времени (из-за разницы в часовых поясах) стало широко применимо с момента введения ограничений в передвижении из-за пандемии коронавируса. Это в итоге увеличило доступность судебного процесса, предоставив судьям возможность, находясь физически в одном месте, вести судебные заседания в судах разнообразной субъектовой, инстанционной, территориальной принадлежности при сжатом временном графике процессуальных действий. Эта возможность вкупе с подачей документов в суд в электронном виде, рассылкой судебных извещений в виде СМС, получением исполнительных листов была названа электронным правосудием.

Медиатизация охватывает судебную власть не так быстро и динамично, как институты гражданского общества. Однако даже с учетом определенной консервативности суды с неизбежностью оказываются вовлечены в процесс медиатизации в силу необходимости регулировать *Big Data* – результат аккумулирования данных о физических и юридических лицах, обстоятельствах конфликтных ситуаций и оцифрованных доказательствах.

---

²⁶³ McLuhan M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. – N.Y., 1964.

²⁶⁴ Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации. – С. 29.

И в этом процессе, связанном с тем, что тонкая грань между личным и публичным в медиатизированной реальности стирается, неминуемо активизируются и реализуются конституционные принципы защиты прав личности.

«Цифровая личность» – развивающийся, если не сказать достаточно спорный на сегодня, правовой концепт. И только применение конституционных норм, как видится, поможет взвешенно определить то, что будет публично значимым, в том числе значимым для власти, а что должно быть отнесено к автономии личности²⁶⁵. Подробное освещение темы «цифровой личности» в процессе конституционных аспектов медиатизации судебной власти не вошло в настоящее исследование, но представляется наиболее перспективным направлением в междисциплинарном изучении с привлечением философских, социологических и антропологических позиций.

Необходимость присутствия судебной власти в информационном потоке подразумевает использование *Big Data*, например распространение в публичном пространстве информации через открытие доступа к судебным актам и пресс-релизам о рассматриваемых делах. В мире, где граждане могут организовать свою жизнь в несколько нажатий на клавишу компьютерной мыши, правосудие не может оставаться в оковах старых, аналоговых моделей поведения. Поэтому основной задачей, стоящей перед судебной властью и решаемой ею, стало создание единых технологичных подходов к судебному делопроизводству, а конкретнее – формирование информационной среды, предполагающей обеспечение доступности для судей и заинтересованных лиц всего объема информации о судебной практике. Концепция информатизации судов общей юрисдикции, утвержденная постановлением Совета судей Российской Федерации

---

²⁶⁵ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 июля 2003 г. № 287-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Можнева Ивана Федоровича и коллективной жалобы граждан Гирдюк Татьяны Сергеевны, Маркеловой Людмилы Николаевны, Ращинской Галины Владимировны и других на нарушение их конституционных прав абзацем первым пункта 7 статьи 84 Налогового кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2003. – № 6. В дальнейшем эта правовая позиция получила развитие в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2006 г. № 598-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Смокотина Вячеслава Витальевича на нарушение его конституционных прав введением в действие паспорта гражданина Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

от 11 апреля 2002 г. № 75²⁶⁶, решала первичные технические задачи по созданию государственной автоматизированной системы «Правосудие» (далее – ГАС «Правосудие»)²⁶⁷. В дальнейшем были приняты целевые программы «Развитие судебной системы России» на 2002–2006 годы, а затем и на 2007–2011 годы²⁶⁸.

В итоге деятельности по направлениям, определенным этими программными документами, появились ГАС «Правосудие» и информационная система «Мой арбитр» (что вполне укладывается в русло поступательного расширения медиатизации правовой сферы в целом, учитывая наличие прототипов – справочно-информационных систем). В совокупности эти базы данных представляют собой основу для реализации концепции электронного правосудия, о векторах развития которого в рамках судебной реформы размышляют ученые и правоприменители²⁶⁹.

Принятая Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы», как уже упоминалось, перечисляет мероприятия, которые встраиваются в медиатизированную социальную реальность, относя к ним: информатизацию судебной системы (Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, создание мобильного офиса судьи Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации); информатизацию государственных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации современной приборной базой; информатизацию Федеральной службы судебных приставов; реконструкцию зданий судов.

Замещение – это процесс, в котором медиа не только постепенно меняют немедийную часть социальных институтов, но и активно смешиваются с ними,

²⁶⁶ СПС «КонсультантПлюс».

²⁶⁷ См.: Постановление Совета судей Российской Федерации от 29 октября 1999 г. № 19 «Об информатизации судов общей юрисдикции» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁶⁸ См.: Постановления Правительства Российской Федерации от 20 ноября 2001 г. № 805 «О федеральной целевой программе "Развитие судебной системы России" на 2002–2006 годы" // СЗ РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4623, от 21 сентября 2006 г. № 583 «О федеральной целевой программе "Развитие судебной системы России" на 2007–2011 годы" // СЗ РФ. – 2006. – № 41. – Ст. 4248.

²⁶⁹ См., например: Лаптев В.А. Deepfake и иные продукты искусственного интеллекта на пути развития онлайн-правосудия // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 11. – С. 180–186.

что имеет в своей основе экономический аспект, формирующий стандарты медиалогии для успешного продвижения. Примером служит введение форм обслуживания, исключающих участие человека. Судебная система с неизбежностью меняет структуру взаимодействия с обществом и существенно корректирует внутреннюю организацию.

Применительно к судебной системе примером медиатизации в форме замещения можно назвать обсуждение возможности введения искусственного интеллекта в судебный процесс.

Еще один пример замещения – электронный документооборот в судах, исключающий из цепочки обработки, передачи и получения информации человека в качестве субъекта как трудовых, информационных отношений, так и отношений, складывающихся в ситуации взаимодействия с судебными органами, в том числе с целью получения судебных актов или извещений.

Появление возможности подачи документов в суд онлайн или через социальные службы одного окна также влияет не только на форму взаимодействия обращающихся в судебные органы, но и на экономические условия работы судов.

Пример судебной реформы Казахстана показывает развитие инфраструктуры медиатизации, позволяющей говорить о возможности внедрения технологии «*Smart-помощник судьи*», который, по концепции разработчиков, будет готовить проекты судебных актов по бесспорным делам, где не требуется применение судейского усмотрения²⁷⁰. Опыт судебных реформ Сингапура демонстрирует эффективность использования возможности подавать судебные документы и вести судебное дело в электронном виде²⁷¹.

Объединение, или слияние, показывает усложнение социальных процессов посредством переплетения в повседневности экономики, культуры, политики

---

²⁷⁰ См.: Асанов Ж.К. Права человека и судебная власть в информационном обществе: вопросы теории, практики и законодательства // Сборник материалов III Евразийского общества по правам человека. – Нур-Султан, 2021. – С. 9.

²⁷¹ См.: Офшор Сингапур расширяет спектр использования новых технологий в судебном производстве. URL: <https://internationalwealth.info/offshorelegislation-acts/singapore-and-unique-electronic-courts-of-justice/>

медийных и немедийных процессов, которое во многом размывает границы между ними, синтезируя социальные процессы.

О проходящем в судебном процессе слиянии свидетельствует возможность проведения очного судебного заседания с применением видеоконференц-связи. Такая смешанная форма реализации права на судебную защиту формально не умаляет доступ к правосудию, но в определенных ситуациях или затрудняет его, или в некоторой степени ограничивает. В частности, трансляция судебного процесса из зала судебного заседания дает одномоментный доступ к нему неограниченному количеству лиц, тем самым делая доступным первоисточник, на основе которого можно будет верифицировать всю последующую относимую к этому процессу информацию. В соответствии с принципом открытости правосудия извещение об онлайн-трансляции судебного заседания и о возможности подключения заинтересованных лиц к ней по ссылке должно быть опубликовано в соответствующем разделе картотеки дел официального сайта суда. «В Российской Федерации ежедневно рассматриваются более 1500 дел в режиме видеоконференц-связи. При этом требуется нормативное закрепление многих технологических новаций, позволяющих ускорить судебный процесс и сделать его более эффективным»²⁷². Предлагаемые новации в виде использования технологии распознавания лиц укладываются в том числе в маклюэновское понимание медиатизации в виде «расширения человека».

Судебная информация, получаемая из первоисточника, влияет на правовые ценности, что учитывается информационной политикой судебной власти, принимая во внимание решение о создании сетевого издания «Правосудие.РФ»²⁷³.

Процесс объединения также определяет способы, при помощи которых субъекты адаптируют свой функционал к медийным технологиям, включая семиотическую составляющую, позволяющую формировать и передавать информацию наиболее оптимальным образом. Применительно к судебной власти следует отметить сразу несколько тем в этом ракурсе – от стратегии

---

²⁷² Электронное правосудие: монография. – С. 7 (автор введения – В.В. Момотов).

²⁷³ URL: <http://cdep.ru/index.php?id=104&item=6212>

репрезентации судебной власти в медиапространстве до вопросов юридической лексики и аргументации судебных актов.

Что касается процесса *размещения*, или *внедрения*, то медиатизация социума означает внедрение в социальные практики – публичные и частные – новых правил, которые во многом меняют общественные процессы. Потеря значительной части приватности физических лиц, увеличение прозрачности в действиях публичных субъектов при формировании информационного пространства подтверждают идеи о начале новой «социальной демократии» в процессе медиатизации. Медиатизация социальной жизни существенно меняет границы частного и публичного. Определение этих границ, а также их защита – одно из следствий медиатизации социальных отношений.

Впервые о праве на неприкосновенность частной жизни заговорили американские юристы С. Уоррен и Л. Брандейс в обзорной статье «Право на неприкосновенность частной жизни», опубликованной в декабре 1890 года в журнале *Harvard Law Review*²⁷⁴. Сразу после выхода в печать ее признали одной из самых влиятельных в истории американского права публикаций, защищающих право на неприкосновенность частной жизни; это право было сформулировано в первую очередь как «право быть оставленным в покое». Причем авторы новой концепции признавали, что это весьма подвижный, гибкий принцип, который трансформировался на протяжении веков в результате политических, социальных и экономических изменений. Позднее появился термин *newspaperization* («газетизация»), обозначающий проблему, которая подтолкнула Уоррена и Брандейса к разработке теории права на неприкосновенность частной жизни.

Обращение в судебные институты означает окончательное снятие покровов приватности с конфликтной ситуации, даже если ранее она была введена в медиаоборот. Изменение баланса двух прав – права на свободное получение и распространение информации и защиты права на частную жизнь – изменило и объем предоставляемой судом защиты. Медиатизация может в определенной мере

---

²⁷⁴ См.: Ульбашев А.Х. Эволюция доктрины приватности (privacy) в американском праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 2.

содействовать развитию внесудебных способов разрешения споров, но только в случае понимания обществом важности персональных данных и сведений о личной жизни, а также так называемой пропертизации персональных данных, т.е. регулирования их как особого вида собственности²⁷⁵. Уровень ожиданий конкретного общества касательно информационной сохранности частной жизни служит эталоном, стимулирующим либо ослабляющим действия по совершенствованию законодательства. «Процесс защиты персональных пользователей как обособленная правовая конструкция является частью функционирования процесса противодействия распространению недостоверной информации, а также частью механизма обеспечения права на неприкосновенность частной жизни, но при этом является самостоятельной его частью»²⁷⁶. Чувствительное отношение к медиатехнологиям, основанное на здравом смысле, позволит избежать явной несоразмерности и поддерживать баланс между частным и публичным в медиатизированном обществе. Судебная власть в первую очередь занимается поиском такого баланса, согласованием конституционных принципов и выработкой правил их уравнивания. Та восприимчивость, с которой судебная власть откликается на запросы общества и выстраивает свою деятельность в меняющемся под влиянием медиатизации правовом ландшафте, показывает ее уникальный потенциал с неизменными этическими установками на конституционность ее роли для личности, общества, государства. Электронное правосудие, развитие которого находит отражение в научных, доктринальных²⁷⁷ исследованиях, является частью общего процесса медиатизации социума и как его инструментальная форма не может существовать вне постнаучных междисциплинарных аспектов концепции медиатизации судебной власти.

---

²⁷⁵ См.: Карпов С.А. Пропертизация персональных данных, т.е. регулирование их как особого вида собственности // Российская юстиция. – 2022. – № 11. – С. 9.

²⁷⁶ Белянская О.В. Меры по обеспечению безопасности персональных данных пользователей инфокоммуникационных технологий как часть процедур по предотвращению конфликтов в цифровом пространстве // Государственно-правовые исследования. – 2022. – Вып. 5. – С. 249–254.

²⁷⁷ См.: Электронное правосудие: монография.

Будучи частью медиатизации, которую можно рассматривать в том числе как продукт конвергентных технологий – «неотъемлемый атрибут восходящего эволюционного процесса, присущего не только эволюции человеческого общества, но и всей космологической эволюции в целом»²⁷⁸, технологии, вводимые в делопроизводство, не несут философской основы преобразования для социального конструирования реальности, в том числе относимой к пространству права и значения судебной власти в нем. «Осмысление созидающей энергии права (как "потенциальной", так и "кинетической") в контексте ее взаимодействия с информацией открывает новый ракурс на фундаментальные проблемы его действия, эффективности, пределов правового регулирования»²⁷⁹.

Безусловно, инновации в судебной власти необходимы и неизбежны. Очевидно и то, что «в сфере судебной деятельности идеальной целью правовой инновации должно быть повышение эффективности правового регулирования отношений – как судоустройственных, так и судопроизводственных»²⁸⁰. Однако инновации в виде медиатизации судебной власти в первую очередь должны укреплять верховенство права и защиту основных прав человека. Судебная власть не может быть консервативна по самой своей сущности, но чуткое реагирование, встраивание в новую парадигму медиатизации происходит при сохранении ее консервативной сути – конституционной защиты человека, общества и государства. Этот важный факт должен восприниматься всем социумом как аксиома, и для достижения данной цели максимально эффективно использование возможностей медиатизации.

Новизна исследования эволюции судебной власти заключается в объединении фрагментарных, хотя и значимых, областей ее деятельности – от технической (электронное правосудие) до идеологической (информационная политика) – в единый медиатерминистский процесс, характерный для всего общества, властных институтов и права.

---

²⁷⁸ Хабриева Т.Я. Проекция развития конвергентных технологий в праве. – С. 139.

²⁷⁹ Там же. – С. 147.

²⁸⁰ См.: Краснов А.В., Юсупов А.А. Правовые инновации в судебной деятельности и их природа // Российская юстиция. – 2023. – № 7. – С. 35–43.

Подытоживая сделанные наблюдения о влиянии медиатизации на судебную власть, можно сделать вывод о том, что медиатизация судебной власти – это сложное, многоаспектное явление, рассматриваемое с позиций постклассической теории права как способ, процесс и форма осуществления судебной власти в условиях информационной трансформации общественных отношений и правовой сферы общества, вбирающее в себя применение цифровых технологий, перспективы использования элементов искусственного интеллекта в судопроизводстве, активное существование в информационном пространстве. Всё это трансформирует значение судебной власти в обществе, формы реализации в нем правовой политики с учетом главного участника (актора) – института судебной власти, а также этические стандарты правосудия и судейского статуса.

2.2. Принцип открытости судебной власти и его реализация в информационном обществе

Идея открытости правосудия как институционального принципа появилась в Российской империи в самом начале XVIII в. и была предложена в плане государственного преобразования М.М. Сперанского, представленного в виде «Введения к уложению государственных законов»²⁸¹. И если «Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России», в которой принцип открытости судебных заседаний был упомянут впервые, датирована 1803 г., то предшествующий ей и упомянутый нами ранее небольшой труд «О силе общего мнения» появился годом ранее – в 1802 г. Открытость правосудия и значимость общественного мнения для власти, в понимании Сперанского, были тесно сопряжены и не могли существовать по отдельности. Ученый и государственный деятель своими идеями во многом предвосхитил время и предложил правовые модели, которые, развиваясь, по сей день сохраняют в

---

²⁸¹ План государственного преобразования графа М.М. Сперанского (Введение к уложению государственных законов 1809 г.) с приложением «Записки об устройстве судебных и правительственных учреждений в России (1803 г.), статей «О государственных установлениях», «О крепостных людях» и Пермского письма к Императору Александру». – М., 1905.

основе неизменными архетипичные трактовки взаимодействия (коммуникации) власти и общества.

Идея открытости суда напрямую связана с признанием государством наличия и силы «общего», или, говоря современным языком, общественного мнения, которое как социальный феномен могло появиться только в результате медиатизации общества – охвата населения печатными изданиями. Обращаясь к медиатизированной теории развития общества, еще раз вспомним мнение Г. Инниса о том, что степень фиксации медиа и доступность последних во времени и пространстве определяли способность реализации властных предписаний²⁸². Формирование национальных государств невозможно без выстраивания властных структур и обретения национальной идентичности, что, в свою очередь, подразумевает развитие национальной культуры и языка. И все эти процессы были сопряжены с коммуникативными процессами, опосредованными медиа, – развитием книгопечатания, расширением книготорговли и формированием медиарынка профессиональных, публицистических, новостных изданий, причем содержательную часть последних составляли судебные новости.

Выделяя судебную власть как самостоятельную ветвь и тем самым закладывая принцип ее независимости, М.М. Сперанский предложил еще один принцип, связывающий власть и общество взаимным контролем и одновременно предполагающий доверие, и сформулировал его следующим образом: «Решения Сената производятся по очереди при открытых дверях публично»²⁸³.

Сперанский полагал, что развитие общественного мнения – это действенная гарантия от нарушения законов исполнительной властью. Он считал, что надо «сохранить и усилить народное мнение, власть сию ограничивающее не в существе ее, но в форме ее действия».

Сперанский пишет: «Четыре рода установлений в составе общежития необходимы: первое – свобода личности; второе – частная собственность; третье

---

²⁸² См.: Innis H. Op. cit.

²⁸³ План государственного преобразования графа М.М. Сперанского... – С. 85.

– власть; четвертое – институты духовной жизни (религия, науки, искусства)»²⁸⁴. «Развитие социальной жизни состоит в укреплении и расширении этих институтов. И не меньшее значение для социальной жизни общества и формирования общего мнения благодаря наличию таковой имеет суд.

Суд самым тесным образом связан с гражданским обществом, с правами различных сословий и классов. Состояние судебной-правовой системы является показателем уровня правосознания в обществе и его готовности к восприятию реформ, проводимых властью. Но и политическое устройство страны сильно влияет на деятельность и состав суда. В результате в этой области происходит смешение и взаимовлияние двух факторов – массовой правовой культуры (или бескультурья) и общей социальной политики государственной власти. Отсюда дилемма – с чего же начать? Реформировать ли сначала судостроительство, сделав его школой гражданского воспитания, или же, напротив, провести политические реформы, следствием которых должна быть реформа суда?»²⁸⁵. При этом М.М. Сперанский, не будучи в момент написания «Руководства» сторонником масштабных преобразований, считает, что реформировать сами принципы суда еще рано, поскольку, по его убеждению, «правый суд... предполагает не только просвещенных судей, но и просвещенную публику, искусных правоведов, знающих стряпчих и методическое сей части учение»; без этого «самая лучшая система судопроизводства произведет только вредное действие новости»²⁸⁶.

Так, коммуникативная форма укреплялась в качестве основы создающегося общества и власти, что предполагало наличие письменной и книжной культуры, а потребителями последней и была та публика, о просвещении которой говорил Сперанский. Медиа эволюционируют и становятся профессиональными, существуя в условиях постоянного спроса на информацию о деятельности власти, в том числе судебной, и о жизни, настроении общественных сил. Медиа также

---

²⁸⁴ Там же.

²⁸⁵ См.: Поворова Е.А. «Общее» мнение и публичная власть: по следам творческого наследия М.М. Сперанского / Е.А. Поворова // Историко-правовая наука в условиях современных социальных трансформаций: сборник научных статей. – Саратов. 2022. – С. 301–315.

²⁸⁶ План государственного преобразования графа М.М. Сперанского... – С. 85.

становятся все в большей степени символической формой власти в сочетании с правом (также легитимной формой социальной коммуникации).

Открытость судебной власти для общества позволяла коммуникативным механизмам создавать ту самую публичную власть, которая, согласно П. Бурдьё, культивировалась через символическое принуждение, создавая правовые механизмы сдерживания и регулирования общества²⁸⁷. Эволюция судебной власти, равно как и государственной власти в целом, происходила параллельно с изменением коммуникативных медиасистем. При этом принцип открытости, заложенный в судопроизводство Сперанским и получивший свое развитие в последующих судебных реформах, в историческом горизонте позволил судебной системе стать наиболее устойчивым и воспринимаемым обществом властным институтом.

Принцип открытости судебной власти, реализуемый посредством медиа, влияет на общественное мнение, но и медиа, действуя на основе того же принципа, создают обратную связь между обществом и судебной властью, реализуя коммуникативную функцию для поддержания диалога и социальной гласности, имманентно присущей медиатизации. «Работа по освещению правосудия и взаимодействию со СМИ осуществляется на основе принципов открытости и гласности правосудия, направлена на укрепление авторитета судебной власти, повышение уровня правосознания и правовой культуры населения. Для реализации этих целей сотрудники, ответственные за взаимодействие со СМИ, используют разнообразные доступные инструменты, ориентируются на наиболее актуальные способы коммуникации»²⁸⁸.

И здесь необходимо обратить внимание на то, что выстраивается дискурсивный конструкт, при котором судебная власть через открытость судебных процессов и доступность судебных актов реализует свою информационную политику только тогда, когда в полной мере включена в процесс медиатизации. Вне этого процесса деятельность судебной власти

---

²⁸⁷ См.: Bourdieu P. *La distinction. Critique sociale du jugement*, Cambridge, Mass., 1984.

²⁸⁸ Захаров В.В. Комиссия по связям с государственными органами, общественными организациями и средствами массовой информации // Судья. – 2023. – № 6. – С. 36.

остается и вне коммуникативного поля с обществом. При этом медиа постоянно и самостоятельно формируют правовое поле, что, в свою очередь, ведет к формированию правового общественного ландшафта, созданию правовых представлений и, в конечном итоге, легитимности права.

Об открытости суда как основном принципе его деятельности говорит Б.Н. Чичерин: «Одной из важнейших гарантий правильного суда служит гласность судопроизводства, с которой связана и словесность. При таком порядке тяжущиеся и подсудимые получают все средства защиты, суд ставится под контроль общественного мнения и народу внушается доверие к отправлению правосудия. Напротив, письменное судопроизводство влечет за собою канцелярскую тайну, ставит тяжущихся и подсудимых в полную зависимость от суда и открывает широкое поле для всяких темных влияний»²⁸⁹.

Под связанной с открытостью словесностью следует понимать судебную риторику и аргументацию, значение которых в последнее время все более подчеркивается в рамках развития судебного права²⁹⁰. Но словесность имеет важное значение и для судебной информационной политики, поскольку ценность юридического дискурса в суде состоит не только в его открытости в смысле доступности, т.е. не только в техническом, но также и в когнитивном смысле. Понятно изложенная аргументация судебных актов служит развитию судебного права и по-новому раскрывает потенциал правового влияния судов на информационное общество. Публичный характер судебного процесса, защищая стороны от отправления правосудия без контроля со стороны общества, также является гарантом поддержки доверия к судам. Открытость правосудия подразумевает возможность заинтересованных лиц, не участвующих в судебном процессе, самостоятельно исследовать и проанализировать выдвинутые сторонами аргументы, подтверждая или оспаривая правовые позиции либо теоретические, абстрактные положения.

---

²⁸⁹ Чичерин Б.Н. *Общее государственное право* / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. – М., 2006.

²⁹⁰ См.: Гаджиев Х.И., Поворова Е.А. *Указ. соч*

В рамках настоящего исследования мы рассматриваем принцип открытости как элемент конституционно гарантированного права на судебную защиту²⁹¹, поглощающий принципы гласности и транспарентности, которые, с нашей точки зрения, тождественны по своему сущностному содержанию конституционно установленной открытости.

По мнению Х.И. Гаджиева, судебную практику иногда считают коллективным опытом правотворчества²⁹², что в рамках коммуникативной теории права представляется убедительным, а для правовой медиатизации означает расширение юридического дискурса с вовлечением неограниченного количества агентов (участников диалога). «Выдвигаемые участниками судебного разбирательства аргументы служат импульсом для интерпретации применяемой нормы права. Одновременно создается история применения закона, в которой благодаря судебной аргументации формируется и обновляется правовая доктрина. В любом случае судебная практика представляет собой наилучший опыт проверки правовых доктрин»²⁹³.

Медиатизация судебной власти подразумевает: 1) постоянный контроль качества судебных актов, в связи с чем судьи должны обосновывать свои решения непротиворечивыми аргументами, доступными для понимания не только лицам с юридическим образованием; 2) размещение судебных актов в открытом доступе с учетом изъятия информации в соответствии с законодательством²⁹⁴, но с сохранением смысла вынесенного решения²⁹⁵; 3) обеспечение открытого

---

²⁹¹ Статья 123 Конституции РФ устанавливает: разбирательство дел во всех судах открытое. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013>

²⁹² См.: Гаджиев Х.И. Правовые доктрины как отражение развития аргументации судебных решений / Судебная юриспруденция: от доктрины к единообразию судебной практики: коллективная монография / отв. ред Н.С. Бондарь. – М. 2023. – С. 200–201; см. также: Walton D. Legal Argumentation and Evidence. The Pennsylvania State University, 2002. – P. 15.

²⁹³ Гаджиев Х.И. Там же.

²⁹⁴ См.: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3451; постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» (далее – Постановление № 35) // Российская газета. – 2012. – 19 декабря.

²⁹⁵ Вопрос корректности изъятия из судебных актов персональных данных неоднократно поднимался в публикациях. Например, отмечалось, что «сложность с анализом... связана с тем, что решения судов общей юрисдикции, которые рассматривают иски граждан, обезличиваются работниками судов и из них часто изымаются не только персональные данные, позволяющие идентифицировать участников процесса, но и сведения о характере полученных травм и суммы взысканного морального вреда. Однако поскольку обезличивание в судах выполняется в так называемом "полуавтоматическом режиме", примерно из половины дел необходимая информация полностью

рассмотрения дел с необходимым медиасопровождением в виде публикации пресс-релизов, написанных простым и ясным языком. Мотивированное решение, размещенное в открытом доступе, дает возможность осуществлять общественный контроль за отправлением правосудия. «Играя ключевую роль в судебной практике, аргументация служит углубляющейся связи теории права и правоприменения на конкретной эмпирической основе»²⁹⁶.

Отметим, что реализация принципа открытости, с учетом предоставляемой медиатизацией возможности предоставить доступ к массиву судебных актов представителям судебной системы, позволяет реализовывать политику единства правоприменения. «Реализация судопроизводства исключительно в позитивистском, формализованно-юридическом плане не соответствовала бы основным целям и задачам справедливого, равного для всех правосудия. Уже поэтому обеспечение единообразия судебной практики отнюдь не исключает определенного уровня судебного активизма, основанного в том числе на прямом применении конституционно-правовых принципов, ценностей, заложенных в нормах естественного права. Все это и означает необходимость ориентироваться не на отраслевую, а на конституционную модель единообразия судебной практики, в основе которой – гарантирование верховенства права, равенства всех перед законом и судом»²⁹⁷.

Благодаря медиатизации сфера реализации принципа открытости правосудия экспансивно расширяется. Этот принцип необходим для восприятия обществом правосудия как доступного, для формирования информационной судебной политики, распространения верифицированной правовой информации. Он же выступает активным двигателем дальнейшей технологизации судопроизводства и создания цифрового статуса личности.

не убирается» (Кулагин А., Кондратьев П. Растет размер компенсации посетителям торговых центров за связанные с травмами физические страдания // СПС «Гарант».

²⁹⁶ Гаджиев Х.И. Судебные доктрины и эффективность правоприменения // Журнал российского права. – 2019. – № 6. – С. 25.

²⁹⁷ Бондарь Н.С. Единообразие судебной практики в современном правовом порядке: конституционно-правовые механизмы обеспечения // Российская юстиция. – 2022. – № 9. – С. 11–21.

Реализация этого процесса невозможна без обращения к конституционным основам, поскольку именно им суждено определять «социально оправданный коридор вторжения человека в искусственный мир новых технологий»²⁹⁸.

Медиатизация не может не сказаться на характере деятельности судебной системы, поскольку все функционирование последней построено в целом на получении информации, работе с ней как в техническом, так и в правовом смысле, на размещении в открытом доступе вынесенных судебных актов и тем самым формировании судебных доктрин, правовых смыслов, правовых моделей поведения и правового пространства всего общества. В процессе медиатизации судебной власти выявляется та функция судов, которая, возможно, станет играть одну из ключевых ролей в правовом обществе, – погружение человека в информационный поток, формирующий его правовое сознание и правовую культуру.

Принцип открытости судебного разбирательства является одним из основополагающих конституционно-правовых принципов судопроизводства.

На основании ст. 123 Конституции Российской Федерации «разбирательство дел во всех судах открытое», что получает раскрытие в положениях процессуального законодательства (ст. 10 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации²⁹⁹ (далее – ГПК РФ), ст. 11 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации³⁰⁰ и ст. 11 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации³⁰¹) и в постановлениях пленумов Верховного Суда Российской Федерации³⁰² и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации³⁰³.

Особую ценность принцип открытости получил в период действия социальных ограничений, вызванных пандемией. Пандемия коронавируса

---

²⁹⁸ Там же. – С. 28.

²⁹⁹ СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

³⁰⁰ СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

³⁰¹ СЗ РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.

³⁰² См.: Постановление № 35.

³⁰³ См.: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 8 октября 2012 г. № 61 «Об обеспечении гласности в арбитражном процессе» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 12.

вовлекла судебную систему в самый большой технологический проект из всех когда-либо ею осуществлявшихся, и сегодня можно признать: суды преодолели чрезвычайную для государственного аппарата ситуацию с физическим ограничением в реализуемой деятельности благодаря медиатизации.

Реализация принципа открытости судопроизводства в условиях чрезвычайных ситуаций, влекущих ограничение физического доступа к суду, привлекла внимание ученых и практиков, особенно в свете использования с этой целью медийных технологий. Д.А. Пашенцев отмечает: «Очевидно, что в условиях пандемии и связанных с ней ограничений неизбежны изменения в правовой сфере, связанные с принятием новых норм, с изменением правотворческой практики. Наблюдается смещение баланса в сторону мер чрезвычайного характера, которые преследуют конкретную цель – преодоление опасной ситуации и минимизацию ее негативных последствий. В силу этого возрастают императивные начала правового регулирования, диспозитивность отходит на второй план»³⁰⁴.

Принцип открытости относится к числу императивных принципов гражданского процесса. В соответствии с Постановлением № 35 под обеспечением открытости и гласности судопроизводства понимается доступ «граждан, организаций, общественных объединений, органов государственной власти, органов местного самоуправления, представителей редакций средств массовой информации (журналистов) к информации о деятельности судов», в том числе «судам следует создавать необходимые условия» для обеспечения открытости судопроизводства и реализации права на получение информации о деятельности судов. Абстрактность предложенных этим Постановлением формулировок позволила постепенно наполнять их конкретными моделями поведения представителей судебной власти и общества с учетом растущей медиатизации судебной власти. Однако помимо позитивного содержательного

---

³⁰⁴ Пашенцев Д.А. Особенности правового регулирования общественных отношений в условиях пандемии: теоретико-правовой аспект // Российская юстиция. – 2021. – № 10. – С. 2–5.

наполнения, практика показала и негативные варианты применения этого разъяснения.

Ограничение доступа к правосудию в условиях чрезвычайной ситуации с ограничением мобильности населения регламентировано постановлениями Президиума Верховного Суда Российской Федерации, Президиума Совета судей Российской Федерации от 18 марта 2020 г. № 808 и от 8 апреля 2020 г. № 821 «О приостановлении личного приема граждан в судах»³⁰⁵. В связи с предупреждением распространения новой коронавирусной инфекции с 19 марта по 11 мая 2020 г. было приостановлено отправлен правосудия, за исключением категории дел безотлагательного характера³⁰⁶. Этими актами был создан правовой прецедент ограничения доступа в суды лиц, не являющихся участниками судебных процессов. Доступ к правосудию, а также действие принципа открытости правосудия были ограничены, несмотря на имеющиеся возможности перевода судебного производства в онлайн-формат с учетом интересов общественности. Сегодня ссылка на доступ к судебному заседанию, проводимому в формате видеоконференц-связи, предоставляется только участникам процесса. Тем самым возникла парадоксальная ситуация, когда принцип открытости как социальной гласности оказывается формально скован при наличии внедренных медиатизированных технологий в судебной власти.

Медиатизация общества и публичных институтов, внедрение информационно-коммуникационных технологий, как и всякий процесс формирования новых условий деятельности в складывавшихся не одно десятилетие и даже столетие практиках, приводит к конфликтам с действующим нормативным полем. В том числе поэтому, например, принцип открытости, тесно сопряженный с вопросами доступа к информации, судебному процессу, по мнению многих ученых, оказался в уязвимом положении в части его практической реализации.

---

³⁰⁵ См.: СПС «КонсультантПлюс».

³⁰⁶ Дела об избрании, продлении, отмене или изменении меры пресечения, о защите интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным, в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни, и др., а также дела, рассматриваемые в порядке приказного, упрощенного производства.

Так, В.В. Ярков отмечал, что внедрение информационных технологий в процесс отправления правосудия не способствует сохранению и реализации принципа гласности судопроизводства, так как рассмотрение и разрешение споров онлайн существенно ограничивает возможность присутствия в судебном заседании других лиц, тем самым ограничивая действие принципа гласности³⁰⁷. Высказываются небезосновательные опасения и в том, что не у всех есть доступ к Интернету.

Доктринальность принципа открытости в условиях переноса его действия из реального в виртуальное пространство не должна претерпевать изменений в своих основных положениях, но требует доработки на уровне обеспечения возможности его соблюдения всеми участниками процесса, а также в целях сохранения социальной гласности и социального контроля над действиями судебной власти и формирования тем самым устойчивого открытого правового поля.

В то же время принцип открытости (публичности) судебного разбирательства необходимо реализовывать без ущерба для разумной защиты персональных данных лиц, участвующих в процессе. Деперсонализацию судебных актов следует рассматривать в рамках формирующегося процесса пропертизации персональных данных (т.е., повторим, регулирования их как особого вида собственности)³⁰⁸.

Как справедливо отмечает профессор В.В. Момотов, «сама по себе цифровизация, своего рода цифровизация в себе и для себя, – это ложная цель. Нужно четко определить, какие задачи судебной деятельности позволят решить цифровые технологии»³⁰⁹. Думается, к таким задачам относится развитие принципа открытости, а тем самым и доступности правосудия. При этом подразумеваем, что медиатизация рассматривает цифровизацию как часть эволюционного коммуникационного процесса.

---

³⁰⁷ Подробнее об этом см.: Ярков В.В. Принципы гражданского процессуального права в условиях дериутуализации и дематериализации правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – № 11. – С. 3–6.

³⁰⁸ См.: Карпов С.А. Пропертизация и информационное самоопределение как современные концепции защиты персональных данных // Российская юстиция. – 2022. – № 11. – С. 8–15.

³⁰⁹ Момотов В.В. Правосудие в цифровой век // Судья. – 2019. – № 2. – С. 5.

Однако анализ судебной практики позволяет найти и примеры отступления от этого основополагающего принципа судебной власти. Так, Верховный суд Удмуртской Республики высказал правовую позицию, согласно которой «в силу положений ч. 4 ст. 33 ГПК РФ процессуальное нарушение принципа гласности судопроизводства не является основанием для отмены решения суда первой инстанции в любом случае»³¹⁰.

Надо отметить, что законодательно возможность понимания и применения в позитивистском ключе принципа открытости породили изменения в ГПК РФ, в результате которых утратила силу ст. 387, определявшая в качестве основания для отмены или изменения судебных постановлений в кассационном порядке «существенные нарушения... норм процессуального права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов»³¹¹.

В юридической доктрине принцип открытости правосудия объединяют с принципом гласности в единый принцип транспарентности деятельности судов³¹², однако необходимо учитывать некоторые особенности каждого из них. Так, по мнению С.В. Потапенко, «гласность судебного разбирательства реализуется через возможность каждого заинтересованного лица (не являющегося участником процесса) присутствовать в качестве слушателя в том или ином судебном разбирательстве по конкретному делу, за исключением случаев, когда дело рассматривается в закрытом судебном заседании. Открытость судебного разбирательства (или публичность правосудия) реализуется из возможности освещения результатов и хода судебного разбирательства в медиaprостранстве»³¹³.

---

³¹⁰ Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Удмуртской Республики от 20 июня 2022 г. по делу № 33-2182/2022 // СПС «Гарант».

³¹¹ Утратила силу с 1 октября 2019 г. См.: Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2018. – № 49 (ч. I). – Ст. 7523.

³¹² См.: Правосудие в современном мире: монография / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. – М., 2012.

³¹³ Потапенко С.В. Открытость и гласность судопроизводства в свете концепции информационной политики судебной системы на 2020–2030 г. // Труды по интеллектуальной собственности. – 2020. – № 1–2. – С. 5–17.

С точки зрения медиатизированности процесса гласность и открытость являются синонимичными по сути и по реализации принципами – оба обеспечивают присутствие в зале судебного заседания лиц, не являющихся участниками процесса, с последующим (или одновременным с судебным процессом) предоставлением информации в публичное пространство.

Открытость судопроизводства, своевременное, квалифицированное, объективное информирование общества о деятельности судов общей юрисдикции способствуют повышению уровня правовой осведомленности общества о судоустройстве и судопроизводстве, являются гарантией справедливого судебного разбирательства, а также обеспечивают общественный контроль за функционированием судебной власти³¹⁴.

Стратегия, используемая с целью укрепления доверия к судебной власти, включает в себя основные компоненты – медийные средства и правовую культуру общества. Триада «судебная власть – медийность общества – правовая культура» тем самым находится в тесной взаимосвязи и взаимовлиянии.

Так, открытость выносимых решений и понятность мотивировочной части, аргументированность судебного акта важны для наблюдения за судебной властью со стороны общественности и создания той самой обратной связи, о которой говорил В.Д. Зорькин: «Отсутствие обратной связи судебной системы с обществом чревато ситуациями, когда человек оказывается один на один со всей мощью государственного карательного механизма без возможности задействовать какие-либо противовесы в целях защиты своих прав»³¹⁵.

Медиатизация принципа открытости по-новому выстраивает судебный баланс между приватностью и свободой слова. Судебная информация, включая массив данных, содержащихся в судебных актах, позволила под другим углом посмотреть на феномен социальной прозрачности и соотношение публичного и частного в жизни человека.

---

³¹⁴ См., например: Петухов Н.А., Бурдина Е.В. Судебная система современной России: анализ соблюдения стандартов международного права (независимость судей, гласность правосудия и прозрачность судебной деятельности // Российское правосудие. – 2017. – № 9 (137). – С. 34.

³¹⁵ Валерий Зорькин одобрил общественный контроль за резонансными делами // Коммерсантъ. – 2011. – 15 февраля.

Право на свободу слова постоянно развивается на границе между буквой закона, разъяснениями вышестоящих и практикой нижестоящих судов. И для подвижной области общественных интересов в медийном пространстве очень важны судебное правотворчество и аргументация судебных решений. Судебная доктрина, пребывая в сложном поиске баланса между правом на свободу слова и правом на приватность, защиту частной жизни, вырабатывает в итоге ценности, которые и будут считаться значимыми для конкретного общества. Стабильность судебной практики в применении выработанных судебной доктриной подходов создает модели правовой реализации, возможности диалога для граждан и юридических лиц в медийном пространстве.

Верховный Суд Российской Федерации многие годы ведет поиск справедливого алгоритма в рассмотрении подобного рода дел. И аргументация каждого принимаемого решения расширяет, уточняет или привносит новые акценты в саму доктрину судебного баланса приватности и свободы слова. Чрезвычайно важно разработать на доктринальном уровне подходы к рассмотрению дел, в которых сталкиваются конкурирующие интересы общества и частного лица в определении границ допустимого вмешательства в частную жизнь публичных лиц. При сопоставлении права на свободу выражения мнения и права на уважение частной жизни необходимо применять критерии, установленные в прецедентной практике.

Принцип открытости, действующий во всех видах судопроизводств, при его практическом применении в каждом конкретном случае преломляется через необходимость решения судом вопроса об открытости процесса для публичного интереса. Так, можно выделить следующие критерии, которыми надлежит руководствоваться при определении степени доступности рассматриваемой судом информации к размещению в медиапространстве:

- вклад в обсуждение общественно значимых вопросов;
- насколько известно соответствующее лицо;
- предшествующие действия соответствующего лица;
- содержание, форма и последствия публикации.

В.В. Лазарев отметил, что «внедрение цифровых технологий подразумевает преобладающее значение информации в общественных отношениях. Ценность информации растет в геометрической прогрессии, в связи с чем хозяйствующие субъекты изобретают все новые формы ее извлечения и обработки, а судебная практика является одним из инструментов выявления отклонения развития правоотношений»³¹⁶.

Судебные доктрины, особенно доктрина судебного баланса приватности и свободы слова, а также полноценная реализация принципа открытости в медийном обществе становятся условием, необходимым для формирования ценностей, социальных практик, согласования общественных интересов в свободе слова и частной жизни и для дальнейшего развития самих судебных доктрин, включающих в себя взаимодействие принципов свободы слова и справедливого судебного разбирательства.

Медиатизация судов, уплотнение информационного пространства вокруг них комментированием, обсуждением судебной практики с учетом расширенного действия принципа открытости будут способствовать росту правовой культуры общества, укреплению авторитета судебной власти и в отдаленной перспективе – изменению подходов к обращению в суд за разрешением споров в принципе.

2.3. Информационно-правовая политика судебной власти в контексте медиатизации общества

Механизм власти, особенно судебной, и права человека как институт сегодня переосмысляются и подвергаются значительным преобразованиям с учетом воздействия медиатизации. Философский концепт информационного общества и взаимодействующая с ним концепция коммуникативного права оказались тесно переплетены с вопросами государственного управления, используются в программах правительства по развитию общества и обладают инструментальной ценностью в интересующем нас в рамках настоящего исследования вопросе

---

³¹⁶ См.: Лазарев В.В. Защита данных: научно-практический комментарий к судебной практике. – М., 2020. – С. 15.

обеспечения политико-правовой целостности правосудия в процессе информационного взаимодействия государства и гражданского общества.

Информационная открытость институтов судебной власти, рассмотренная в предыдущем параграфе, делает возможным формирование стратегии информационной политики судебной власти с учетом ее медиатизации в целом. Еще раз обратимся к предложенному тезису о том, что в процессе медиатизации судебной власти в виде объединения или слияния основой судебной информационной политики является судебная информация, получаемая ее потребителями и адресатами из первоисточника в виде размещенного в открытом доступе текста судебного акта, аудио- или видеозаписи судебного процесса, трансляции судебного процесса, т.е. главного информационного продукта, значимого для потребителей именно своей непосредственностью, целостностью. Использование медиаинструментов позволяет судебной власти создавать непрерывный общедоступный новостной и событийный контент, а вместе с этим – формировать и распространять правовые идеологические установки, быть ключевой (если не превалирующей) частью правовой политики, оказывающей влияние на общество.

Информация перестает быть вспомогательным благом и становится самоценностью в идеологических, экономических, правозащитных аспектах, а также рассматривается как социальное благо в контексте прав человека. Как социальное благо информация предполагает развитие социального государства не в технологическом, а в первую очередь в его «человеческом» измерении в виде развития цифровых компетенций, обучающих социальных практик работы с информацией, равного доступа к разнообразным информационным сервисам. Идея общего блага как социального благополучия граждан, точнее ее воплощение, не является константой, раз и навсегда определенной и нормативно закреплённой, например, конституционным актом, и не может быть одномерной для всех членов социума. Она детерминирована социальной средой. «Такие качества социальной среды, как конформизм, солидарность общественных слоев, политическая толерантность, культура правового поведения, реализуются на фоне

исторически сформированных подходов и способов, форм организации государственной и правовой жизни»³¹⁷.

Судебная политика через медиатизацию, внедрение коммуникативных технологий оказывается вовлеченной в социально-властные процессы по созиданию социального блага. Судебная информация может рассматриваться как благо, которое, формируя правовую жизнь общества через аргументацию выносимых судебных актов, интерпретацию правовых норм, предлагая посредством судебской риторики выстраивать юридические дискурсы, диалоги с обществом, в итоге воздействует на развитие права в целом, а также на правосознание индивидов, правовую культуру общества в новых коммуникативных пространствах.

Такой подход к рассмотрению судебной информации и, соответственно, значению информационной политики предполагается в рамках теории конвергенции, или культуры конвергенции, авторство которой принадлежит культурологу Г. Дженкинсу. Культура конвергенции становится для него основой новых общественных отношений, которая, в свою очередь, базируется на идее партисипативности – вовлечения потребителей информации (контента) в ее создание. Для конвергентной культуры, порождаемой развивающимися технологиями, свойственны распределенное мышление, коллективный разум, трансмедийное обращение к источникам информации (постоянный и быстрый доступ к информации в любой точке мира). В этой культуре блоги и социальные сети считаются идеальной средой эгалитаризма и равноправия, что расширяет свободы слова и самовыражения и одновременно предоставляет публичной власти коммуникативную возможность реализовывать свою информационную, в том числе правовую, политику.

Здесь же отметим медиатерминизм взглядов М. Кастельса³¹⁸, полагающего, что на смену иерархическим системам, где управляемость поддерживалась на

---

³¹⁷ Рыбаков О.Ю. Философия благополучия современного социального государства // Философия права в условиях глобальных социальных трансформаций: сборник научных статей по итогам Всероссийского форума историков права (С.-Петербург, 10–11 июня 2022 г.) / под ред. Д.А. Пашенцева и А.А. Дорской. – М.; Саратов: Саратовский источник, 2022. – С. 59.

основе иерархии, приходит новый тип социальных отношений – сетевой. В сетевом обществе люди, институты и государства связаны между собой по способу управляемости и самоорганизации акторов в сетевых структурах, поскольку технологии коммуникации меняют фундаментальный способ социальной организации. Кастельс представляет концепт четырех форм власти: власть сетей, сетевая власть, внутрисетевая власть и сетеобразующая власть³¹⁹. Последняя представляет собой власть, управляющую крупными производителями медиаконтента через определение информационного нарратива и структурирование, объединение сетей в соответствии с интересами власти как актора коммуникативного поля.

Краткий обзор социально-философских парадигм информационного общества, представление о трансформации коммуникативной среды важны для понимания перспектив реализации судебной властью информационной политики в сетевом пространстве, в том числе в рамках коммуникативной рациональности.

О типах рациональности размышлял В.С. Степин, выделяя классические, неклассические и постнеклассические типы³²⁰. Последователи идеи Степина о критериях различия рациональности с позиций понимания типа системной организации осваиваемых объектов и характера их взаимодействия отмечали, что «в русле постклассической рациональности уже недостаточно осуществлять поиск факторов, способствующих повышению качества создаваемых нормативных установлений и эффективности правоприменения, важно найти компромисс между целями властно-организационного воздействия и целями субъектов, на которых это воздействие осуществляется с учетом различных существования социума, в том числе право-культурных и политико-правовых факторов»³²¹.

Судебная власть участвует во взаимном коммуникативном воздействии индивидов, общественных, государственных институтов. Информационная

---

³¹⁸ См.: Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура.

³¹⁹ См.: Кастельс М. Власть коммуникации. – М., 2016.

³²⁰ См.: Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения. – С. 250.

³²¹ Купцова О.Б. Ценность права в аспекте коммуникативной рациональности. – С. 100.

политика, осуществляемая судебной властью, является продолжением коммуникативной рациональности, к которой стремятся стороны в ходе судебного процесса, а равно в процессе реализации принципа публичности деятельности судебной власти и вынесения, исполнения законных решений. В случае эффективного коммуницирования повышается уровень признания правовых предписаний, судебных решений. Коммуникативный диалог акторов – судебной власти, общества, государственных институтов – развивается под воздействием транслируемых судебной властью идеологием, правовых позиций.

По мнению А.В. Полякова, коммуникация имеет свойство менять, адаптировать друг к другу сознание коммуникантов, что и является основой принятия правовых предписаний, исполнения судебных актов, признания легитимности права в целом³²². В статье «Нормативность правовой коммуникации», положения которой рамочно представляют коммуникативную теорию права, им высказана идея, с которой трудно не согласиться: «Коммуникацию необходимо рассматривать как первичный и основной факт социальной жизни, факт, заставляющий смотреть на человека через перспективу другого человека. Если это не так, то никакая коммуникативная теория права невозможна. Строго говоря, феноменологически можно выявить только коммуникацию, а право возможно только как эпифеномен коммуникации и только в ее границах и возможностях. Право "как оно есть" есть право как коммуникация»³²³.

Правовая культура власти предполагает постоянное поддержание, развитие коммуникации в виде диалога, дискурса, межсубъектного общения в общественной и интеллектуальной среде, что будет позволять власти реализовывать свои решения, находя у общества понимание и поддержку.

Для того чтобы формируемые публичной властью идеологемы работали на перспективу и охватывали наиболее широкие слои населения, для легитимности права (согласования интересов акторов коммуникации во избежание проблем при

---

³²² См.: Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание: избранные труды. – С. 9.

³²³ Поляков А.В. Нормативность правовой коммуникации. – С. 30.

реализации властных предписаний) необходима работа над информационной политикой, в первую очередь в области права.

В выступлении В.Д. Зорькина на Санкт-Петербургском юридическом форуме в мае 2023 г. прозвучали концептуальные для целей судебной информационной политики слова о том, что «в современном обществе (т.е. обществе модерна) возобладал собственно правовой, предложенный и принятый обществом, тип равенства – равенство всех перед законом и судом. В ядре общества модерна – почитание права. Превращение права в эффективную светскую религию. То есть своеобразный культ права и основанная на нем непрерывно социально подкрепляемая вера во всемогущество писаного закона и поддерживающих закон институтов. Вера в неподкупность судей, в способность правовой системы обеспечивать действительное равенство всех перед лицом закона»³²⁴. Право как основа общества, легитимность права, правосознательные личности, справедливость в праве для медиатизированного общества – эти категории означают развитие коммуникативного диалога посредством медийных технологий и выстраивание идеологического правового ландшафта с массовым вовлечением общества в правовые рамки коммуникаций механизма согласия. «Социально подкрепляемая вера» в закон и суд оказывается реализуема благодаря медиатизации судебной власти. Ведь «суд – зеркальное отражение общества, в котором он существует и развивается, и одновременно он призван оказывать существенное гармонизирующее, преобразовательное влияние на общественные отношения»³²⁵.

И если исходить из того, что судебная власть открывает канал для устойчивой (обратной) связи между публичной властью и гражданским обществом (коммуникативная рациональность), то эффективность правосудия уже нельзя представить без углубления в процесс медиатизации. При этом необходимо понимать, что внедрение в судебную деятельность медиативных

---

³²⁴ Зорькин В.Д. Путь права в России. Реформатор – элита – народ. URL:<http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=94>

³²⁵ Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Указ. соч. – С. 24.

технологий требует тщательного осмысления понятийного правового аппарата и уточнения содержания уже имеющихся правовых положений.

Говоря об эффективности судебной системы, как правило, выделяют пять ее элементов: 1) внешнюю организацию – судоустройство; 2) судебные процедуры – судопроизводство; 3) кадровое обеспечение; 4) судебное управление; 5) социальную эффективность суда в виде исполнимости решений³²⁶.

Вовлечение общества и властных структур в процессы медиатизации показало необходимость выделения шестого элемента – судебной информационной политики. И социальная эффективность судебной власти в информационном обществе приобретает новое мощное значение, поскольку встраивает через инструменты медиатизации правовую культуру и правовое сознание в социальное бытие.

Необходимость выстраивания медиаполитики судебной власти в целях повышения ее авторитета, формирования ее позитивного имиджа обусловлена еще одним немаловажным фактором – возможностью осуществления общественного контроля над деятельностью судов³²⁷. Уважение и доверие к суду являются прямым следствием эффективной реализации принципа открытости судопроизводства в медийном пространстве. Контроль общества за принимаемыми судебными актами является одной из форм правовой социализации граждан, а в процессе медиатизации эта форма взаимодействия с публичной властью оказывает двустороннее влияние. Судебная власть как наиболее близкое к обществу публичное властное начало с неизбежностью испытывает влияние общественного мнения. «Доверие к судебной системе и судам является результатом слаженного взаимодействия между судами и судьями, с одной стороны, и историческими, культурными и социальными особенностями общества – с другой»³²⁸. Такие особенности в полной мере

---

³²⁶ См.: Складенко М.В. Реальное исполнение судебных решений – базовый критерий эффективности правосудия // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 6. – С. 149.

³²⁷ См.: Опалева А.А., Мещеряков А.А. Доступность и эффективность правосудия как важное условие осуществления защиты прав и свобод человека в России // Образование. Наука. Научные кадры. – 2020. – № 4. – С. 149.

³²⁸ Момотов В.В. Уважение к суду как правовая категория: реальность и перспективы в России. – С. 9.

раскрываются при погружении контекста деятельности судебной власти в информационное пространство социума.

Современные медиа дают представителям судебной власти большой контроль за тем, как они могут донести информацию до своих получателей, и теперь правоприменителям важно не то, что (и каким образом) медиа могут быть полезны, а то, что они, правоприменители, способны сказать общественности посредством медиа. «Можно, конечно, давать себе волю и возмущаться тем, что пишут в социальных сетях, – а можно ими воспользоваться», – так сказал Г. Кортенс, председатель Верховного суда Нидерландов (2008–2014), размышляя о взаимоотношениях между судебной властью и обществом³²⁹. Общество всегда заинтересовано в получении информации о фактах и событиях, происходящих в законодательной и исполнительной ветвях власти. Но информация, которая исходит от третьей власти – судебной, всегда будет иметь преимущественное по объему и важности значение в новостных рейтингах в частности и медиaprостранстве в целом.

Для проводимого ежегодно Европейским Судом по правам человека семинара в 2021 г. была выбрана тема «Верховенство закона и справедливость в цифровую эпоху». Особое внимание на семинаре было уделено использованию социальных сетей судебной властью – от особенностей нахождения судей в медийном пространстве до поиска баланса в соблюдении конвенционных прав (в частности, ст. 8 и 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.³³⁰)), национальными властями и частными лицами³³¹. Европейский наднациональный суд обратился к теме влияния информационных технологий и медиа на судебную власть, выстроив в итоговом документе прошедшего семинара рамки того, что можно назвать европейской информационной политикой судебной власти.

В отечественной судебной системе шаги в направлении учета процесса медиатизации жизни социума были предприняты два десятка лет тому назад и

---

³²⁹ См.: Кортенс Г. Суды и верховенство права: взгляд из Нидерландов. – М., 2021. – С. 203.

³³⁰ СЗ РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

³³¹ См.: Judicial Seminar 2021. The Rule of Law and Justice in a digital age. URL: <https://www.echr.coe.int>

уточнены в результате наработанного опыта взаимодействия со СМИ и понимания роли медийного пространства в формировании правосознания граждан и возможности их правовой социализации.

Так, Совет судей Российской Федерации 5 декабря 2019 г. одобрил Концепцию информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы³³² (далее – Концепция-2019), дополняющую и развивающую положения Концепции, принятой в 2001 году³³³.

Принимая во внимание имеющийся доступ к информации о деятельности судебной системы через официальные интернет-сайты судов, интернет-порталы правовой информации, справочные информационные системы, печатные издания, информационные терминалы судов и СМИ, важной задачей судебной системы в Концепции-2019 названо увеличение количества информационных ресурсов судов (порталы, издания, мобильные приложения, социальные сети, информационно-образовательные проекты, видео) и освоение новых платформ взаимодействия с гражданами, преимущественно сетевых, что в условиях медиатизации выглядит особенно актуально.

Суды действуют в пока не освоенном медийном пространстве, ориентируясь на процесс возрастающей зависимости общества от СМИ и их логики. Для судебной власти зеркальным отражением результатов деятельности судов (вынесенных актов, сформированных правовых позиций) будет инкорпорирование этих результатов в медиалогику. Построение правовой реальности, изображаемой средствами массовой информации и осваиваемой индивидами, формирует индивидуальную, коллективную идентичность и в том числе влияет на коллективную память.

Представляется, что в Концепции-2019 сделана попытка учесть разные уровни восприятия судебной системы (как специализированным профессиональным правосознанием юристов, так и массовым обыденным сознанием, от которого также во многом зависит доверие общества к судам).

---

³³² СПС «Гарант».

³³³ См.: Постановление Совета судей Российской Федерации от 16 ноября 2001 г. № 60 «О Концепции информационной политики судебной системы» // Российская юстиция. – 2002. – № 4.

В этом же ключе можно рассматривать задачу популяризации знаний о судебной системе среди широкой общественности, которая должна служить улучшению имиджа суда.

Важным направлением в информационной политике судебной системы названо формирование информационно-образовательной среды судов, призванной повысить уровень знаний о правосудии в обществе, квалификацию и уровень подготовки судей и сотрудников аппарата судов к работе с информационными ресурсами. По сути, речь идет о создании площадки двусторонней коммуникации, препятствующей формированию в сознании общества однобокого имиджа судебной власти.

При разработке Концепции-2019 был принят во внимание максимум существующих на сегодняшний день технологических возможностей для создания единого информационного пространства, объединяющего суды всех уровней, органы судейского сообщества и системы Судебного департамента, включающего в том числе все базы и банки данных, потенциал облачных технологий работы с большими объемами информации. Все это призвано облегчить доступ к судебной информации участникам процесса, гражданам, организациям, общественным объединениям, органам государственной власти и местного самоуправления, представителям редакций средств массовой информации.

Особую значимость приобретает качество информации, от которой зависит мнение общества о судебной системе. Поэтому в Концепции-2019 обоснованно акцентирована необходимость разработки стандартов подачи материалов пресс-службами судов, стандартов контроля их работы, подробно сформулированы обязанности пресс-секретарей судов.

Подчеркнем, что в условиях медиатизации очень своевременно учтена необходимость выработки алгоритмов действий судебной системы по защите судей от тенденциозных публикаций, нацеленных на формирование негативного образа судьи и оказание давления на суд. Чрезвычайно остро стоит задача создания системы мер, позволяющих не допустить возможного манипулирования

общественным мнением в отношении судебной власти, умаления ее авторитета, необоснованной критики, подрывающей доверие общественности к органам правосудия. В связи с этим предложено проводить региональные мероприятия с участием СМИ (семинары, конкурсы и т.п.) для обсуждения актуальных вопросов правоприменения, а также нивелирования возможных конфликтных ситуаций. Обращено внимание на необходимость создания и информационного сопровождения гильдии судебных репортеров.

Предлагается также создание при советах судей субъектов Российской Федерации постоянно действующих комиссий по мониторингу открытости и доступности правосудия на территории субъектов. Весьма актуальной нужно признать задачу мониторинга региональных информационных ресурсов на предмет анализа динамики общественного мнения и оперативного реагирования на размещение не соответствующих действительности сведений.

Главной задачей в условиях медиатизации становится максимальное использование потенциала разных видов традиционных и прежде всего новых медиа для формирования в общественном сознании понимания значимости сильной и независимой судебной власти, важности проведения судебной реформы.

Массовое сознание признает высокую ценность права на судебную защиту, но при этом зачастую склонно к негативным оценкам судебной системы, в том числе под влиянием разного рода публикаций. В связи с этим представляется особенно важной задача максимально быстрого отслеживания медиаконтента и оперативного реагирования на появление негативной или недостоверной информации. Для построения эффективных коммуникаций между судами и обществом необходима обратная связь – знание и понимание отношения общества к ключевым проблемам деятельности суда, а также независимые оценки правореализационной деятельности.

Проводимая в нашей стране судебная реформа, призванная модернизировать правосудие, повысить его качество и эффективность, обеспечить высокий уровень правовой защищенности граждан и организаций, доверия гражданского общества

к суду, требует от судейского сообщества значительных усилий непосредственно при отправлении правосудия. В этих условиях большое значение имеет адекватное ресурсное обеспечение судебной системы, эффективное распределение функционала между органами судейского сообщества, судами и структурами Судебного департамента с учетом того, что пресс-службам предстоит работать на стыке гуманитарной и технологической парадигм.

Использование социальных сетей как наиболее распространенных в обществе источников информации определило выбор исполнительной властью новых форм распространения судебной информации.

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 сентября 2022 г. № 2523-р³³⁴ определило социальные сети – «ВКонтакте» и «Одноклассники» – в качестве информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, используемых государственными органами, в том числе судами, Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, включая управления Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в субъектах Российской Федерации. Данным распоряжением были введены в нормативное поле ранее созданные публичные страницы судов и судебных департаментов. И это вполне рациональный шаг в использовании медийного пространства для донесения важной для потребителей судебной информации, создания непротиворечивого, верифицированного информационного поля для наиболее широкого по охвату круга пользователей. Надо отметить, что издание распоряжения без одновременного введения в действие разъясняющих правовых актов по его применению со стороны судебных институтов говорит об определенной несогласованности действий двух ветвей власти – судебной и законодательной. Кроме того, судейское сообщество, будучи заинтересованным в определении форматов взаимодействия с обществом и предоставления информации в рамках Концепции-2019, само должно определять формат, формы и условия размещения информации.

---

³³⁴ СЗ РФ. – 2022. – № 37. – Ст. 6381.

Медиатизация судебной власти в форме объединения подразумевает работу над информационной стратегией репрезентации судебной власти в медиaprостранстве, что включает в себя решение вопросов юридической лексики и аргументации судебных актов.

Для успешного процесса медиатизации судебной власти важно обратить внимание на качество правовых актов судов, под которым можно понимать необходимость обосновывать свои решения четко выстроенными аргументами и обеспечивать выносимые судебные акты по резонансным делам медийным сопровождением в виде пресс-релизов, написанных простым и ясным языком. По мнению Н.С. Бондаря, «суды все в большей степени вовлекают в аргументацию по рассматриваемым делам, помимо собственно нормативного анализа, иные факторы и обстоятельства, характеризующие в широком смысле объективный социальный контекст и ценности разделяемые обществом»³³⁵.

Только мотивированное решение дает возможность осуществлять общественный контроль за отправлением правосудия.

Х.И. Гаджиев, размышляя о правовой аргументации судебных решений, полагает допустимым рассматривать право как социальное явление, находящееся под влиянием аргументации: «Играя ключевую роль в судебной практике, аргументация служит углубляющейся связи теории права и правоприменения на конкретной эмпирической основе»³³⁶.

Еще одна цель аргументированности решений заключается в том, чтобы продемонстрировать сторонам, что они были услышаны. Судебный орган обязан обосновать свои действия, указав мотивы своих решений. Более того, ориентация общества на изучение аргументированных правовых позиций, создаваемых судебными инстанциями, дает возможность корректировать социальный контекст жизни регионов страны.

Доктрина, обеспечивающая уважение к суду, сформирована, среди прочего, благодаря принципам свободы слова и защиты выражения мнения. Судебное

---

³³⁵ Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Указ. соч. – С. 37.

³³⁶ Гаджиев Х.И. Судебные доктрины и эффективность правоприменения // Журнал российского права. – 2019. – № 6. – С. 25.

разбирательство в целом способствует развитию права, в том числе закреплению и корректировке рамок свободы выражения мнения.

Авторитет правосудия предполагает, в частности, то, что суды являются и воспринимаются широкой общественностью в качестве надлежащего места для установления законных прав и обязанностей и разрешения правовых споров, а также то, что общественность в целом уважает суд и верит в способность судов выполнять эту функцию.

Было бы неплохо рассмотреть возможность сопровождения вынесенного судебного акта кратким изложением его сути самим судьей, что позволило бы распространять информацию со ссылкой на достоверный источник и сократило процесс верификации, а также способствовало бы предоставлению пользователям информации с наименьшим изменением ее сути, сократив количество толкований содержания судебного акта.

Открытость судебного процесса, обеспечиваемая возможностью его трансляции с последующим размещением в публичном доступе видеозаписи, помимо идеологического воздействия на правовые установки в обществе, дисциплинирующего эффекта на стороны процесса и суд в целях поддержания суда как правового сакрального символа и социального архетипа³³⁷ в условиях медиатизации социальной жизни, ставит новые вопросы о защите персональных данных и смысле их деперсонификации. Можно предположить, что следующим этапом развития информационной политики судебной власти, сегодня берущей за основу открытость процесса и публичность всех данных, за исключением предусмотренных законом при рассмотрении дела в закрытом судебном заседании, может стать отказ от обезличивания судебных актов, который: 1) выхолащивает смысловую нагрузку текста; 2) не дает развиваться научным, правовым, в том числе антропологическим, исследованиям судебной власти и общества; 3) мешает обществу понимать негативные последствия отсутствия коммуникативного диалога с поиском рационального консенсуса в конфликте, развивать критическую рефлексивность и, наконец; 4) не дает стимулов к

---

³³⁷ См.: Мальцев Г.В. Культурные традиции права. – М., 2013. – С. 243.

выстраиванию репутационных институтов – личных и коммерческих. Медиация как правовой институт досудебного разрешения споров также во многом зависит от информационной политики судебной власти в части сохранения режима деперсонализации судебных актов. Медиатизированный конструкт общества предполагает решение вопросов пропертизации персональных данных, которое будет влиять на информационную политику судов.

Судебная власть является одновременно медиасубъектом и медиаобъектом, и эта дихотомия обусловлена процессом медиатизации в информационном обществе, который необходимо учитывать при принятии любых правовых актов, регулирующих деятельность судов, судейского сообщества и социума в целом.

Технологический детерминизм порождает новые социальные и правовые практики использования технических устройств, однако за любыми технологиями стоит человек и человеческие конфликты. Исследование того, как социальные конфликты, виды психологических состояний, кризисы идентичности порождают новые социальные практики, а они, в свою очередь, способствуют появлению технологических практик и объектов, – междисциплинарная задача, решения которой будут важны для легитимности права и реализации судебной информационной политики в коммуникативном дискурсе.

ГЛАВА 3. НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ И НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИЕ НАЧАЛА В КОНТЕКСТЕ МЕДИАТИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

3.1. Аксиология судебской этики в условиях медиатизации общественных отношений

Современный социум характеризуется процессами социальной стратификации и институализации, усложняющимися по мере развития технической и медийной составляющей жизни.

Групповая принадлежность к производственным, экономическим, юридическим, врачебным, религиозным или научным цехам, получившая, помимо ритуального, в том числе визуально обозначенного, важное для социума значение хранителя традиций со своими представлениями о критериях профессионального и бытового поведения, появилась в позднее Средневековье и окончательно сформировалась к эпохе промышленной революции. Первые профессиональные объединения формировали этические представления, моральный, писанный или неписанный кодекс мировоззрения, культурного обоснования деятельности профессии среди социума в целом, но в первую очередь регламентировали принадлежность к определенной социальной страте, демонстрируя ее иным профессиональным общностям.

Трудовая деятельность включает в себя процесс непрерывного профессионального совершенствования, выполняется в основном в коллективе с учетом активного межличностного взаимодействия. По мере развития профессиональные общности собирают устоявшиеся этические воззрения и правила в кодексы, тем самым упрочивая культурное обоснование своего существования и обеспечивая поколенческую преемственность в этических установках. С точки зрения А.А. Гусейнова и Р.Г. Апресяна, «исторически наиболее существенными являются видоизменения морали, которые связаны с национально-культурной, социально-статусной, профессиональной принадлежностью людей»³³⁸.

---

³³⁸ Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. – М., 1998. – С. 393. Р.Г. Апресян признан иноагентом 9 декабря 2022 г.

Каждая социальная страта, каждый профессиональный круг, «хозяйственное мышление», или «этос», если оперировать понятием М. Вебера³³⁹, вырабатывает свою мораль и свои этические ориентиры. Определение, данное Вебером хозяйственному этосу, обращает на себя внимание в силу его векторности для дальнейшего исследования профессиональной морали. С точки зрения исследователя, этос рассматривается не только как ординарный свод житейского поведения, накопленный опыт рационального бытия, но и как «объективированная, воплощенная в укладе, строе жизни, мироощущении людей мораль в расширенном ее понимании»³⁴⁰.

Появление «легальной этики» как новой модели социального регулирования, в которой меняется соотношение права и морали (этики), тем самым «демонстрируя их взаимное вторжение в предмет друг друга», констатируется в исследованиях, посвященных изучению конфликта интересов³⁴¹. Складывающийся трансграничный режим регулирования балансирует на тонкой грани публичного и частного, поскольку, «возможно, мы имеем дело с особой формой расширения границ сферы правового регулирования, имитирующей экспансию этики в право, которая обеспечивает его вторжение в личную жизнь человека и социальные отношения, за пределами правового пространства»³⁴².

А.А. Соловьев особо подчеркивает значение этического начала для судейского корпуса, говоря о том, что «судейская этика (деонтология), под которой в самом общем виде понимается необходимость соблюдения определенных нравственных правил, несомненно, является важнейшим элементом особого статуса судьи»³⁴³.

Этическим нормам, составляющим основы профессиональной морали, «этоса» государство стремится придать силу правовых, инкорпорируя их в

---

³³⁹ Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – С. 56.

³⁴⁰ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этос среднего класса: нормативная модель и отечественные реалии. – Тюмень, 2000. – С. 36.

³⁴¹ Хабриева Т.Я., Капустин А.Я., Габов А.В., Черногор Н.Н. Конфликт интересов: природа, предупреждение, социальное регулирование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 3. – С. 11.

³⁴² Там же.

³⁴³ См.: Соловьев А.А. Кодекс поведения судей Соединенных Штатов Америки // Российская юстиция. – 2023. – № 4. – С. 69.

кодексы, соблюдение которых обеспечивается механизмом юридической ответственности в отраслевых законах. Так, «согласно пунктам 1–3 статьи 12.1 Закона о статусе судей за совершение дисциплинарного проступка, то есть за совершение виновного действия (за виновное бездействие) при исполнении служебных обязанностей либо во внеслужебное время, в результате которого были нарушены положения этого закона и (или) Кодекса судейской этики, что повлекло умаление авторитета судебной власти и причинение ущерба репутации судьи, в том числе вследствие грубого нарушения прав участников процесса, на судью, за исключением судьи Конституционного Суда Российской Федерации, может быть наложено дисциплинарное взыскание в виде замечания, предупреждения, понижения в квалификационном классе или досрочного прекращения полномочий судьи»³⁴⁴.

Медиатизация социального пространства и судебной власти заставила рассмотреть вопрос, относимый, казалось бы, к частной сфере жизни судьи – участие в соцсетях. Но постановлениями X Всероссийского съезда судей от 1 декабря 2022 г. № 1³⁴⁵ и № 4³⁴⁶ в ст. 14 Кодекса судейской этики была внесена новелла о том, что использование судьями информационно-коммуникационных технологий, включая социальные сети и иные способы телекоммуникации, должно подчиняться требованиям Кодекса. Это – пример того, что В.С. Степин характеризовал как кризис культуры техногенной цивилизации и размытие идей, поддерживающих правовую регуляцию, которая не получает необходимой идейной и общественной поддержки, что требует повышения роли внеправовых регуляторов и их взаимодействие с правом³⁴⁷. Медиатизация – глобальный процесс, характерный не только для России, – повлияла на правовое

---

³⁴⁴ Определение Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 16 февраля 2021 г. № АПЛ120-11Д // СПС «ГАРАНТ».

³⁴⁵ Постановление X Всероссийского съезда судей от 1 декабря 2022 г. № 1 «О развитии судебной системы Российской Федерации» // Судья. – 2023. – № 1.

³⁴⁶ Постановление X Всероссийского съезда судей от 1 декабря 2022 г. № 4 «О внесении изменений в Кодекс судейской этики» // Судья. – 2023. – № 1.

³⁴⁷ См.: Выступление академика В.С. Степина на пленарном заседании Всероссийской научной конференции с международным участием «Философия права: современные проблемы» (Институт государства и права РАН, 18–19 апреля 2018 г.).

регулирование участия в социальных сетях судей и тем самым проявление «легальной этики» в разных, в том числе зарубежных, правовых порядках³⁴⁸.

Интересным видится опыт магистратов Французской республики, говорящий о том, что «постоянное и быстрое развитие коммуникационных технологий предполагает, что магистраты, индивидуально и коллективно, постоянно пересматривают меры предосторожности, подразумеваемые такой должной осмотрительностью»³⁴⁹.

Отмечаемый тренд был учтен отечественным судебским сообществом при формировании повестки X Всероссийского съезда судей и, впоследствии, в плане работы профильной Комиссии по этике президиума Совета судей Российской Федерации, которой предстоит разработать этические стандарты поведения судей в социальных сетях.

Воплощенные в писаных источниках или поддерживаемые нарративом бытия нравственные ориентиры могут быть объединены в профессионально-нравственные кодексы, зафиксированные письменно в актах различного уровня нормативности или передаваемые устно. Эти кодексы и обеспечивают общественно значимую регуляцию поведенческого нарратива человека (или актора определенной профессиональной группы) в рамках его профессиональной деятельности.

В сообществах (и не только профессиональных) ценится координационное значение правил, их утилитаризм. Утилитаризм рекомендует следовать привычным моральным правилам, уважать давние обычаи, которые пресекают свойственные индивидам искушения считать свои частные случаи исключительными. Благодаря этому индивиды экономят время, умственную и

---

³⁴⁸ См.: Соловьёв А.А., Попов А.А. Зарубежный опыт правового регулирования поведения судей и профессиональных представителей участников судебного разбирательства в социальных сетях // Судья. – 2022. – № 10; Соловьёв А.А. Этические обязательства судей: европейский подход к регулированию // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 3. – С. 89–95; Его же. Сборник этических обязательств магистратов Французской Республики (часть 2) // Российская юстиция. – 2021. – № 12. – С. 50–57; Его же. Лондонская декларация по вопросам судебской этики как базовый акт в области деонтологии европейских судей // Вестник ФАС Московского округа. – 2013. – № 4. – С. 118–130.

³⁴⁹ См.: Соловьёв А.А., Попов А.А. Зарубежный опыт правового регулирования поведения судей и профессиональных представителей участников судебного разбирательства в социальных сетях // Судья. 2022. № 10.

эмоциональную энергию, которые потребовались бы для размышлений над каждым отдельным случаем.

В кодексах особо акцентируются те этические нормы, которые не являются обыденными для социума в массе и обусловлены непосредственно требованиями профессии. Так, этические требования, предъявляемые в отношении судейского корпуса, формируются с учетом, во-первых, мировоззренческих позиций, закладываемых в период профессионального обучения, а во-вторых, влияния медийного пространства, в котором публичное присутствие, поведение, высказывания представителей власти сопряжены с определенными разумными ограничениями, или самоограничениями, свобод для выполнения профессионального долга или миссии.

Специфика судебной деятельности и статуса судьи предполагает наличие у судьи не только высокого уровня профессионализма, но и особых морально-этических качеств, реализуемых в частной, т.е. относящейся к внеслужебным отношениям, жизни, причем эти ограничения судья налагает на себя добровольно при наделении его соответствующими полномочиями. Репутация судьи формируется не только на основе его профессиональной деятельности, но и из поведения во внеслужебной сфере³⁵⁰. Репутационные проступки становятся предметом рассмотрения судейского сообщества. Но при этом неисполнение этических норм, согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, само по себе не может быть причиной для наложения дисциплинарного взыскания, если только судьей не были совершены действия, несовместимые по своему характеру со статусом судьи с позиций его понимания в позитивистском (формально-правовом) и этическом наполнении содержания³⁵¹.

В условиях медиатизации социальное пространство позволяет отслеживать динамику образа власти и самой системы власти, и репутация как один из компонентов образа, имиджа важна, среди прочего, в рамках ее публичной

---

³⁵⁰ См.: Рудаков С.В. Доклад на ежегодном совещании судей судов общей юрисдикции, арбитражных и военных судов // Судья. – 2023. – № 4.

³⁵¹ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2008 г. № 3-П // СЗ РФ. – 2008. – № 10 (ч. II). – Ст. 976.

презентации, в том числе в социальных сетях. Для судебной власти большое значение имеет тот образ, который она формирует для внешнего наблюдателя, причем одновременно, как отмечалось выше, этот же образ воздействует на нее саму³⁵². Поведение всех судей – носителей судебной власти в совокупности дает представление о судебной репутации, о годности ее этической модели для принятия социумом судебной власти как власти надлежащей, способной демонстрировать приверженность принципам, на основании которых будут поддерживаться уважение и доверие к суду, на чем основана жизнеспособность института судебной власти в обществе³⁵³.

Репутация судебной власти в целом имеет значение для самооценки отдельного судьи, для уважения его со стороны других и в то же время выступает в качестве модели поведения для профессиональной среды в целом. В медиатизированном социуме, в котором смыслы и ценности формируются и передаются внутри медиaprостранства, судебная репутация будет влиять на общество наравне с принимаемыми судебными актами и, более того, в некоторых случаях сможет трансформировать мнение общества о той или иной судебной практике в целом или индивидуальном социально-значимом судебном акте.

Образ судебной власти, если понимать его как отражение коммуникативных процессов в их медиатизированном социально-политическом контексте, обладает самостоятельной ценностно-нормативной характеристикой. Действия судебной власти по формированию своего образа следует рассматривать в контексте постклассической теории права, предполагающей конструирование социальной реальности, правовой идентичности, и с учетом методологии социальных представлений. Для понимания механизма создания образа власти и влияния на него медиатизации эвристически ценной видится методология социальных представлений, разработанная школой С. Московичи и поддерживаемая

---

³⁵² См.: Поворова Е.А. Медийная политика и топос судебной власти в медийном пространстве. Российская юстиция. – 2022. – № 10. – С. 60–65.

³⁵³ См.: Garoupa N., Ginsburg T. Reputation, Information and the Organization of the Judiciary // Journal of Comparative Law. – 2009. – № 1. – P. 228–256.

отечественными учеными³⁵⁴. Социальное представление – это когнитивная схема, упорядочивающая образ мира, понятия, убеждения и объяснения, выступающие способом обретения и передачи знания, благодаря чему конструируется социальная реальность и смысл³⁵⁵. В случае с формированием социальных представлений судебной властью мы говорим о правовых смыслах, правовой форме восприятия реальности, создаваемых посредством реализации судебной информационной политики, презентации судейского сообщества в публичном пространстве, действий судей и их публичной (правовой и этической) оценки самим судейским сообществом и внешними наблюдателями из социума в целом.

Ряд исследований, проведенных с применением междисциплинарной методологии, посвящены вопросу о том, что является содержанием образа судебной власти как ценности правовой культуры, опирающейся на этические, правовые регулятивы в правовом и социальном пространстве³⁵⁶ и в значительной степени отражающей уровень уважения к суду в медийном дискурсе, а также одновременно влияющей на утверждение и развитие этого института, что будет рассмотрено в следующем параграфе настоящего исследования.

Индивидуальная репутация судьи предоставляет информацию об индивидуальной работе, тогда как коллективная репутация предоставляет информацию о качестве функционирования судебной системы в целом. Но целое складывается из частей, поэтому и мнение о коллективной судебной репутации выносится на основе того, как высвечиваются в медиатизированном пространстве индивидуальная репутация и оценка ее судейским сообществом.

Так, по одному из дисциплинарных дел было установлено, что в ходе длительного рассмотрения уголовного дела в отношении большого количества

---

³⁵⁴ Честнов И.Л. Социальное конструирование правовой идентичности в условиях глобализации // Вестник РГГУ. Серия: Юридические науки. – 2010. – № 14/10. – С. 15–20.

³⁵⁵ См.: Moscovici S., Farr Robert M. Social representations. – Cambridge, 1984. – P. 345; Азнагулова Г.М. Техногенные процессы и тенденции трансформации государственно-правовой идентичности личности // Журнал российского права. – 2022. – № 3. – С. 25.

³⁵⁶ См.: Романова И.Е. Имидж судебной власти как ценность демократической культуры: дис. ... канд. филос. наук. – Тюмень. 2006; Серый В.В. Имидж судебной власти в России как отражение социально-политических процессов: дис. ... канд. полит. наук. – М., 2011; Шурьгина Е.Г. Изменение социокультурного статуса института суда в современном российском обществе: коммуникативные компоненты легитимации: дис. ... канд. социол. наук. – Ростов-на-Дону, 2009.

лиц с ведома судьи и при его участии в мессенджере «Телеграм» был образован чат с участниками процесса, переписка в котором вышла за пределы служебного общения по делу. По данным квалификационной коллегии судей Воронежской области, установлено участие судьи Н.В. Ильченко в переписке, часть которой составляли поздравления с праздниками, согласование позиции стороны защиты с судом относительно ее действий, а также иные сообщения, свидетельствующие о симпатии, почтительно-уважительном отношении со стороны суда к представителям стороны защиты и, напротив, о скептическом и саркастическом отношении к предстоящему судебному процессу в суде апелляционной инстанции и его результатам; пожелания стороне защиты благоприятного для них исхода судебного разбирательства и призывы к дальнейшей борьбе. Решение квалификационной коллегии о досрочном прекращении полномочий судьи было обжаловано в Верховный Суд Российской Федерации, оставлено без изменения³⁵⁷.

Видеоконтент в медийном пространстве, видеосимволы и образы играют значительную роль в формировании репутации. Этические ограничения относительно самовыражения и презентации себя в общественном пространстве при весьма гибкой и условной границе частного и публичного обладают особой важностью для судейского корпуса. В этом свете наиболее иллюстрирующим необходимость рефлексии о способах распространения информации и ее возможной доступности неограниченному кругу лиц является дело судьи Е.А. Переверзевой. В Сети помимо воли судьи было распространено видео, на котором Е.А. Переверзева, находясь днем на фоне природы, произносит тост от первого лица, употребляя вульгарные и нецензурные выражения, параллельно сопровождая их неприличными жестами. Содержание этой записи послужило поводом для обращения в органы судейского сообщества на предмет оценки его этической составляющей, и квалификационная коллегия судей Краснодарского края приняла решение о досрочном прекращении полномочий судьи. Дисциплинарная коллегия Верховного Суда Российской Федерации оснований

---

³⁵⁷ См.: Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 2023 г. № ДК22-120 // СПС «Гарант».

для отмены данного решения не нашла³⁵⁸. Это дело стало для судейского сообщества показательным, продемонстрировав, что нравственные и этические ограничения должны постоянно присутствовать в жизни судьи и быть не наносными, и в очередной раз подчеркнув особенность медиатизированного общества в части распоряжения информационными ресурсами и условности границ частного и публичного.

Рассмотрим еще один пример. Достоянием общественности стало поведение председателя суда на свадебном торжестве, которое, казалось бы, следует расценивать как частную территорию. Но медиатизированное социальное пространство оказывается намного шире складывавшихся годами, если не веками, представлений о границах допустимого в информационной открытости и, соответственно, вовлеченности в общественное обсуждение. Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации (далее – ВККС РФ) указала в своем решении, что поведение судьи на свадебном торжестве, когда он объявил песню «Кайфуем» гимном суда, получило негативную оценку общественности, о чем поступали неоднократные жалобы граждан. И хотя проводившая проверку Комиссия Совета судей Российской Федерации по этике не увидела в этой ситуации дисциплинарного проступка, на заседании ВККС РФ кандидатура судьи не была поддержана председателем Совета судей³⁵⁹.

Думается, что сложность принятия и соблюдения самоограничений, требуемых профессией, может быть вызвана недостаточностью самоанализа, рефлексии и встроенности этических императивов в личностную структуру. Гёте писал, что ограничение человеческой жизни рамками профессии означает отказ от фаустовской многосторонности. Для Гёте осознание этого факта было связано с отречением и прощанием с эпохой гармоничного и прекрасного человека, «с эпохой, построение которой для нашей культуры столь же невозможно, как для древности невозможен был возврат к эпохе расцвета афинской демократии»³⁶⁰.

---

³⁵⁸ Решение Дисциплинарной комиссии Верховного Суда Российской Федерации от 28 июля 2020 г. по делу № ДК20-39 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁵⁹ Решение ВККС РФ от 22 ноября 2016 г. URL: <http://vkks.ru/publication/41001/>

³⁶⁰ Вебер М. Избранные произведения. – С. 209.

Аскетизм и самоограничение, перемещаясь из религиозной плоскости, монашеской кельи в профессиональную жизнь и постепенно приобретая приоритет над мирской нравственностью, начинали играть определенную роль в формировании современного экономического и в целом публичного устройства общества.

О духе умеренности как основном духе Конституции и правовых законов писал В.Д. Зорькин; он же говорил, что любое право требует умеренности. Логично предположить, что служители права, правовых конституционных законов в полной мере обладают этим качеством. «Судья блюдет меру. Он призван к этому. В этом его долг. В этом дух, а не буква профессии»³⁶¹, – в этих словах, которые могут служить квинтэссенцией этики самоограничения, просматриваются идеи Б.Н. Чичерина³⁶², чье творчество было предметом глубокого изучения В.Д. Зорькина. Соответствующая статья Чичерина была написана в полемическом, нарочито «западническом» стиле, начинаясь почти риторическим замечанием: «Отличительное свойство русского ума состоит в отсутствии понятия о границах». Затем философ, излагая свои размышления (теми же приемами, кстати, пользуется и исследователь его творчества В.Д. Зорькин), показывает важность взаимного воздержания и взаимного уважения. Особое внимание Чичерин уделяет саморефлексии и кругу чтения: «...если мы не выучимся читать и понимать то, что читаем, если всякое понятие будет расплываться у нас в уме, если мы не сумеем давать ему определенные очертания и ставить его на принадлежащее ему место в ряду других, если мы не убедимся, наконец, в том, что общественная жизнь слагается не из одного куска, а из разнообразных стихий, из которых каждая должна иметь свое место и значение в целом, то не выбиться нам на разумный путь. Чувство меры и границ – вот что потребно просвещенному обществу». Представляется, что эти мысли российских правоведов получат дальнейшее развитие в рамках изучения аскетизма судейской

³⁶¹ Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен: монография. – С. 336.

³⁶² Чичерин Б.Н. Мера и границы: сборник статей / предисл. В.В. Момотова; подгот. текста, вступ. статья и предисл. к статьям С.Л. Чижкова. – М., 2023.

этики как весьма умеренного консюмеризма, воспитываемого чувством меры, упрочения внутренней свободы, саморефлексии.

В продолжение темы меры и соразмерности в этическом поведенческом аспекте деятельности судьи необходимо затронуть еще один вопрос, связанный с судьейским самоограничением, – социальную изоляцию судьи, которая косвенным образом связана с имиджевой самопрезентацией судьи в медиатизированном пространстве. Обширные социологические исследования, посвященные профессиональной социализации судейского корпуса, нормативным и ценностным установкам судей и последствиям минимизации контактов с внешним миром, по нашим данным, проводились в отечественной системе не так часто. Так, исследование этических, нормативно-ценностных установок было осуществлено в рамках работы «Российские судьи как профессиональная группа» в 2012 г.³⁶³ Примечательно то, как в условиях высокой нагрузки у опрошенных судей выстраивается иерархия таких ценностей, как семья, работа, друзья, досуг, религия и политика: для среднего судьи намного более значимой, чем для среднего россиянина, оказывается работа (72,2% выбравших вариант «очень важно» среди судей и 48,7% среди всех россиян)³⁶⁴. Такой выбор очевиден в силу объективно сложившихся условий работы. И он же в значительной степени влияет на ценностную шкалу по сравнению с таким же образованным классом людей, для которых работа является хоть и важной частью жизни, но не настолько важной, как для судей. «Образованные люди не только больше, чем средний россиянин, уделяют внимания работе. Они еще и гораздо больше интересуются другими сферами жизни. Они уделяют куда больше внимания политике. Большую, чем для среднего россиянина, роль в их жизни играют друзья, для них более важно свободное время. А для судей, напомним, все три эти ценности даже менее важны, чем для среднего россиянина. "Очень важны" друзья для 38,7% россиян с высшим образованием и 8,2% судей. Свободное время "очень

---

³⁶³ Волков В.В., Дмитриева А.В., Титаев К.Д., Поздняков М.Л. Российские судьи как профессиональная группа: социологическое исследование / под ред. В. Волкова. – СПб., 2012.

³⁶⁴ Бочаров Т., Волков В., Дмитриева А. и др. Диагностика работы судебной системы в сфере уголовного судопроизводства и предложения по ее реформированию. Часть I. – СПб., 2016. С. 67.

важно" для 31,2% опрошенных, закончивших вуз, и для 14,1% судей. Политику как важную или очень важную сферу жизни выбрали 40,8% образованных жителей страны и лишь 22,2% судей. Такие разрывы – более 15% – в социологических исследованиях говорят, как правило, о разительном несходстве групп»³⁶⁵. Заметим – групп, идентичных по основному признаку (наличие высшего образования), что в итоге приводит к сходству судей с классом среднего россиянина, обладающего меньшими социальными возможностями, которые дают образование и вместе с ним уровень социального обеспечения.

Значимость судейского социального лифта, маркируемого в медиатизированном пространстве как особая каста, не подтверждается соответствующим активным социальным, интеллектуальным поведением в отсутствие широкого круга социальных связей и интересов, обусловленных не только бытовым устройством себя и ближнего круга. Авторы исследования на основании статистических данных делают вывод о том, что «перегрузка, административная иерархия, регламентация и внешний контроль деятельности делает жизненные ценности судьи (во всем, что не касается работы) куда более похожими на ценности человека без высшего образования, чем на ценности высококвалифицированного профессионала, коим судья на самом деле является»³⁶⁶. Социальная изоляция судейского корпуса в итоге ведет и к трудности воспроизводства этического поведения в соответствии с абстрактными представлениями Кодекса судейской этики. Что, в свою очередь, приводит к желанию более детально урегулировать поведенческие особенности, привычки не только в реальной жизни, но и в социальных сетях³⁶⁷.

М. Хук в исследовании, посвященном коммуникативному праву, отмечал: «Не все типы человеческого поведения и взаимодействия могут быть регламентированы правом: дружба, любовь, этикет, вежливость и т.п. могут

---

³⁶⁵ Там же.

³⁶⁶ Там же.

³⁶⁷ Так, на пленарном заседании Совета судей Российской Федерации, состоявшемся 24 мая 2022 г., председатель Совета В.В. Момотов поручил Комиссии по этике подготовить объективно необходимые дополнения Кодекса судейской этики нормами, относящимися к поведению судей в глобальной сети Интернет, см.: Золотарева Е.А. Российский Кодекс судейской этики: этапы развития // Судья. – 2022. – № 10. – С. 15–21.

случайно иметь привязки к юридическим правилам, но как таковые они не регламентируются этими правилами»³⁶⁸. Ни этические нормы, ни их внешнее проявление не зависят от формы – реальной или виртуальной. Что, по сути, признают и авторы, рассматривающие это направление судейской работы: «Наличие соответствующих правил поведения в Кодексе судейской этики либо более детальном Руководстве по использованию судьями социальных сетей само по себе не решает новых вызовов, которые ставит перед нами медиатизация общественной жизни»³⁶⁹. В медиатизированном обществе не меняются человеческие этические и профессиональные начала – скорее, стоит говорить о смене символического ряда судебной власти, что является темой отдельного исследования.

Отметим также, что судебная этика в медиатизированном обществе может и должна выступать фактором, воздействующим на развитие гражданского общества, демонстрирующим возможности сдержанного, а иногда и аскетичного образа жизни в сочетании с достоинством и внутренней свободой, которая (свобода), по мнению Б.Н. Чичерина, есть способность человека изъять себя из цепочки причинно-следственных связей внешнего мира и определиться по собственным основаниям, т.е. самоопределиться³⁷⁰.

Надо отметить, что предложенные Чичериным трактовки достоинства личности находят свое теоретико-правовое подтверждение и продолжение в коммуникативной теории права, в идее диалогической коммуникации. Для исследования этической составляющей в деятельности судьи и судебной власти в целом эта интеллектуальная перекличка с уже ставшей классической философией права видится перспективной и, как предполагает постклассическая наука, нуждается в междисциплинарном подходе изучения³⁷¹. Философ пишет, что без взаимного признания личностей нельзя говорить о постоянстве отношений. Взаимное общение, диалог дают возможность полноценного развития

³⁶⁸ Хук М. Указ. соч. – С. 79.

³⁶⁹ Там же.

³⁷⁰ Чичерин Б.Н. Философия права. – С. 144.

³⁷¹ См., напр.: Поляков А.В. Принцип взаимного признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву// Труды Института государства и права РАН. – 2021. – Т. 16. – № 6. – С. 72.

«человеческого естества. На экзистенциальном уровне этот вывод подразумевает равенство в свободе, необходимое для построения коммуникации и развития права в целом. <...> Человек по природе своей есть существо сверхчувственное, или метафизическое, и как таковое имеет цену само по себе и не должно быть обращено в простое орудие. Именно это сознание служит движущей причиной всего развития человеческих обществ. Из него рождается идея права»³⁷². Утверждение самоценности человеческой личности перекликается с идеей концептуального наполнения конституционного мировоззрения и детерминирует этические направления в развитии судебной власти и ее взаимоотношения с обществом с акцентом на диалоговый характер взаимодействия.

На базе этических мировоззренческих норм, включающих этику ограничения, у судей формируются основы профессиональной культуры, а она, в свою очередь, становится базой для формирования профессиональной этики. Движение от общих представлений об этической составляющей профессии судьи к непосредственному обретению воззрений, идентифицирующих принадлежность к профессиональной общности, постоянно, поскольку каждодневное принятие решений личностью, находящейся в публичном пространстве медиатизированного общества, предполагает постоянное возникновение и наличие разнообразных обстоятельств для проявления этической солидарности с профессией.

Статусу судьи, вмещающему в себя не только позитивистские требования закона, но и нравственно-этические начала, посвящены некоторые правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, например о том, что «специфика судебной деятельности и статус судьи требуют от представителей судейского корпуса высокого уровня профессионализма и морально-этических качеств»³⁷³. О наполнении этических норм и мировоззрения всего российского сообщества, а особенно юристов и в первую очередь судей, конституционно-

---

³⁷² Чичерин Б.Н. Философия права. С. 47.

³⁷³ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2011 г. № 19-П // СЗ РФ. – 2011. – № 31. – Ст. 4809; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2006 г. № 310-О // СПС «Гарант».

правовой идеологией, принятии ими «человекоцентричного правопонимания, положенного в основу российской Конституции»³⁷⁴ говорил и В.Д. Зорькин. В его трактовке конституционное мировоззрение, будучи ориентированным на социальное согласие, будет «составлять важный компонент идеологии», объединяющий общество. Судьи же, как носители этических установок, будут наглядно, практически демонстрировать обществу действие конституционных взглядов не только в решениях, но и в поведенческом нарративе – профессиональном или бытовом.

Об обладании конституционным мировоззрением как основе не только этической составляющей профессии, но и профессиональной деятельности писал Н.С. Бондарь: «Судебная власть, безусловно, является существенным генератором конституционно-правовой идеологии и культуры, индивидуального, общественного, профессионального конституционного мировоззрения»³⁷⁵, что презюмирует наличие носителей таких качеств в самой судебной власти.

Сегодня конституционное мировоззрение – относительно самостоятельная категория в системе российского конституционализма. И теоретическое развитие этой категории с одновременным ее практическим освоением особенно важно и ценно для судебского корпуса. О нравственно-этическом, а не только публично-правовом содержании конституционного мировоззрения говорит Н.С. Бондарь, полагая, что его обоснование невозможно без учета отечественных «национально-культурных представлений о власти, собственности, труде, свободе и ответственности»³⁷⁶. Такой взгляд на содержание конституционного мировоззрения предполагает сочетание позитивистских и естественно-правовых начал в оценке нормативно-правовой действительности. Философское объединение двух типов правопонимания – позитивизма и естественного права – может выстроить и выстраивает необходимый фундамент для формирования мировоззрения как индивидуально-личностного, так и для коллективного

---

³⁷⁴ Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен: монография. – С. 55.

³⁷⁵ Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Указ. соч. – С. 69.

³⁷⁶ Бондарь Н.С. Аксиология конституционного мировоззрения. Часть I. Конституционное мировоззрение в ценностном измерении обновленной Конституции России // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 12. – С. 6.

сознания. Что, в свою очередь, не может не отразиться на правоприменительной практике, а также на властном уровне принятия всеобъемлющих решений. Констатация этого факта позволяет говорить о важности конституционного мировоззрения, не ограничивая его только рамками судейского корпуса, пополнение которого идет из социума. «Именно человек создает правовую реальность, он же ее и воспроизводит своими действиями и ментальной (психической) активностью»³⁷⁷. В таком антропологическом измерении права и при таком человекоцентристском подходе к взаимодействию индивида с обществом и властью конституционное мировоззрение решающим образом влияет на правовое пространство, развитие права и, применительно нашей теме, – качественному наполнению судейского корпуса.

Формирование конституционных мировоззренческих ценностей – процесс, требующий времени, а также его подтверждения, востребованности, одобрения социальной практикой. В противном случае диссонанс декларируемого, ожидаемого от этических, интеллектуальных, поведенческих установок действующих судей (и судей в отставке) с реальной практикой правоприменения и самопрезентации судейского корпуса в обществе будет негативно отражаться в правовой реальности и одновременно отрицательно влиять на социум в целом.

Конституционное мировоззрение, как тонкая интеллектуальная надстройка, требует создания особой среды, в которой свобода, время и постоянная рефлексия в отношении действия конституционных ценностей (в личном и профессиональном бытии) в длительном последовательном процессе реализации дадут возможность этому мировоззрению наполнить нормы Кодекса судейской этики глубоким духом конституционного правопонимания.

Отметим также мнение Н.С. Бондаря о том, что в восприятии скрытых от внешнего взора сакральных характеристик духа Конституции отражается «вера (и

---

³⁷⁷ Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография. – С. 167.

основанная на ней доверие) как относительно самостоятельная философско-мировоззренческая система взглядов и оценок»³⁷⁸.

Еще раз подчеркнем, что в концепции конституционного правопонимания заложены конституционные ценности, кристаллизующиеся в постоянном поиске баланса «между властью и свободой, правами человека и безопасностью общества, и государства, демократией и централизмом и другими конституционными ценностями как нормативным наполнителем... конституционного про своей природе мировоззрения»³⁷⁹. Можно предположить, что нормы Кодекса судейской этики прирастают новыми положениями и толкованием имеющихся исключительно благодаря наличию и возможности реализации конституционного мировоззрения. И этот процесс постоянен.

Тем самым конституционное мировоззрение становится сложным по своему аксиологическому наполнению понятием, частью судейской этики, воспитывающей достоинство личности и охраняющей внутреннюю свободу.

С позиций В.С. Соловьева, утверждение достоинства личности, чувства уважения к праву и закону в модернизированном обществе могло бы быть перенесено на нравственность общественную³⁸⁰, но это дало бы трактовку нравственности личности, ее мировоззренческих установок всего лишь как субъективной проекции нравственности и идеологической общественной установки, что нивелировало бы внутреннюю свободу. Общество имеет свои цели и задачи, для реализации которых оно руководствуется также нравственным законом. При этом субъективная этика не может быть устранена и заменена этикой объективной. Субъективная этика каждого судьи основывается на внутренней свободе, поскольку «область чистой нравственности есть область личная, где верховное решение принадлежит не высшей власти, а внутренней свободе»³⁸¹. В этом случае внешние стандарты поведения судей соотносятся с

---

³⁷⁸ Бондарь Н.С. Конституция России в современную эпоху глобальных перемен: от политических иллюзий к юридическому реализму. – М., 2018. – С. 36.

³⁷⁹ Там же. – С. 7.

³⁸⁰ См.: Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия: сочинения: в 2 т. Т. 1. – М., 1990. – С. 47–548.

³⁸¹ Чичерин Б.Н. Мистицизм в науке. – М., 1880. – С. 62.

определяющими полномочия судьи ценностями, такими как человеческое достоинство, справедливость, свобода и истина.

В развитие взглядов Б.Н. Чичерина на нравственные основы человеческого бытия в преломлении этической составляющей статуса судьи Н.С. Бондарь предлагает рассматривать принципы независимости и беспристрастности как являющиеся «не только институциональными, но и этическими критериями справедливого правосудия»³⁸². При этом в оценке справедливости как масштаба поведения судьи, по мнению Н.С. Бондаря, заложены конституционные принципы равенства, соразмерности и соблюдения законности процедуры, дающие возможность его инстанционной проверки.

Рассматривается и этатистский подход публичного воздействия на судей с выводом этических норм из области «мягкого» права. Нивелирование их факультативно-субсидиарной позиции, по мнению некоторых авторов³⁸³, обладает потенциалом для перемещения этических форм воздействия в систему форм, методов, средств регулирования поведения судей, включая механизм ответственности. Подобные взгляды продолжают в определенном смысле диалог Б. Чичерина и В. Соловьева относительно того, будет ли при таком публичном воздействии нравственность личности расцениваться как субъективная проекция нравственности общественной.

Здесь будет уместным еще раз подчеркнуть, что внутренняя независимость судьи основана на свободе совести, понимаемой предельно широко, и, соответственно, на самоопределении – выражении отношения разума к самому себе. Внешняя излишняя регуляция правил поведения, тем более этических, усложнение и формализация правовых норм неизбежно ограничивают свободу, что в конечном итоге ведет к отчуждению от правовых институтов. Вхождение в судейский корпус предполагает соблюдение всех формальных установленных законом правил. Однако принятие статуса судьи вместе с соответствующими ему

---

³⁸² Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Указ. соч. – С. 127.

³⁸² Рудаков С.В. Указ. соч.

³⁸³ См.: Владыкина Т.А. Кодекс судейской этики: теоретико-правовой аспект // Российский судья. – 2010. – № 11. – С. 34–38.

этическими ограничениями не означает, что последние станут довлеющими нормативными оковами, – наоборот, они будут существовать в мировоззрении судьи изначально. Если рассуждать об этическом долге, то, говоря словами Д.С. Лихачева, «социальный долг человека – быть интеллигентным. Это долг и перед самим собой... Интеллигентность – это способность к пониманию, к восприятию, это терпимое отношение к миру и к людям. Интеллигентность надо в себе развивать, тренировать – тренировать душевные силы, как тренируют и физические силы»³⁸⁴. Этический кодекс судьи адресован не чиновникам, чей профессиональный и компетенционный круг не предусматривает обязательное внешнее и внутреннее состояние свободы – основы независимости в принятии правовых решений, но судьям, развивающим в себе качества, обозначенные Д.С. Лихачевым как обязательные с учетом выбранной профессии и человекоцентричного, конституционно ориентированного мышления.

Человекоцентричность лежит в основе конституционного мировоззрения. Личность судьи с необходимыми интеллектуально-нравственными установками формируется как свободная и способная к правовому творчеству. Ее (личность) характеризует восприятие государства как единого с обществом социокультурного феномена, чье предназначение состоит в обеспечении наилучших условий для реализации прав и свобод личности. И это понимание государства как «коммуникативного единства государственного аппарата и населения»³⁸⁵ в равной степени относится к аналогичному восприятию судебной власти как единой с обществом в свете коммуникативной целостности. В таком характерном аспекте для постклассической теории права, человекоразмерность дает возможность увидеть «существование человека-в-праве»³⁸⁶.

Подобный антропологический поворот в праве и взятие в качестве отправной точки человека не просто как субъекта права, но и как «коммуникативного

---

³⁸⁴ См.: Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном. – М., 2018. – С. 36–37.

³⁸⁵ См.: Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права: учебник. – СПб., 2005. – С. 214; подробнее о значении коммуникации как признака государства см.: Осветимская И.И. Коммуникация как конститутивный признак государства (в контексте глобализации) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2014. – № 6. – С. 118–127.

³⁸⁶ Павлов В.И. К вопросу об антропологическом типе правопонимания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2015. – № 4. – С. 81.

деятеля»³⁸⁷, «самоорганизующегося центра правовой активности»³⁸⁸ открывают потенциал для дальнейшего развития этических и коммуникативных начал в деятельности судьи и судебной власти как государственного института. Диалоговая форма отношений власти и общества подразумевает двусторонний концепт наполнения их этическим содержанием, когда со стороны судебной власти возможно постулирование ее этических долженствований в отношении общества в целом.

«Главная задача любого морального кодекса – не устанавливать или принудительно применять общественные правила, а внушать убеждения и установки и создавать предрасположения и склонности»³⁸⁹. Безусловно, общее соблюдение этических правил улучшает способности людей предсказывать и координировать действия друг друга. Создание кодексов этики, профессиональных этических кодексов решает глобальный вопрос, заключающийся в необходимости формировать духовную связь профессионалов с коллективом, способствовать проникновению положений профессиональной этики во все сферы рабочего и межличностного взаимодействия.

Судейский корпус характерен особым, только ему присущим этическим ландшафтом. Этот ландшафт создается под влиянием этики всего судебного сообщества при взаимодействии с индивидуальной этикой судей на базе корпоративной культуры. И если индивидуальная этика является собой синтез общих представлений о нравственном и профессионально-этических воззрениях судьи, то профессиональная этика представляет собой индивидуальную этику, преломленную сквозь призму корпоративной культуры, ее основных целей деятельности, ее общественной миссии. Таким образом, вся корпоративная этическая система основана на двух составляющих – этике профессии и корпоративной культуре. Об определенной «социальной психологии и культуре представителей судебного сообщества» говорят исследователи, рассуждающие о

---

³⁸⁷ Поляков А.В. Антрополого-коммуникативное обоснование прав человека // Коммуникативное правопонимание: Избранные труды. – СПб., 2014. – С. 46.

³⁸⁸ Там же. – С. 43.

³⁸⁹ Gray J. Mill on Liberty: A Defence. – London, 1983. – P. 31–32.

реализации задач по повышению качества правосудия³⁹⁰. Вполне возможно, что судейский корпус нуждается в программах обучающих этике, что поможет ему в развитии навыков корректного общения со сторонами судебного процесса, гражданами и средствами массовой информации.

Формирование этического ландшафта, судебной культуры будет одной из главных задач судейского сообщества в перспективах дальнейшего развития судебной власти.

Создание и поддержание в актуальном состоянии, соответствующем состоянию общества, этического кодекса выглядит сложным и довольно противоречивым процессом, в котором нельзя поставить точку, зафиксировав единожды установленные этические нормы и правила поведения раз и навсегда. Ценности моральные, равно как и ценности правовые, постоянно меняются, появляются иные этические установки, которые отражаются в корпоративной культуре и не могут не быть отражены в кодексе. Изменившиеся концепции корпоративной этики закрепляются в новой редакции кодекса. Но этический ландшафт профессионального сообщества определяется этическими портретами ее представителей. Поэтому для судебной власти так важна судебная культура, включающая в себя этические нормы, правовую идеологию, философские концепции развития права и правовой личности, общую культуру, психологию, социологию и антропологию человека и общества. Наличие объединяющих представителей судейского корпуса культурных кодов дает возможность развития этической составляющей профессии с учетом изменений социальных условий жизни.

Таким образом, переход к медиатизированному обществу ставит задачу не только поиска антропологических способов определения сущности и границ человеческого, но и осмысления этических норм в их возможной конфликтности с профессиональным и ординарным способами мыслить и жить: «В наше время информационных технологий судьям требуется соблюдать правила и

---

³⁹⁰ Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Указ. соч. – С. 99.

ограничения, установленные в связи с их особым статусом, в цифровом публичном пространстве»³⁹¹.

«Современный мир – грандиозный техноценоз, а последствия технического прогресса ввиду его универсальности, всеохватывающего порядка имеют значение, далеко выходящее за пределы сугубо технического ряда»³⁹².

Проблема соотношения техники и нравственности, обозначенная в начале 1990-х годов отечественными философами-этиками, в рамках стремительного перехода российского общества к статусу информационного привлекла внимание к этике как общественной науке – науке в прикладном (т.е. нацеленной на формирование этических корпоративных кодексов) и в широком (т.е. направленной на поиск объединяющих общество нравственных контуров) смысле.

Информационное общество требует гибкости мышления, эластичности, быстроты принятия решений. И одновременно оно требует ломать стереотипы восприятия и устойчивые, привычные понятийные модели. Появление новых технологий, как видится, должно оцениваться обществом, индивидами не только с экономической, но и с моральной точки зрения, проходить стадии нравственной апробации; мораль же, в свою очередь, должна высказать свое отношение к технологиям в аспекте их влияния на нравы и поведение. Внедрение видеоконференц-связи в судебный процесс во многом десакрализовало, сняло ритуальную часть ведения судебного процесса³⁹³. Поведение участников процесса, участвующих удаленно в судебном заседании, опрошчается, параллельно исчезает эффект взаимодействия индивида и власти с позиции соблюдения индивидом формальных элементов. Со стороны судебной власти участие в видеоконференц-связи не меняет внешнюю сторону поведения – например, вхождение в процесс в мантии, нахождение в зале судебного заседания с атрибутикой власти.

---

³⁹¹ Рудаков С.В. Указ. соч.

³⁹² Рубенис А.А. Указ. соч. – С. 39.

³⁹³ Чваненко Д. Встать! Суд идет (онлайн)! URL: https://zakon.ru/blog/2023/03/02/vstat_sud_idet_onlajn

Моральное осознание и принятие проходящих под воздействием технологий, информационной открытости изменений все больше отстает от самих изменений, и появляющийся зазор порождает этические вопросы соответствия поведения нравственным ориентирам, а последних – морали и совести. Публикации судьями в социальных сетях видеороликов, содержание которых снижало восприятие судьи в качестве рядового участника социума стали предметом обсуждения судейской общественности и органов судейского сообщества. Потребовалось (и было достаточно) несколько лет для того, чтобы выработать определенные поведенческие паттерны по размещению приватной информации на площадках, доступ к которым мог бы оказаться намного более широким, чем предполагалось изначально.

Безусловно, характер влияния новых технологий на жизнь и моральные последствия не поддается точному учету и контролю, тем более что технологии развиваются намного быстрее, чем человек адаптируется к предоставляемым им возможностям и одновременно к провоцируемым ими же издержкам.

Медиатизация общества, влияние медиа на восприятие информации и мира по способу внушения создают в «массовом»³⁹⁴ человеке унифицированные представления, трафаретные реакции и оценки. «Ведь никуда не уйти от того факта, что... средства массовой коммуникации и массовой информации способствуют стандартизации мышления, стандартизации культуры, стандартизации личности»³⁹⁵, – писал Ч. Айтматов в 1980-х годах. Сегодня, с одной стороны, замеченная писателем тенденция медиатизации общества стала данностью, а с другой стороны, стали возможными поиск и выбор информации для анализа, формирование поведенческих практик, а также принадлежность к тем профессиональным кругам, в которых этический ландшафт подразумевает постоянную работу над интеллектуальным содержанием личности и ее поведенческим внешним проявлением.

---

³⁹⁴ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М., 2002. – С. 52.

³⁹⁵ Айтматов Ч. Быть эхом мира // Вопросы литературы. – 1986. – № 3. – С. 11.

М. Вебер, говоря об эффекте технического прогресса, отмечал, что им формируется устройство общества, связанное «с техническими и экономическими предпосылками механического машинного производства, которое в наше время подвергает непреодолимому принуждению каждого отдельного человека, формируя его жизненный стиль, причем не только тех людей, которые непосредственно связаны с ним своей деятельностью, а вообще всех ввергнутых в этот механизм с момента рождения»³⁹⁶. Применительно к вопросу участия судей в социальных сетях еще раз отметим, что он поставлен поколением тех судей, в жизнь которых это новое жизненное пространство вошло в том возрасте, когда такое новшество не становится укорененной частью социального, личного, профессионального пространства. Наоборот, пришедшие в судейский корпус представители поколения, использующего соцсети как рядовой инструментальный повседневности, по всей вероятности, не увидят необходимости в самостоятельном регулировании участия в виртуальном пространстве в силу того, что не видят разницы между участием в жизни реальной и виртуальной. «Поступки, институты, правила, принципы, обычаи, идеалы, предрасположения и черты характера считаются хорошими или дурными в соответствии с тем, поддерживают ли они или ослабляют такое общество»³⁹⁷.

Этические установки общества подвижны, и граница между частным и публичным оказывается весьма гибкой и прозрачной, особенно в близости к возможностям, предоставляемым медиатизацией социума, которая порождает многие нравственные проблемы. Признавая неизбежность и всеохватность медиатизации, надо быть готовым и к негативным последствиям этого процесса. Исследователи деятельности судейского корпуса стали обращать внимание на этические ловушки для судей в социальных сетях³⁹⁸. Признавая, что изоляция судей от участия в глобальной информационной среде невозможна и не имеет смысла, авторы указывают на издержки включенности судей в публичное

---

³⁹⁶ Вебер М. Избранные произведения. – С. 206.

³⁹⁷ Игер Л. Этика как общественная наука. – М., 2019. – С. 290.

³⁹⁸ См.: Факеева Л.Е. К вопросу об участии судей в социальных сетях в рамках статуса судьи // НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право. – 2020. – Т. 45. – № 1. – С. 123.

пространство социальных сетей, конкретнее – на то, что таковая по степени вовлеченности и открытости эмоциональных оценок, содержательности общения, визуальной самопрезентации перевешивает вовлеченность и открытость в реальной жизни.

Прежде чем начать обсуждение возможности регламентации поведения судей в виртуальном пространстве, надо еще раз вернуться к исходному и неоспариваемому тезису о том, что общество находится под влиянием медиатехнологий, распространения информации и вовлеченности в социальное конструирование нарратива бытия из реального и виртуального. Социальная жизнь сегодня не конструируется в повседневных человеческих взаимодействиях, а производится посредством различных медиаплатформ. Эти платформы являются доступом к социальному миру; они же формируют границы между близким и далеким, актуальным и потенциальным, прошедшим и грядущим, и они же одновременно размывают эти границы, меняя прежнее зонирование социального мира. Позитивное право (а желание отдельно подробно регламентировать поведение в медиaprостранстве похоже на проявление неопозитивизма), как видится, не может кодифицировать и принудительно установить все желаемые поведенческие формы во всех вообразимых и невообразимых обстоятельствах, учитывая и то, что сами медиаплатформы постоянно совершенствуются, меняя социальное пространство с его возможностями и формами участия.

Логика этического кодекса требует гибкости в его применении и верности скорее его духу, нежели малейшим деталям. Это тот самый этический ландшафт с его абстрактными ценностями и культурным кодом, который формирует корпоративную общность. Общность этических, или нравственных, идеалов невозможна, как невозможно их общее навязывание посредством правовых инструментов. Каждый индивид подчиняется внутренней свободе, и нравственный закон обращается именно к лицу, к его внутренней свободе, к его совести, налагая свои требования на него, на конкретного индивида, а не на

бесплотный призрак общества как целого³⁹⁹. Внутренняя свобода судьи, укрепленная пониманием этических контуров профессии, подпитываемая и охраняемая судебской культурой, формирует обыденную и профессиональную поведенческую практику. Многие в поведении должны быть обусловлены неформальным воздействием моральных суждений и возможным влиянием на репутацию. Действие этического кодекса не предназначено для того, чтобы гарантировать в каждом отдельном случае этически привлекательный конкретный результат. При этом в отношении судьи, как и в отношении каждого индивида, действуют конституционные принципы охраны свобод личности. Сочетание сдержанности и осмотрительности в высказываниях, поведенческих проявлениях – иными словами, определенного аскетизма судей в социальном пространстве – с соблюдением конституционных ценностей прав и свобод личности со стороны государства и общества делают возможной реализацию этически обособленного образа жизни судьи.

Между этикой и остальными общественными науками существует двоякая связь. Этика, в частности, участвует в определении условий, необходимых для процветания и прогресса. Можно делать определенные выводы об успешности экономики, благосостоянии общества, судебной власти, руководствуясь этическими критериями.

Динамика развития или стагнации личности в современном социуме во многом определяется не столько экономическим укладом, сколько вовлеченностью в медийный социальный мир. Экономика, гражданское общество и медиатизированное пространство, в котором они функционируют наряду с реальным миром, являются институтами социализации личности и областью приложения труда.

Судебная власть как структура публичной власти и как общественное объединение судей вовлечена в медиапространство, которое дает новые возможности для реализации ее функций, но одновременно ставит вопросы не столько технологического, сколько этического порядка, которые могут быть

---

³⁹⁹ Чичерин Б.Н. Мистицизм в науке. – С. 62.

решены по мере постепенного накопления практики и осмысления новых форм бытия, социального нарратива, диктуемого медиатехнологиями.

При этом необходимо изучать взаимосвязь социальной изоляции судей как профессионального сообщества с восприятием и реализацией этических установок, воспроизводством этического нарратива в профессиональной жизни. Публичная самопрезентация судейского корпуса требует изучения репутационных составляющих – внутренней и внешней, их взаимовлиянии и связи с общей правовой культурой общества. «Мы не можем изъять судью из общества, освободив его от множества социальных уз, поместив его в вакуум», – отметил в своем выступлении на очередном заседании Совета судей Российской Федерации его председатель В.В. Момотов, однако «независимость судебной власти, конкретного судьи, включая руководителей судов всех уровней, основана, как мне представляется, не столько на многочисленных нормах закона, включая Кодекс судейской этики, сколько на внутренней общечеловеческой культуре личности, его совести, его личной ответственности и осознанном отношении к той высокой миссии в обществе, которую несет судья»⁴⁰⁰.

Представляется, что ценностные этические установки подлежат исследованию на основании данных социологических опросов судей с учетом гендерной, возрастной, образовательной характеристики респондентов и степени их социальной вовлеченности в общество, понимания уровня медиатизации общества, в социальном пространстве которого отсутствуют четкие границы между частным и публичным. Медиатизация общества и этические, в том числе этические профессиональные, нормы, если и не конфликтуют с устоявшимися представлениями о поведенческом нарративе, то показывают в целом не самую высокую культуру, в том числе правовую, носителей судебной власти, что подтверждается количеством и содержанием вынесенных решений ВККС РФ

---

⁴⁰⁰ Заключительное слово делегатам X Всероссийского съезда судей председателя Совета судей Российской Федерации Момотова Виктора Викторовича. URL: <http://www.ssrf.ru/news/lienta-novostiei/49007>

относительно действий, расцениваемых как нарушение Кодекса судейской этики⁴⁰¹.

При этом согласно маклюэновской теории «расширения» человека и общества как «деревни» вопрос восприятия социумом статуса судьи как лица, наделенного властью закона, проводящего правовую политику и культуру, уже не относится исключительно к устоявшимся формам медиа, определяющим образный и поведенческий ряд. Судьи самостоятельно легитимируют судебную власть выносимыми решениями и собственным поведением в медиатизированном социуме, в «коммуникативных сферах», о которых Хук говорил как о сферах, в которых постоянно происходит легитимация права посредством коммуникации, вынесения обсуждения на различной формы и степени «публичные форумы», поскольку чем сильнее предмет обсуждения затрагивает сферы этики, тем более он интересен обществу и оцениваем им⁴⁰².

Судебная власть как структура публичной власти и как общественное объединение судей, повторим, вовлечена в медиaprостранство, которое открывает новые возможности для реализации ее функций, но одновременно ставит вопросы не столько технологического, сколько этического порядка, которые могут быть решены по мере постепенного накопления практики и осмысления новых форм бытия, социального нарратива, диктуемого медиатехнологиями.

При этом незыблемой основой для этических аспектов профессионального и личного самоутверждения для судьи будут его конституционное мировоззрение и мышление, тем более что судебная власть реализуется в пространстве, для которого характерна высокая подвижность в соотношении публичных и частных начал⁴⁰³. Судебная власть в своем содержательном и внешнем

---

⁴⁰¹ «Например, в период с 1 декабря 2022 г. по 1 мая 2023 г. в Дисциплинарную комиссию Совета судей Российской Федерации поступило 302 обращения, рассмотрено – 260. Рассмотренные по компетенции 158 обращений, или 60,77% от общего количества, содержат сведения о нарушении судьями Кодекса судейской этики» (Выступление председателя Совета судей Российской Федерации В.В. Момотова на пленарном заседании Совета судей Российской Федерации 23 мая 2023 года. URL: <http://www.ssrf.ru/news/lienta-novostiei/50973>)

⁴⁰² См.: Хук М. Указ. соч. – С. 237–239.

⁴⁰³ Бондарь Н.С. Информационно-правовое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации. – С. 29.

проявлениях зависит напрямую от деятельности судей, чей этический кодекс накладывается на их сущностные основы восприятия мира и себя в нем в виде конституционного мировоззрения.

3.2. Институт уважения к суду в условиях медиатизации судебной власти в информационном обществе

Социальный запрос на судебную власть, действующую на основе ценностей общественного договора между различными стратами, существовал всегда, пройдя в своем историческом развитии все этапы развития права, общественных союзов и государства, а также представлений о них. Если XIX век символически воспринимается как век верховенства законов и признания позитивизма в праве с ведущей ролью законодателя, XX в. характеризуется подчеркнуто значимой ролью исполнительной власти в (европоцентричной) концепции эффективных государств, то XXI в. с очевидностью приводит нас к приоритету судебной власти. Судебная власть в обществе постмодерна, в условиях медиатизации социальных и властных структур, воспринимается как гарант социальной, правовой и политической стабильности.

Пройдя многовековое развитие, судебная власть обрела ценностные (аксиологические) основы, топосы, такие как уважение, доверие к суду, авторитет судебной власти. По своему понятийному направлению они являются практически идентичными, но в рамках настоящего исследования в качестве основного в этой триаде будет рассмотрено именно уважение к суду. Эта ценность несет в себе конституционную составляющую, и в свете коммуникативного права наиболее воспринимается как характеристика деятельности и имиджевой составляющей судебной власти в медийном пространстве. Подобное сближение ценности уважения к судебной власти с конституционной ценностью (и, собственно, превращение ее в таковую) произошло в силу общего аксиологического подхода⁴⁰⁴ – беспристрастности защиты прав и свобод (что можно рассматривать и в ракурсе естественно-

---

⁴⁰⁴ См.: Лесив Б.В. Уважение к суду как конституционная ценность : компаративный обзор // Судья. – 2019. – № 4.

правовых ценностей), а также ответственности за неуважение к суду, признаваемой одной из гарантий независимости судебной власти наряду с несменяемостью судей. Кроме того, «в общем плане Конституция является для судьи нормативной основой для интерпретации заложенной в ней системы ценностей»⁴⁰⁵, поэтому «окружение» конституционным наполнением публично-правовой фигуры судьи в собственной деятельности и института судебной власти в целом дает возможность применения гибкого инструмента защиты в медиатизированном обществе. Реальное проявление со стороны общества уважения к суду, отношение к суду как к ценности и поддержание такого отношения внутри судейского сообщества становятся возможными благодаря медиатизации, охватывающей принцип открытости правосудия и соблюдение этических норм, легитимизирующих судебную власть в социуме и для иных ветвей власти.

Безусловно, отечественный институт уважения к суду относительно молод. Свои нынешние более или менее четкие контуры он во многом обрел благодаря обращению внимания Совета судей Российской Федерации к теме информационной политики и вопросам формирования позитивного образа судебной власти⁴⁰⁶. Введение в медийный оборот понятия «скандализация правосудия» произошло одновременно с обсуждением темы уважения к суду судейским сообществом на медиаплощадке Клуба имени Д.Н. Замятнина⁴⁰⁷. Судейское сообщество, отмечая «медиатизацию и виртуализацию коммуникационного пространства», вывело в приоритетные направления своей деятельности работу над реализацией требований Федерального закона от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»⁴⁰⁸, определившего в числе основных задач указанных органов утверждение авторитета судебной власти. По мнению исследователей топосов судебной власти (уважения к суду, авторитета судебной власти), «полнота и

---

⁴⁰⁵ Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен: монография. – С. 249.

⁴⁰⁶ См.: Момотов В.В. Уважение к суду как правовая категория: реальность и перспективы в России; Его же. Судейское сообщество и средства массовой информации // Судья. – 2019. – № 5. – С. 8–13.

⁴⁰⁷ Уважение к суду. URL: <https://www.zamyatnin.club/ru/zasedaniya/zasedanie-no4>

⁴⁰⁸ СЗ РФ. – 2002. – № 11. – Ст. 1022.

объективность освещения деятельности судебной системы в прессе, способствующие формированию ее положительного имиджа, требуют целенаправленного взаимодействия органов судейского сообщества со СМИ. В частности, органы судейского сообщества должны рассматривать мероприятия, проводимые в рамках взаимодействия со СМИ, в качестве одного из важнейших направлений своей работы»⁴⁰⁹.

Медиатизация судебной власти «концепты информационного общества должны использоваться в качестве основы для разработки стратегии преобразований судебной сферы и на ее базе – законодательства о судебной системе и судопроизводстве»⁴¹⁰, что также влечет укрепление ценностной характеристики уважения к суду. Приведенная цитата в большей степени иллюстрирует организационные методы регулирования цифрового судопроизводства, оформленные таким образом, чтобы в полной мере реализовать принцип доступности правосудия в процессуальном смысле и в информационных аспектах.

И здесь необходимо в очередной раз сделать отсылку на коммуникативное право, значение которого в условиях медиатизации общества все более возрастает. Если согласиться с тем, что важным аспектом современной научной мысли выступает признание существования уникальной и всеохватывающей картины мира, в которой все научные модели, представляющие определенные аспекты, или стороны, реальности, являются равноправными и дополняющими друг друга, то понимание права как коммуникативной системы будет наиболее соответствующим медиатизированному обществу. Автор отечественной теории коммуникативного права А.В. Поляков отмечает, что «коммуникацию необходимо рассматривать как первичный и основной факт социальной жизни, факт, заставляющий смотреть на человека через перспективу другого человека. Если это не так, то никакая коммуникативная теория права невозможна. Строго говоря, феноменологически можно выявить только коммуникацию, а право

---

⁴⁰⁹ Бурашникова Н.А. Взаимодействие со средствами массовой информации в условиях современного общества // Судья. – 2019. – № 5. – С. 22.

⁴¹⁰ Электронное правосудие: монография. – С. 16.

возможно только как эпифеномен коммуникации и только в ее границах и возможностях. Право "как оно есть" есть право как коммуникация»⁴¹¹.

Коммуникация исторически является основой медиатизации, о чем говорилось в первой главе настоящего исследования, и она же определяет легитимность права, правовых институтов. Легитимность инкорпорирует пласты социально-психологических представлений об истории, о бытующих в обществе традициях, о будущем⁴¹², что позволяет охарактеризовать нарратив уважения к суду в обществе как результат долгого опыта взаимодействия социума и судебной власти. Легитимность в целом рассматривается как общественное признание политических и правовых институтов. Применительно к такому топосу судебной власти, как «уважение к суду», легитимность проявляется в рациональном коммуникативном дискурсе, когда социально важным представляется наличие внешнего и безусловно признаваемого авторитета (суда), способного устранять или предотвращать противоречия или столкновения в разрешении конфликтных вопросов. И если право компенсирует неустойчивость социальной интеграции, то оно же позволяет на основе социальной интеграции сакрализировать суд, в котором соблюдается равный доступ к защите прав на основе выносимых справедливых решений при соблюдении верховенства права. Убежденность общества в легитимности судебной власти выражается в уважении к суду как к институту и судьям как к носителям власти. Ведь «значимы те, и только те нормы действия, с которыми в рациональном дискурсе могли бы согласиться все, на ком могли бы отразиться последствия принятия этих норм»⁴¹³. Когда топос «уважение к суду» выступает в медиатизированном формате, это подразумевает информационную, организационную открытость судебной власти при обеспечении справедливости и исполнимости выносимых решений с соблюдением принципа верховенства права и, в итоге, легитимацию судебной власти в обществе.

---

⁴¹¹ Поляков А.В.

⁴¹² См.: Шмитт К. Политическая теология. – М., 2000. – С. 45–47.

⁴¹³ Habermas J. Between Facts and Norms. – Cambridge, 1996. – P. 107.

Вполне вероятно, что следующий эволюционный этап развития легитимности судебной власти наступит в условиях, когда произойдет полноценная легитимация права, когда появится личная ответственность не только за выполнение правового предписания, но и за само его содержание – без давления авторитета суда, но в ответственной и деятельной коммуникации с ним. Легитимность судебной власти предшествует ее эффективности. В случае с реализацией института уважения к суду это утверждение не требует дополнительных доказательств в силу ранее предложенных аргументов и с позиций постклассической науки, в рамках которой будет развиваться философия права в обозримом будущем.

О философии судебной власти, наполняющей «духом права как нормой свободы, выраженной всеобщим принципом равенства всех перед законом и судом»⁴¹⁴ через смысловое и практическое наполнение топосов судебной власти, следует говорить в силу самого медиатерминистского развития общества, где слово и «цифра» переплетаются внутри коммуникативного пространства права, создавая новые смыслы права, предназначения судебной власти в обществе. Имидж судебной власти в его позитивной коннотации во многом обусловлен теми правовыми (и нравственными) представлениями, которые существуют в обществе. По мнению теоретиков конституционализма, «он должен подпитываться с помощью различных (просветительских, институциональных, материальных и иных) мер, предпринимаемых государством»⁴¹⁵. Этот вариант этатистского подхода к функционированию судебной власти, как кажется, в некоторой степени размывает значение и реализацию принципа независимости судов, а потому уважение и авторитет суда в ходе медиатизации не требуют дополнительных сторонних усилий, помимо предоставления финансирования дальнейшей информатизации правосудия. Судебная власть, реализуя деятельность в форме признания верховенства права, не только становится источником достоверной, не требующей дальнейшей верификации, фактчекинга

---

⁴¹⁴ Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен: монография. – С. 267.

⁴¹⁵ Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Указ. соч. – С. 69.

правовой информации (что уже является элементом доверия к деятельности судов), но и одновременно проецирует в коммуникативной среде легитимность судебной власти. Независимость судебной власти выстраивается вокруг возможности транслировать справедливость как принцип права, правоприменения в само общество, тем самым выступая медиасубъектом. Общество, объединенное правопониманием, находясь в той степени легитимности, что позволяет принимать участие в рациональном правовом дискурсе, также влияет на судебную власть (в данном случае она будет медиаобъектом), выказывая ей доверие, но одновременно оставляя за собой возможность допускать критику публичного характера.

Особый интерес представляет предложенная в раскрытие топоса судебной власти В.В. Момотовым триада уважения, включающая в себя:

- 1) уважение в отношениях внутри судейского сообщества: между судьями одного суда, между председателем суда и судьями возглавляемого им суда, между председателями разных судов, между инстанционными судами;
- 2) уважение в отношениях между судом и участниками процесса;
- 3) уважение в отношениях между судом и гражданским обществом⁴¹⁶.

Отдельно хочется выделить отношения со средствами массовой информации, или медиа, с позиций медиацентричности в том смысле, что для современной цивилизации не так важно содержание сообщения, сколько средство его передачи, сама форма. Медиа суть сообщение – *the medium is the message*⁴¹⁷. В целом отношения, о которых говорит В.В. Момотов, и есть коммуникация. Однако социальную и правовую коммуникацию нельзя понять без обращения к социологии, лингвистике, феноменологии, герменевтике, информатике, а также структурализму и постструктурализму. Необходимо обращение к понятиям информации, текста, диалога, интерпретации, знака, значения, системы – все вместе они выводят отношения на тот уровень, который будет транслировать в том числе и символическое значение топосов судебной власти. Новая символика

⁴¹⁶ См.: Момотов В.В. Уважение к суду как правовая категория: реальность и перспективы в России / В.В. Момотов // Судья. – 2019. – № 4. – С. 11.

⁴¹⁷ См.: Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. – С. 17.

рождается с получением коммуникативного опыта трансляции и принятия, причем, если следовать взглядам Маршалла, предметный ряд, влияющий на визуальный (архитектура и дизайн помещений судов), звуковой, деятельный (ритуал проведения судебного заседания, в том числе по видеоконференц-связи) контекст восприятия правосудия также участвует в формировании топоса «уважение к суду».

Применительно к медиатизации этого топоса важно перенести фокус исследования на акторов, получающих информацию от суда. Этот перенос предполагает возможность рефлексировать и самостоятельно анализировать свои потребности в получении судебного контента. В таком случае мы обращаемся к теории замещения властных методов коммуникативным манипулированием в процессе реализации судебной власти. Создание механизма согласия, что равно уважению (т.е. признанию безусловной ценностью и согласию общества в этом), позволяет не использовать прямое принуждение при принятии тех или иных правовых позиций, выработанных судебной практикой. Такая замена принудительных механизмов реализации властных предписаний идеологическим аппаратом – коммуникативным механизмом согласия – нашла отражение в одной из теорий медиатехнологий⁴¹⁸. Идеологический аппарат государства – это устоявшийся термин, предложенный Л. Альтюссером в рамках критической медиатеории постмарксистской школы. Для теории медиатизации он интересен и применим исключительно с позиций возможности использования властного влияния на правовое сознание и коммуникативных условий (а в ситуации с судами – правовых), когда предлагаются воображаемые отношения акторов коммуникации с реальными условиями их существования, что вполне соответствует постклассической рациональности. Ученик Альтюссера П. Бурдьё разделял концепт символического насилия для понимания той роли, которую выполняют медиа в общественной жизни. Здесь же, в теме влияния и передачи ценностной (правовой, судебной) информации в социуме, можно обратиться и к

---

⁴¹⁸ См.: Althusser L. *Idéologie et appareils idéologiques d'Etat* // Althusser L. *Positions* (1964–1975). – Paris, 1976. – P. 67–125.

точке зрения И.Л. Честнова, который размышлял о диалоге традиции и воли: «Социальные структуры образуют традиции, которые обуславливают волю конкретных акторов»⁴¹⁹.

«Традиция включает в себя то, что передается (признанный как важный и необходимый для нормального функционирования и развития социума и его субъектов определенный объем социокультурной информации), и то, как осуществляется эта передача, т.е. коммуникативно-трансляционно-трансмутационный способ внутри и межпоколенческого взаимодействия людей в рамках той или иной культуры (и соответствующих субкультур) на основе общего понимания и интерпретации накопленных в прошлом данной культуры (и соответствующих субкультур) смыслов и значений»⁴²⁰. Уважение к суду как топос судебной власти относится к тому элементу социокультурного опыта с универсальным в настоящее время медиатизированным способом передачи, который создает в социокультурных процессах преемственность в восприятии суда (как места разрешения конфликта, хранителя ценности справедливости) в качестве социального архетипа.

Изучение топоса «уважение к суду» возможно через социальное измерение деятельности судебных институтов по оценке общественного мнения. Несмотря на открытость судебной власти и предоставление информации о судебных актах, сами суды и судьи остаются закрытыми для проведения каких-либо социологических исследований, благодаря которым можно было бы внести коррективы в понимание топоса «уважение к суду» с точки зрения социума и судебной власти. Вполне возможно, что исходный для формирования уважения ценностный ряд будет несовпадающим у акторов коммуникации «уважения». О том, что институт социального контроля за правосудием должен включать в себя «профессиональную и общественную экспертизу судебных постановлений по конкретным делам; развитие практики систематического научного обсуждения судебных актов, обобщений судебной практики по отдельным проблемам и

---

⁴¹⁹ Честнов И.Л. Генетическая и постклассическая методология в историко-правовой науке. – С. 34.

⁴²⁰ Абушенко В.Л. Традиция // Социология: энциклопедия / сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин и др. – Минск, 2003. – С. 1134.

результатов общественного контроля над деятельностью судебной системы, осуществляемого институтами гражданского общества... публикацию в открытой печати максимально полной судебной статистики, чтобы наука и структуры гражданского общества имели возможность анализировать состояние и тенденции развития судебной практики», говорил В.Д. Зорькин, особо подчеркивая существенное снижение эффективности мер по повышению открытости правосудия. Таким образом, открытость правосудия – это не просто комплекс технологических мер, обеспечивающий реализацию норм, регламентирующих прямой доступ в судебный процесс и к судебной информации (даже с учетом ее усеченности в виде деперсонализации).

Для реальной открытости правосудия нужны такие процедуры и институты, которые на основании первоисточника – судебных актов и статистики – формировали бы легитимный правовой массив судебной информации в коммуникативном (медиатизированном) процессе взаимодействия судов с институтами гражданского общества. В процессе этой социокультурной коммуникации и формируется топос уважения, которое может стать традиционным в случае непрерывности коммуникативного процесса с учетом его медиавостребованности.

В развитие темы слагаемого топоса «уважение к суду» обратимся к тому, что является основными ценностями нормативной культуры, легитимирующими деятельность судебной власти и служащими базисом для формирования уважения к суду у самих судей. В идеале общими для судебной власти ценностями будут справедливость и законность. Причем законность как дань позитивизму относится к ценностям советского периода. Такая ценность, как верховенство права, относится к преобладанию естественно-правовой концепции права, включая его коммуникативное направление. К поведенческим этическим нормам относят беспристрастность, независимость, бескорыстность, компетентность (профессиональную специализацию).

Наличие и сила нормативных ценностей в каждом конкретном судье рисует общий репутационный образ судебной системы и отчасти влияет на уважение к

судье, обладающему нормативной культурой. Отчасти это происходит, поскольку отечественная судебная система выстроена не на совокупности индивидуальных репутаций, воспринимаемых обществом, а на общей репутационной составляющей, не выделяющей судей как самостоятельные единицы, элементы процесса построения репутации.

Авторами одного из последних к моменту написания данного исследования и находящегося в открытом доступе социологического труда были выявлены социально-демографические характеристики судебного корпуса, ценности и нормы, специфика профессионального поведения⁴²¹. В аспекте изучения уважения к суду нас интересует отношение судей к основным ценностям, обозначенным в этой работе как триада «законность – защита прав – справедливость», которая, в свою очередь, может быть обозначена как миссия судьи. Точнее, для нас важен вывод о том, что «ценностная ориентация судей обладает достаточно высокой монолитностью. На первом месте судьи располагают "обеспечение законности", на втором – "защиту прав граждан", на третьем – "обеспечение справедливости". Если говорить о нюансах, то мужчины более старшего поколения, пришедшие из органов МВД и прокуратуры, проявляют некоторый уклон в сторону справедливости как миссии судьи»⁴²².

Интересен и нормативный портрет судьи (профессиональные нормы, которым приписывается наибольшая важность): «...наиболее частым выбором является "знать букву закона" – 63,9%. Это перекликается с выбором законности как главной ценности, но вносит оттенок легализма. Вторая по частоте выбора норма (качество судьи) – быть справедливым, 51,9%, что, опять же, не противоречит ценностной модели. Далее следует выбор "быть независимым", который отметили 50,5% судей. На четвертом месте – "быть непредвзятым", 39,5%. Быть специалистом в какой-либо отрасли права выбрали 22,8% (это

---

⁴²¹ Исследование проводилось в феврале – июне 2011 г. На подготовительном этапе было проведено восемнадцать фокусированных экспертных интервью с судьями из четырех регионов Российской Федерации. Затем был проведен опрос в пяти регионах из пяти федеральных округов. Всего было заполнено 759 анкет. В ноябре – декабре 2011 г. было проведено шесть дополнительных интервью с судьями для интерпретации результатов опроса. При 99% уровне доверительной вероятности ошибка выборки составляет 4,6%» (Волков В.В., Дмитриева А.В., Титаев К.Д., Поздняков М.Л. Указ. соч. – С. 3).

⁴²² Волков В.В., Дмитриева А.В., Титаев К.Д., Поздняков М.Л. Указ. соч. – С. 29.

должно сопутствовать знанию законов); техническая норма, не специфичная для судьи, но общесудейского свойства, "быть внимательным и аккуратным" занимает значимое место, 21,7%. Относительно менее требовательны судьи по части „бескорыстности“ – только 18,3% выбрали "быть бескорыстным". А "гуманизм" практически не признается в качестве профессиональной нормы, этот ответ выбрали 4% судей»⁴²³.

Такой подробный акцент на ценностях и нормах важен для соотношения результатов цитируемого исследования с теми нормативными установками, которые задаются документом, инкорпорирующим ценностно-нормативные требования для судейского сообщества, – Кодексом судейской этики, в преамбуле которого утверждается, что «судебная защита прав и свобод человека может быть обеспечена только компетентным и независимым правосудием, осуществляемым на началах справедливости и беспристрастности». Иерархия ценностей и поведенческих нормативов судейского корпуса может быть пересмотрена с учетом изучения состава судейского корпуса, изучения общественного мнения о миссии судьи в различных социальных и профессиональных группах, с тем чтобы нормативная культура судейского сообщества, легитимность судебной власти были опосредованы топосом «уважение к суду» и поддерживались традицией и медийным нарративом.

В целом такой элемент социальной реальности, как общество не является пассивным потребителем информационной политики судебной власти. Напротив, в условиях медиатизации общество, а значит, и общественное мнение способно само влиять на правовые идеологемы, предлагаемые судебной властью⁴²⁴.

Изучением того, как медиа влияют на судебную власть, занимаются большинство европейских судебных систем. Как правило, научные и социальные исследования следуют подходам, наработанным политическим дискурсом и в рамках постклассической методологии. И на данный момент уже есть немало заметных исследований в области медиатизации судебной власти.

---

⁴²³ Там же. – С. 30.

⁴²⁴ Например, дело Дадина, рассмотренное ЕСПЧ, получило широкую медийную огласку и позволило изменить национальную правовую позицию.

Так, о медиатизации права и суда в Израиле пишут исследователи в статье «Снятие повязки с глаз Юстиции: медиатизация права в Израиле»⁴²⁵. Взаимоотношения судов и СМИ в части характера освещения судебной деятельности, изучение влияния судебных решений на общественное мнение, равно как и обратный процесс влияния общества на социально важные судебные процессы, показывают сильные и слабые стороны медиатизации судебной власти. Массовые волнения, связанные с порядком формирования израильской судебной системы, наглядно показали возможность влияния общества на судебную власть⁴²⁶. Исследователи предложили ввести понятие *judinalism* как производное от слов «юстиция» и «журналистика», с помощью которого была обозначена область взаимодействия СМИ и судов по основным политико-правовым вопросам.

Опыт Израиля ярко продемонстрировал, что между средствами массовой информации и судебной властью существует неразрывная связь, которую последняя должна в своих интересах и интересах общества (если принимать во внимание медиатеорию об идеологическом аппарате) эффективно использовать для формирования уважения к суду, непрерывного поддержания позитивного образа судебной власти и одновременно определения вектора развития общественного мнения. «Судебное правотворчество и в целом деятельность судебной власти как института через медиатизацию влияют на формирование общественного мнения одновременно через выстроенную и отвечающую принципам быстроты, эффективности систему судебных инстанций, законность и справедливость непосредственно принятых судебных актов, соблюдение этических границ публичного и частного в поведении судьи, что выражается в постоянном медийном контроле по освещению событий и распространении информации»⁴²⁷. В контексте изучения уважения к суду в медийном пространстве

---

⁴²⁵ Peleg A., Bogoch B. Removing Justicia's Blindfold: The Mediatization of Law in Israel // *Media Culture & Society*. – 2012. – Vol. 34. – Iss. 8. – P. 961–978.

⁴²⁶ Что известно о судебной реформе в Израиле. URL: <https://tass.ru/info/17380235>

⁴²⁷ См.: Поворова Е.А. Медийная политика и топос судебной власти в медийном пространстве // *Российская юстиция*. – 2022. – № 10. – С. 64.

большое значение имеет мнение, сформированное у каждого отдельно взятого человека, так или иначе соприкоснувшегося с судебной системой.

Цели социологических исследований, например исследования «Повышение доступности правосудия для защиты прав граждан: методики и лучшие практики оценки и контроля для НКО»⁴²⁸, заключаются в том, чтобы «проанализировать мнение граждан, имеющих опыт взаимодействия с судами общей юрисдикции Российской Федерации, по вопросам доступности, эффективности судов, а также восприятия степени независимости и справедливости судебной системы, оценить уровень доверия граждан к судебным органам»⁴²⁹.

В названном социологическом исследовании интерес представляют результаты ответов на вопрос: «Могут ли повлиять на Ваше отношение к судебной системе сообщения в СМИ о громких событиях или изменениях в ней?». Более половины опрошенных (55,5%) ответили, что размещаемая в СМИ информация о каких-либо громких, общественно значимых делах или событиях, происходящих в судебных структурах, не влияет на их сформировавшееся отношение к судам. Этот показатель можно трактовать как равнодушие или незаинтересованность в подобной информации в принципе. В то же время цифры, которые говорят о низком уровне влияния (24,5%) информации, поступающей от судебной власти, свидетельствуют о том, что медийные средства сегодня малоэффективны в руках судебной системы. И здесь необходимо уточнить, что проведенное исследование основано на опросе фокус-группы посетителей судов общей юрисдикции в трех городах Российской Федерации (в Липецке, Волгограде, Ярославле) с учетом их принадлежности к незащищенным социально-демографическим подгруппам, а именно это лица старше 60 лет, пенсионеры, самозанятые, домохозяйки, временно неработающие лица, респонденты с низким уровнем образования⁴³⁰.

---

⁴²⁸ Данное исследование проводилось на средства Фонда президентских грантов в соответствии с условиями договора о предоставлении гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества № 19-2-003-756. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=B34498D5-8F73-418C-98A3-AB68A6161423>

⁴²⁹ Там же.

⁴³⁰ В каждом городе было проведено по 300 интервью, т.е. всего 900 интервью. Общая выборка, таким образом, составила 900 человек.

Безусловно, низкий уровень востребованности и влияния судебной информации можно объяснить снижением доверия к новостным и аналитическим источникам СМИ в принципе⁴³¹. Так, согласно данным, приведенным в публикации *APNews*⁴³², только 34% молодых американцев обращаются к *Instagram*⁴³³ за новостями как минимум один раз в день. У *Facebook*⁴³⁴ этот показатель равен 40%, у *YouTube* – 37%. При этом респонденты опроса (6 из 10) хотя и указали на проблему дезинформации, все равно ответили, что новости ищут на платформах, где эта дезинформация сконцентрирована максимально.

Медиадискурсу судебной системы посвящено достаточно работ⁴³⁵, где на основе различных методик исследуются типичные репрезентации в медиа отношений «судебная власть – народ», которые впоследствии интерпретируются аудиторией и в итоге конструируют социальную (медийную) действительность. Наиболее типовым выводом будет характеристика медиадискурса, находящегося в зависимости от редакционной политики изданий и предоставления информации о суде, с учетом степени его формализации. «В материалах, где суд формализован, судьи выступают механизированными актерами, что приводит к обезличиванию судебной системы. <...> Отсутствуют эмоция и оценка, информемы превалируют над прагмемами. Такой подход к освещению суда позиционирует суд как закрытое, отдаленное от общества ведомство. В группе текстов с менее формализованным образом суда чаще встречаются оценочные суждения, даются комментарии работе судей. Воздействие на эмоциональную

---

⁴³¹ Источники новостей и доверие СМИ. Интернет как источник информации: практики и доверие. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14170>

⁴³² Bauder D. Survey finds young people follow news, but without much joy/ URL: <https://apnews.com/article/young-americans-news-habits-8411cbe7e452352964ff3cc70cde551a>

⁴³³ Принадлежит компании Meta Platforms Inc., которая решением Тверского районного суда г. Москвы от 21 марта 2022 г. признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

⁴³⁴ Принадлежит компании Meta Platforms Inc., которая вышеупомянутым решением Тверского районного суда г. Москвы признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

⁴³⁵ См., например: Орлова Ю.О. Средства массовой информации в деятельности по формированию авторитета судебной власти: дис. ... канд. полит. наук. – М., 2004; Данкова Н.С. Дискурсивные стратегии репрезентации судебной власти в жанрах печатных СМИ: дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2017; Данкова Н.С., Дубровская Т.В. Репрезентация оппозиции «судебная власть – народ» в дискурсе российских печатных СМИ // Филология и человек. – 2014. – № 4. – С. 35–45.

сферу происходит посредством включения в заголовки лексики с негативной коннотацией»⁴³⁶.

Анализ текущего медиадискурса приводит к лежащим, казалось бы, на поверхности вопросам: насколько представления в медиа соответствуют реальному показателю уважения к суду во всем обществе? Действительно ли мы имеем дело с общественным мнением? В отсутствие обратной связи, установленной между судами и обществом в части социологических вопросов по измерению совпадения нормативных и поведенческих ценностей, изучения реакции общества на медийное освещение значимых социальных, политических, правовых вопросов, трудно говорить о наличии топоса «уважение к суду» как о практической, а не теоретической конструкции. Такой разрыв взаимной связи ставит под сомнение легитимность судебной власти, что особенно видно по невысокой исполнимости судебных актов – основной цели судебного процесса.

Репрезентация судебной власти в медиадискурсе с зачастую отсутствующим, т.е. не представленным, мнением иной стороны конфликта формирует стереотип восприятия судебной власти и, безусловно, является манипулятивной, что приводит к распространению в социальном пространстве позиции неуважения к суду, а при активной повторяемости – к формированию соответствующей традиции. Изменения в традициях возможны с учетом медиатизации судебной власти как источника информации, представляющего ее в социальных сетях, содержание и наполнение которых зависит от самого судебного института.

Поддержание обратной связи между судом и СМИ в условиях медиатизации должно осуществляться регулярно и быть одним из приоритетных направлений в реализации информационной политики судебной власти. Формирование образа судебной власти, ее эволюция и смена – это задачи как для исследования, так и для определения приоритетных топосов власти, имеющих значение для информационной политики.

---

⁴³⁶ Лукашевич Е.В., Фотиева И.В. Формирование медиаобраза судебной власти средствами массовой информации Алтайского края // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 6. – С. 584.

В настоящем исследовании топоса «уважение к суду» акценты были перемещены на информационную составляющую медиатизированного общества. Из традиционного взгляда на уважение к суду, воспринимаемое как триада «исполнение решений, распоряжений судей – процессуальные проступки и посягательства – уважение (признание) судебной власти в медиaprостранстве» фокус был направлен на финальную часть, поскольку в рамках целостного восприятия медиатизации судебной власти она является наиболее ярким маркером существования топоса.

Неоспоримо то, что судья живет в пространстве права. Точнее – в пространстве коммуникативного права в медиатизированном обществе. И в идеале своими действиями судья, или его коллективный образ, должен создавать и вовлекать в такое же пространство коммуникативного права весь социум.

Судебная власть как медиа находится вне влияния иных ветвей власти, собственников СМИ, политических и коммерческих предпочтений, а потому с учетом требований информационной политики может формировать свою медиасферу, совмещающую в концептуальной наполненности взгляды Л. Альтюссера (идеологический аппарат) и Ю. Хабермаса (публичная сфера, в которой право компенсирует неустойчивость социальной интеграции). Топос «уважение к суду» в медиасреде может быть раскрыт для общества с учетом активной реализации судами информационной политики судебной власти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено медиатизации судебной власти в контексте изучения медиатизации общества и права. Возможность использования междисциплинарного исследовательского подхода позволила связать постклассическую теорию права, медиатерминистский подход к развитию общества с эволюцией судебных институтов.

Постклассическая рациональность расширяет возможности правовой науки по изучению публичных институтов, социума с использованием различных подходов, конвергирующих право, социологию, антропологию, медиа, культурологию, что полностью соответствует тенденции развития современного общества с его стремлением к регуляции жизни в условиях медиатизации социальной и правовой реальности.

В ходе исследования были эксплицированы подходы постклассической теории, согласно которой право не существует вне идеальных представлений о нем, что означает, что правовая реальность находится в сложном воздействии правовых (идеологических) установок, транслируемых властными структурами и воспроизводимыми юридическими практиками. При этом с позиции постклассической теории существование правовой реальности заключается в одновременном реифицировании юридической практики в принципы права и распределении их, инкорпорировании в фактические действия человека. Человек, его социальные действия, ведущие к правовым последствиям, превращают индивида в субъекта права, именно человек создает правовую реальность и воспроизводит ее своими действиями и ментальной активностью. Включение медиатизации в этот постклассический антропологический поворот делает акцент на знаковые формы, текст, визуальный образ.

Рассмотрение особенности формирования правовой реальности через феномен медиатизации позволяет уточнить правовую реальность через опосредованную, в которой ее формирование происходит с учетом доминирования социокоммуникационных процессов, охвата

медиакоммуникационными сетями и потоками опосредованной информации на различных социальных уровнях.

Исследование показывает, что правовая реальность может быть рассмотрена как результат активной деятельности публичных социальных институтов по формированию юридически значимого поведения и убеждению населения в необходимости воспроизводства одобренных публичными властными институтами юридических практик. При этом система представлений о правовой реальности дополняется с учетом позиции актора – идеологической, исторической, социокультурной – и способа, которым он воспринимает окружающую действительность, предлагаемую медиапространством. Сконструированный мир таким образом реифицируется и начинает восприниматься как объективная данность.

Постклассическая методология права основывается на множественности модусов бытия права, его диалогичности, дискурсивности, сконструированности, а также контекстуальной или социокультурной и исторической обусловленности права. Такой подход дает возможность инновационного и классического исследования правовой реальности с воздействующим на нее феноменом медиатизации.

Методология социального конструктивизма в совокупности с иными методами постклассической теории права, такими как дискурс-анализ, позволяют рассмотреть правовое пространство как символическое восприятие массово воспроизводимых общественных интеракций, обозначаемых во внешнем проявлении в действиях и представлениях конкретных людей. При этом новый этап научной рациональности, о которой говорил В.С. Степин, не означает полный отказ от предшествующих методологических установок неклассического и классического исследования.

С позиции постклассической теории права и с использованием ее методологических концептов социальный мир, включая его правовую сферу, распознается как мир фактов и значений в виде объективизированных образов и индивидуализированных смыслов. Правовая сфера не представлена статичной

структурой, но находится в постоянном процессе объективации действий и смыслов и интериоризации реифицированных значений.

Медиатизация правового пространства амбивалентна и влечет как конструктивные, так и деструктивные последствия, которые, будучи взаимообусловленными, не могут восприниматься в отдельности друг от друга и подлежать нормативному регулированию в дискреции. Навязывание контента в виде доминирующих представлений в восприятии правовой, судебной практики, воздействие на ранжирование каналов передачи информации, утрата конфиденциальности личной жизни, замещение реальности медиареальностью относятся к деструктивной стороне медиатизации. Доступность информации, ее разнообразие и возможность выбора, повышение информационной, а вместе с ней и правовой грамотности индивидов, изменение социума благодаря инкорпорации медиатизации во все сферы бытия человека оптимизируют его социальную и бытовую действительность, что относится к позитивной стороне медиатизации.

Правовая реальность рассматривается как результат активной деятельности публичных социальных институтов по формированию юридически значимого поведения и убеждения населения посредством медиатизации в необходимости воспроизводства одобренных публичными властными институтами юридических практик. Сконструированный мир таким образом реифицируется, т.е. начинает восприниматься как объективная данность. В этом механизме замещения медиатизация играет ключевую роль, создавая правовые установки, паттерны поведения, мифологизируя право, как и иные социальные явления, в результате чего общество взаимодействует с псевдосредой в виде мифологизированной или идеологизированной социальной реальности, которая может значительно отличаться от объективной картины мира. Идеология вгоняет реальность в миф. И медиатизация выступает механизмом опосредования мифов (права) и конструирования правового пространства для юридической теории. С помощью медиатизации происходит инкорпорирование правовых, социальных модусов в повседневность и их восприятие аудиторией, тождественное окружающей физической реальности. Медиалогика означает формы одобряемого властными

группами правового и социального опыта, что приводит индивидов к конструированию способов восприятия социальной реальности и модели социальной активности.

Медиатизация правового и социального пространства приводит к появлению нового понятийного ряда, причем в него может быть включен неограниченный перечень новых терминов, легальное инкорпорирование которых в современную отечественную правовую систему зависит от времени их обживания в социальной среде, применения правообразовательных процедур инструментами юридической техники.

Медиакоммуникации сделали возможным заимствование смыслов, концептов и идеологием поверх национальных, культурных и территориальных границ. Особенно перспективным видится изменение роли правовой социологии в изучении судебной власти как института, измерении общества с позиций восприятия права и судебных институтов.

Открытость судебной власти в процессе медиатизации формирует информационную политику судов, трансформирует этическое наполнение статуса судьи и дает новый гносеологический и эмпирический материал для изучения института уважения к суду.

Аргументация судебных актов, судебная риторика приобретают особое значение, поскольку благодаря медиатизации составляют основу правового ландшафта общества. Правовые позиции, доведенные до общества и иных ветвей власти посредством технологий медиа, оказывают решающее влияние на легитимность власти и в целом на восприятие права как основной ценности.

В исследовании предложена авторская концепция влияния на судебную власть процессов социальных изменений, в которых медиатизация играет ключевую роль: расширение, замещение (замена), объединение и размещение.

Включенность медиатизации в общий мыслительный нарратив позволит выйти на новый уровень развития права как социального феномена, избежать правовых неопределенностей и предложить философско-правовые, этические начала для легитимации судебной власти в современном обществе.

Информационно-правовая политика судебной власти включена в медиaprостранство, основными компонентами которого являются медиа, информация, акторы, коммуникационные отношения.

Информационно-правовая политика судебной власти является частью социальной политики современного государства и предполагает гармоничное внедрение медиатехнологий в повседневные правовые практики индивидов, что влечет равноправное участие индивида, государства, социума в медиaprостранстве.

Автор настоящего исследования, на протяжении многих лет участвуя в качестве общественного представителя в работе органов судейского сообщества, в том числе в Комиссии Совета судей Российской Федерации по взаимодействию с государственными органами, общественными организациями и средствами массовой информации, а также занимаясь практическим формированием позитивного информационного поля вокруг судебной власти, выстраивала медийную политику издания «Судья», медийного канала «Правосудие.РФ» на опыте взаимодействия судебных структур с информацией в новом формате и с учетом заявленной на X Всероссийском съезде судей медийной политики.

Практически реализуя положения о выстраивании медиатизации, автор является одним из организаторов развития пресс-служб судов Российской Федерации, ежегодно разрабатывает тематику учебы пресс-секретарей, в которой основной акцент делается на значении медийной составляющей в информационной политике судебной власти и изменении характера деятельности судов в медийном поле.

Перспектива развития диссертационной темы состоит в углубленном исследовании влияния медиатизации на правовое пространство, публичные институты власти, в частности судебную власть и гражданское общество, а также на индивидов.

Основными итоговыми выводами настоящего исследования являются следующие положения.

Медиатизация судебной власти – это сложное, многоаспектное явление, рассматриваемое с позиций постклассической теории права как процесс и форма осуществления судебной власти в условиях информационной трансформации общественных отношений и правовой сферы общества, вбирающее в себя применение цифровых технологий, перспективы использования элементов искусственного интеллекта в судопроизводстве, активное существование в информационном пространстве. Всё это трансформирует значение судебной власти в обществе, формы реализации в нем информационно-правовой политики с учетом главного участника (актора) – института судебной власти, а также этические стандарты правосудия и судейского статуса.

Медиатизация судебной власти, формируемая на основе высокотехнологичной коммуникации (взаимодействия) суда с обществом, в практическом преломлении коммуникативного подхода к праву в условиях эволюционирующей цифровизации судебного производства, становится доминирующим фактором в развитии судебной власти как общеправового феномена, закрепляющего сформированные контекстуальные практики в общественно принятых ментальных образах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. (официальный текст Конституции Российской Федерации с внесенными поправками от 14 марта 2020 г.) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации «Право.ру». – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 2 апреля 2023 г.).
2. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 3 февраля 2014 г.) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 1. – Ст. 1.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Российская газета. – 2001. – № 256.
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Российская газета. – 2002. – № 137.
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Российская газета. – 2002. – № 220.
7. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.
8. Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 30. – Ст. 179.

9. Федеральный закон от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ (в ред. от 10 июля 2003 г.) «Об информации, информатизации и защите информации» // Российская газета. – 1995. – № 39.

10. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. – 2003. – № 202.

11. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в ред. от 13 июля 2015 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 10 января 2016 г.) // Российская газета. – 2006. – № 165.

12. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 23 июля 2013 г.) «О персональных данных» // Российская газета. – 2006. – № 165.

13. Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ (в ред. от 18 июля 2011 г.) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52 (ч. I). – Ст. 6217.

14. Высочайше утвержденные основные государственные законы от 23 апреля 1906 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: СПС «Гарант» (дата обращения: 14 декабря 2023 г.).

Правовые акты Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации

15. Указ Президента Российской Федерации от 28 июня 1993 г. № 966 (в ред. от 22 марта 2005 г.) «О Концепции правовой информатизации России» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. – 1993. – № 27. – Ст. 2521.

16. Указ Президента Российской Федерации от 20 января 1994 г. № 170 (в ред. от 9 июля 1997 г.) «Об основах государственной политики в сфере информатизации» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. – 1994. – № 4. – Ст. 305.

17. Указ Президента Российской Федерации от 10 августа 2000 г. № 1486 «О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации» // Российская газета. – 2000. – № 159.

18. Указ Президента Российской Федерации от 25 августа 2010 г. № 1060 (в ред. от 21 мая 2012 г.) «О совершенствовании государственного управления в сфере информационных технологий» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 35. – Ст. 4528.

19. Указ Президента Российской Федерации от 4 марта 2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием Интернет-ресурса "Российская общественная инициатива"» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 10. – Ст. 1019.

20. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 7 февраля 2008 г. № Пр-212 // Российская газета. – 2008. – № 34.

21. Постановление Правительства Российской Федерации от 20 ноября 2001 г. № 805 «О федеральной целевой программе "Развитие судебной системы России" на 2002–2006 годы» (с изм. от 6 февраля 2004 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 49. – Ст. 4623.

22. Постановлние Правительства Российской Федерации от 21 сентября 2006 г. № 583 «О федеральной целевой программе "Развитие судебной системы России" на 2007–2011 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 41. – Ст. 4248.

23. Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе "Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы"» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 1. – Ст. 13.

24. Приказ Минюста России от 10 июня 2000 г. № 176 «О первоочередных мерах по активизации работы министерства юстиции Российской Федерации по

обеспечению единого правового пространства Российской Федерации» // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. – 2000. – № 7.

25. Приказ Минюста России от 20 ноября 2000 г. № 332 «О введении в Министерстве юстиции Российской Федерации отчетности о деятельности по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации» // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. – 2000. – № 12.

Акты органов судейского сообщества

26. Постановление X Всероссийского съезда судей от 1 декабря 2022 г. № 1 «О развитии судебной системы Российской Федерации» // Судья. – 2023. – № 1.

27. Постановление X Всероссийского съезда судей от 1 декабря 2022 г. № 4 «О внесении изменений в Кодекс судейской этики» // Судья. – 2023. – № 1.

28. Постановление Совета судей Российской Федерации от 16 ноября 2001 г. № 60 «О Концепции информационной политики судебной системы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.06.2023).

29. Концепция информационной политики судебной системы на 2020—2030 годы (одобрена Советом судей Российской Федерации 5 декабря 2019 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Гарант» (дата обращения: 09.06.2023).

30. Постановление Совета судей Российской Федерации от 11 апреля 2002 г. № 75 «Об информатизации судов» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.06.2023).

31. Постановление Президиума Совета судей Российской Федерации от 21 июня 2010 г. № 229 «Об утверждении Положения о порядке рассмотрения судами общей юрисдикции поступающих в электронной форме обращений граждан (физических лиц), организаций (юридических лиц), общественных объединений, органов государственной власти и (или) органов местного самоуправления» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.06.2023).

32. Постановление Президиума Совета судей Российской Федерации от 23 мая 2011 г. № 262 «О разработке концепции федеральной целевой программы "Развитие судебной системы России» на 2013–2017 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.06.2023).

33. Постановление Президиума совета судей Российской Федерации от 28 февраля 2013 г. № 328 «О проекте концепции развития и информатизации судов общей юрисдикции на 2013–2020 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ssrf.ru/page/10006/detail/> (дата обращения: 09.06.2023).

34. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 20 апреля 2009 г. № 71 (ред. от 14 февраля 2011 г.) «Об утверждении Регламента размещения информации о деятельности судов общей юрисдикции, органов судейского сообщества, системы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в сети "Интернет"» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.06.2023).

35. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 11 августа 2010 г. № 173 «Об утверждении Временного регламента размещения информации о деятельности мировых судей на официальных сайтах органов Судебного департамента в субъектах Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.06.2023).

Монографии, учебники, учебные пособия

36. Абушенко В.Л. Традиция // Социология: энциклопедия / В.Л. Абушенко; сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин [и др.]. – Минск: Книжный дом, 2003. – 1312 с.

37. Анишина В.И. Система основополагающих принципов правосудия в российском праве // Самостоятельность и независимость судебной власти Российской Федерации / В.И. Анишина; под ред. В.В. Ершова. – М.: Юрист, 2006. – 493 с.

38. Алексеев Н.Н. Основы философии права / Н.Н. Алексеев. – СПб.: Лань, 1999. – 251 с.
39. Алексеев С.С. Теория права / С.С. Алексеев. – М.: БЕК, 1995. – 222 с.
40. Арзамасов Ю.Г. Нормография: теория и технология нормотворчества: учебник для вузов / Ю.Г. Арзамасов; под ред. Ю.Г. Арзамасова. – М.: Юрайт, 2023. – 542 с.
41. Бакулев Г.П. Массовая коммуникация: западные теории и концепции / Г.П. Бакулев. – М.: Аспект пресс, 2005. – 176 с.
42. Бакштановский В.И. Этнос среднего класса: Нормативная модель и отечественные реалии / В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов. – Тюмень, 2000. – 271 с.
43. Бачило И.Л. Организационно-правовые проблемы АСУ / И.Л. Бачило, Ю.А. Тихомиров. – М.: Наука, 1979. – 311 с.
44. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество / Д. Белл. – М.: Academia, 1999. – 788 с.
45. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 337 с.
46. Бернстайн У. Массмедиа с древнейших времен и до наших дней / У. Бернстайн. – М.: АСТ, 2017. – 512 с.
47. Бондарь Н.С. Правосудие: ориентация на Конституцию: монография / Н.С. Бондарь, А.А. Джагарян. – М.: Норма, 2018. – 224 с.
48. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм: доктрина и практика / Н.С. Бондарь. – М.: Норма, 2016. – 528 с.
49. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия / Н.С. Бондарь. – М.: Норма, Инфра-М, 2011. – 544 с.
50. Бондарь Н.С. Конституция России в современную эпоху глобальных перемен: от политических иллюзий к юридическому реализму / Н.С. Бондарь. – М.: Юрист, 2018. – 83 с.

51. Бурдина Е.В. Электронное правосудие: монография / Е.В. Бурдина, С.В. Зуев. – М.: РГУП, 2021. – 344 с.
52. Варламова Н.В. От философии права к юридической догматике / Н.В. Варламова // Варламова Н.В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории и права. – М.: ГУ ВШЭ ИГП РАН, 2010. – 140 с.
53. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990.– 804 с.
54. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник / А.Б. Венгеров. – М.: Юриспруденция, 2000. – 528 с.
55. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине / Н. Винер. – М.: Наука, 1983. – 344 с.
56. Власенко, Н.А. Методологические основания исследования правовых ценностей / Н.А. Власенко. – М.: Норма, 2023. – 197 с.
57. Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности): монография / Г.А. Гаджиев. – М.: Норма; Инфра-М, 2013. – 320 с.
58. Гернет М.Н. Суд или самосуд. / М.Н. Гернет. – М. : Изд. Рос. союза потреб. о-в. – 1917. – 14 с.
59. Гусейнов А.А. Этика / А.А. Гусейнов, Р.Г. Апресян. – М.: Гардарики, 1998. – 470 с.
60. Денисенко В.В. Легитимность права и концепция современной правовой политики / В.В. Денисенко. – М.: Проспект, 2022. – 240 с.
61. Денисенко В.В. Право и нарративы / В.В. Денисенко, М.К. Ивина, Н.Ф. Ковкель [и др.]; под общ. ред. В.В. Денисенко, А.К. Соболевой, И.Л. Честнова. – М.: Проспект, 2022. – 128 с.
62. Залоило М.В. Искусственный интеллект в праве: науч.-практ. пособие/ М.В. Залоило; под ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. – М.: Инфотропик Медиа, 2021. – 132 с.
63. Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен: монография / В.Д. Зорькин. – М.: Норма; Инфра-М, 2013. – 496 с.

64. Игер Л. Этика как общественная наука / Л. Игер. – М.: Мысль, 2019. – 478 с.
65. Исаев И.А. Историческая метафизика власти и закона: обращение к истокам. Очерки по истории и философии права / И.А. Исаев. – М.: Проспект, 2024. – 272 с.
66. Кастельс М. О власти и коммуникации в сетевом сообществе (сводный реферат) // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества: сборник научных трудов / М. Кастельс; отв. ред. Л.Н. Верченков, Д.В. Ефременко, В.И. Тищенко. – М.: ИНИОН РАН, 2013.
67. Касториadis К. Воображаемое установление общества / К. Касториadis. – М.: Гнозис, Логос, 2003. – 480 с.
68. Кирия И.В. Телевидение и Интернет Франции на пути к информационному обществу / И.В. Кирия. – М.: Изд-во МГУ, 2005. – 215 с.
69. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право: очерки по методологии социальных наук и общей теории права / Б.А. Кистяковский // Кистяковский Б.А. Философия и социология права. – СПб.: Изд-во Рус. Христиан. Гуманит. ин-та, 1998.
70. Коган В.З. Теория информационного взаимодействия: философско-социологические очерки / В.З. Коган. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1991. – 316 с.
71. Колоколов Н.А. Судебная власть: от лозунга к пониманию реальности / Н.А. Колоколов. – М.: Юрист, 2010. – 399 с.
72. Колоколов Н.А. Судебная власть как общеправовой феномен / Н.А. Колоколов. – М.: Юрист, 2007. – 328 с.
73. Корнев В.Н. Правопорядок и социальный порядок: проблемы соотношения / Право. Порядок. Ценности // В.Н. Корнев; под общ. ред. Е.А. Фроловой. – М.: Проспект, 2022. – 688 с.
74. Купцова О.Б. Языковая неопределенность права: вариативность понимания и технико-юридические средства преодоления // Неопределенность

права: философское осмысление и юридическое значение: монография / О.Б. Купцова; под общ. ред. О.Ю. Рыбакова. – М.: Проспект, 2023. – 296 с.

75. Лебедев В.М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития / В.М. Лебедев. – СПб.: Лань, 2001. – 393 с.

76. Лекторский В.А. Трансформация эпистемологии: новая жизнь старых проблем / В.А. Лекторский // Эпистемология: перспективы развития. – М.: Канон, РООИ «Реабилитация», 2012. – 536 с.

77. Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном / Д.С. Лихачев. – М.: Прогресс, 2018. – 192 с.

78. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю.М. Лотман. – СПб., 2016. – 608 с.

79. Луман Н. Медиакоммуникации / Н. Луман. – М.: Логос, 2005. – 280 с.

80. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн. – М.: Гиперборей, 2007. – 462 с.

81. Малахов В.П. Миф о научности юридической теории / В.П. Малахов // Стандарты научности и homo juridicus в свете философии права: материалы пятых и шестых философ.-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсисянца / отв. ред. В.Г. Графский. – М.: Норма, 2011. – 223 с.

82. Мальцев Г.В. Социальные основания права / Г.В. Мальцев. – М.: Норма, 2011. – 799 с.

83. Матузов Н.И. Теория государства и права: учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2005. – 541 с.

84. Немытина М.В. Право России как интеграционное пространство / М.В. Немытина. – Саратов: Научная книга, 2008. – 260 с.

85. Нерсисянец В.С. Общая теория права и государства / В.С. Нерсисянец. – М.: Норма, Инфра-М, 1999. – 552.

86. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: АСТ, 2002. – 509 с.

87. Осветимская И.И. Пределы релятивизма в праве // Релятивизм в праве: коллективная монография / И.И. Осветимская; под ред. И.И. Осветимской, Е.Н. Тонкова. – СПб.: Алетейя, 2021. – 348 с.
88. Пашенцев Д.А. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография / Д.А. Пашенцев. – М.: Норма; Инфра-М, 2021. – 184 с.
89. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л.И. Петражицкий. – СПб.: Лань, 2000. – 608 с.
90. Поляков А.В. Антрополого-коммуникативное обоснование прав человека / А.В. Поляков // Поляков, А.В. Коммуникативное правопонимание: Избранные труды. – СПб.: Алеф-Пресс, 2014. – 575 с.
91. Поляков А.В. Общая теория права: учебник / А.В. Поляков, Е.В. Тимошина. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2005. – 472 с.
92. Приходько И.А. Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы / И.А. Приходько. – СПб.: Изд-во юрид. факультета Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2005. – 669 с.
93. Рассолов И.М. Право и Интернет. Теоретические проблемы / И.М. Рассолов. – М.: Норма, 2009. – 383 с.
94. Рикер П. Время и рассказ / П. Рикер. – М.: ЦГНИИ ИНИОН РАН; СПб.: Культурная инициатива, 1998. – 313 с.
95. Рыбаков О.Ю. Философия права: учебник для магистров / О.Ю. Рыбаков. – М.: Проспект, 2021. – 240 с.
96. Ростова Н.Н. Философия трансмедиа: коллективная монография / Н.Н. Ростова; под ред. Н.Н. Ростовской. – М.: Проспект, 2022. – 88 с.
97. Рубенис А.А. Техника и нравственность / А.А. Рубенис // Этическая мысль: научно-публицистические чтения. – М.: Политиздат, 1992. – 446 с.
98. Савчук В.В. Медиафилософия: формирование дисциплины // Медиафилософия. Основные проблемы и понятия / В.В. Савчук; под ред. В.В. Савчука. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2008. – 346 с.
99. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия / В.С. Соловьев // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1990.

100. Сперанский М.М. О силе общего мнения / Сперанский М.М. – Проекты и записки. – М.: Изд-во Акад. наук СССР. [Ленингр. отд-ние], 1961. – 244 с.
101. Сперанский М.М. План государственного преобразования графа М.М. Сперанского: (введение к Уложению государственных законов 1809 г.) / М.М. Сперанский. – М.: «Русская мысль», 1905. – VI. – 359 с.
102. Степин В.С. Классика. Неклассика. Постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука / В.С. Степин; отв. ред. Л.П. Киященко, В.С. Степин. – СПб.: Мир, 2009. – 671 с.
103. Степин В.С. Философская антропология и философия культуры / В.С. Степин. – М.: Альма-матер, 2020. – 542 с.
104. Степин В.С. Специфика научного познания // Наука: возможности и границы / В.С. Степин; отв. ред. Е.А. Мамчур. – М.: Наука, 2003. – 292 с.
105. Степин В.С. Теоретическое знание / В.С. Степин. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.
106. Талапина Э.В. Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект) / Э.В. Талапина. – М.: Юриспруденция, 2015. – 192 с.
107. Тихомиров Ю.А. Право: традиции и новые повороты: монография / Ю.А. Тихомиров. – М.: Проспект, 2021. – 207 с.
108. Тихомиров Ю.А. Право: прогнозы и риски: монография / Ю.А. Тихомиров. – М.: Инфра-М, 2015. – 240 с.
109. Тихомиров Ю.А. Правовое пространство: границы и динамика: монография / Ю.А. Тихомиров, А.А. Головина, И.В. Плюгина [и др.]; отв. ред. Ю.А. Тихомиров. – М.: Инфра-М, 2019. – 240 с.
110. Фуллер Лон Л. Мораль права / Лон Л. Фуллер. – М.: ИРИСЭН, 2007. – 308 с.
111. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности / Ю. Хабермас. – М.: Весь мир, 2022. – 878 с.
112. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб.: Наука, 2000. – 379 с.

113. Хабриева Т.Я. Будущее права. Наследие академика В.С. Степина и юридическая наука / Т.Я. Хабриева, Н.Н. Черногор. – М.: Инфра-М, 2020. – 174 с.
114. Хайек Ф. Право, законодательство и свобода / Ф. Хайек. – М.: ИРИСЭН, 2020. – 648 с.
115. Хук М. Право как коммуникация / М. Хук. – СПб.: ООО «Унив. изд. консорциум», 2012. – 207 с.
116. Честнов И.Л. Генетическая и постклассическая методология в историко-правовой науке / И.Л. Честнов // Историко-правовая наука в условиях современных трансформаций: сборник научных статей по итогам Всероссийского форума историков права / под ред. А.А. Дорской, Д.А. Пашенцева. – Саратов: Саратовский источник, 2022. – 393 с.
117. Честнов, И.Л. Диалогическая методология юридической науки / И.Л. Честнов // Методологические проблемы современной юридической науки: коллективная монография / под общ. ред. А.Г. Чернявского, Д.А. Пашенцева. – М.: Русайнс, 2015. – 304 с.
118. Честнов И.Л. Методология и методика научного исследования: учебное пособие / И.Л. Честнов. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. – 123 с.
119. Честнов И.Л. Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы: коллективная монография / И.Л. Честнов, Е.Н. Тонков [и др.]; под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. – СПб.: Алетейя, 2023. – 500 с.
120. Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография / И.Л. Честнов. – СПб.: Алеф-Пресс, 2012. – 649 с.
121. Честнов И.Л. Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности / И.Л. Честнов. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т прокуратуры Российской Федерации, 2000. – 104 с.
122. Честнов И.Л. Правопонимание в эпоху постмодерна / И.Л. Честнов. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2002. – 269 с.

123. Чичерин, Б.Н. Мистицизм в науке / Б.Н. Чичерин. – М.: Тип. Мартынова и Ко., 1880. – 191 с.
124. Чичерин Б.Н. Философия права / Б.Н. Чичерин. – СПб.: Наука, 1998. – 656 с.
125. Чичерин Б.Н. Мера и границы: сб. ст. / предисл. В.В. Момотова; подгот. текста, вступ. ст. и предисл. к статьям С.Л. Чиждкова. – М.: И.Д. Развитие правовых систем, 2023. – 400 с.
126. Чичерин Б.Н. Общее государственное право / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2006. – 505 с.
127. Чулюкин Л.Д. Природа и значение цели в советском праве / Л.Д. Чулюкин. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1984. – 103 с.
128. Шмитт К. Политическая теология / К. Шмитт. – М.: Канон-пресс-Ц, 2000. – 333 с.

Статьи в журналах и периодических изданиях, материалы и доклады научных конференций

129. Авакьян С.А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право / С.А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 7. – С. 23–28.
130. Азнагулова Г.М. Техногенные процессы и тенденции трансформации государственно-правовой идентичности личности / Г.М. Азнагулова // Журнал российского права. – 2022. – № 3. – С. 22–34.
131. Азнагулова Г.М. Постиндустриальная социальность: расходы или инвестиции в человека? / Г.М. Азнагулова, А.В. Попова // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – № 4. – С. 15–22.
132. Азнагулова Г.М. Проблема правопонимания в условиях цифровой реальности / Г.М. Азнагулова, П.П. Малахов // Вестник Московского городского педагогического университета. – 2021. – № 2. – С. 37–44.
133. Айтматов Ч. Быть эхом мира / Ч. Айтматов // Вопросы литературы. – 1986. – № 3. – С. 4–13.

134. Алекси Р. Юридическая аргументация как рациональный дискурс / Алекси Р. // Российский ежегодник теории права. – 2008. – Вып. 1. – С. 446–456.
135. Анненкова, И.В. Медиатизация правовой сферы: к постановке проблемы / И.В. Анненкова, М.А. Пильгун, Н.Н. Черногор // Журнал российского права. – 2018. – № 10. – С. 5–14.
136. Бемянская О.В. Меры по обеспечению безопасности персональных данных пользователей инфокоммуникационных технологий как часть процедур по предотвращению конфликтов в цифровом пространстве / О.В. Бемянская // Государственно-правовые исследования. – 2022. Вып. 5. – С. 249–254.
137. Бемянская О.В. Процесс правореализации в условиях цифровизации / О.В. Бемянская., А.А. Чомаев // Гуманитарные и юридические исследования. – 2022. Т. 9 (4). – С. 630–637.
138. Бемянская О.В. К вопросу о понимании правовой реальности / О.В. Бемянская // Актуальные проблемы государства и права. – 2018. – Т. 2. – № 6. – С. 5–15.
139. Бондарь Н.С. Информационно-правовое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации / Н.С. Бондарь // Журнал российского права. – 2019. – № 11. – С. 25–42.
140. Борисова Л.В. Об основных направлениях становления и развития электронного правосудия в современной России / Л.В. Борисова // Право и цифровая экономика. – 2020. – № 2. – С. 32–35.
141. Бурашникова Н.А. Взаимодействие со средствами массовой информации в условиях современного общества / Н.А. Бурашникова // Судья. – 2019. – № 5. – С. 18–23.
142. Венгеров А.Б. Право и информационное обеспечение АСУ / А.Б. Венгеров // Советское государство и право. – 1972. – № 8. – С. 28–36.
143. Власова Г.Б. Символы и ритуалы как культурные характеристики судебного процесса / Г.Б. Власова // Философия права. – 2007. – № 2. – С. 69–73.

144. Гаджиев Г.А. Конституционно-правовое концептуальное пространство и его ценности / Г.А. Гаджиев // Правовая мысль: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 3–17.
145. Гаджиев Г.А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) / Г.А. Гаджиев, Е.А. Войниканис // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 4. – С. 24–48.
146. Гаджиев Х.И. Роль контекста в эволюции судебной аргументации / Х.И. Гаджиев // Российская юстиция. – 2021. – № 8. – С. 2–4.
147. Гаджиев Х.И. Судебное правотворчество в международном правосудии / Х.И. Гаджиев // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 3. – С. 118–129.
148. Гаджиев Х.И. Судебное правотворчество как вклад судей в развитие права / Х.И. Гаджиев // Российская юстиция. – 2022. – № 12. – С. 68–72.
149. Гаджиев Х.И. Правовые доктрины как отражение развития аргументации судебных решений / Х.И. Гаджиев. Судебная юриспруденция: от доктрины к единообразию судебной практики: коллективная монография / отв. ред. Н.С. Бондарь. – М.: Норма; Инфра-М, 2023.
150. Гаджиев Х.И. Эволюция судебной власти в информационном обществе / Х.И. Гаджиев, Е.А. Поворова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2023. – № 5. – С. 79–91.
151. Гернет М.Н. Вопрос адвокатской этики / М.Н. Гернет // Юридическая газета. – 1897. – № 63. – С. 1–4.
152. Грязин И.Н. Право есть миф / И.Н. Грязин // Правоведение. – 2011. – № 5. – С. 72–95.
153. Данилов Н.А. Социальная справедливость в информационном обществе: проблема цифрового равенства / Н.А. Данилов // Информационное право. – 2012. – № 2 (29). – С. 5–6.
154. Данкова Н.С. Репрезентация оппозиции «судебная власть – народ» в дискурсе российских печатных СМИ / Н.С. Данкова, Т.В. Дубровская // Филология и человек. – 2014. – № 4. – С. 35–45.

155. Жданова Ю.А. Правовая природа электронного правосудия и его место в системе институтов информационного общества / Ю.А. Жданова // Административное право и процесс. – 2015. – № 4. – С. 80–83.

156. Залоило М.В. Субъект права и динамика его правового статуса в условиях цифровизации / М.В. Залоило // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2021. – № 3. – С. 104–120.

157. Захаров В.В. Ньюсмейкеры от судейского сообщества: о роли Совета судей Российской Федерации в создании и реализации информационной политики судебной системы / В.В. Захаров // Судья. – 2021. – № 1. – С. 34–37.

158. Захаров В.В. Комиссия по связям с государственными органами, общественными организациями и средствами массовой информации / В.В. Захаров // Судья. – 2023. – № 6. – С. 21–22.

159. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире / В.Д. Зорькин // Российская газета. – 2018. – № 7578.

160. Зинков Е.Г. Правовая реальность и правовая действительность: понятие, категория, концепт в правовом пространстве / Е.Г. Зинков // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2018. – № 2. – С. 22–27.

161. Капустин А.Я. К вопросу о международно-правовой концепции угроз международной информационной безопасности / А.Я. Капустин // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 6. – С. 44–51.

162. Клеандров М.И. Социально-психологические и морально-этические проблемы формирования судейского корпуса / М.И. Клеандров // Журнал российского права. – 1999. – № 12. – С. 48–57.

163. Кожевина М.А. История отечественной юридической науки в постнеклассический период: понятие, теоретико-методологическое предназначение в научном познании / М.А. Кожевина // Российская юстиция. — 2023. – № 9. – С. 75–80.

164. Корнев А.В. Толкование права в контексте различных типов правопонимания / А.В. Корнев // Журнал российского права. – 2016. – № 8. – С. 29–43.
165. Корнев В.Н. Прагматика языка права / В.Н. Корнев // Правосудие/Justice. – 2023. – № 4. – С. 8–17.
166. Кравиц В. Нарративная юриспруденция или теория правовой коммуникации? Размышления о феноменологии повествования права / В. Кравиц // Правоведение. – 2012. – № 1. – С. 18–32.
167. Лазарев В.В. Судебный активизм в формировании правового пространства / В.В. Лазарев // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25. – № 9. – С. 5–17.
168. Лазарев В.В. Толкование права: классика, модерн и постмодерн / В.В. Лазарев // Журнал российского права. – 2016. – № 8. – С. 15–28.
169. Лебедев В.М. Гарантии независимости судебной власти в Российской Федерации: концепция, история становления и современное состояние / В.В. Лебедев // Журнал российского права. – 2019. – № 11. – С. 5–14.
170. Лесив Б.В. Уважение к суду как конституционная ценность: компаративный обзор / Б.В. Лесив // Судья. – 2019. – № 4. – С. 28–39.
171. Лукашевич Е.В. Формирование медиаобраза судебной власти средствами массовой информации Алтайского края / Е.В. Лукашевич, И.В. Фотиева // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 6. – С. 582–584.
172. Момотов В.В. Пространство права и власть технологий в зеркале судебной практики: современный взгляд / В.В. Момотов // Журнал российского права. – 2023. – № 2. – С. 112–123.
173. Момотов В.В. Судейское сообщество и средства массовой информации / В.В. Момотов // Судья. – 2019. – № 5. – С. 8–13.
174. Момотов, В.В. Правосудие в цифровой век / В.В. Момотов // Судья. – 2019. – № 2. – С. 5–9.
175. Момотов В.В. Уважение к суду как правовая категория: реальность и перспективы в России / В.В. Момотов // Судья. – 2019. – № 4. – С. 8–15.

176. Момотов В.В. Электронное правосудие: миф или реальность / В.В. Момотов // Российская юстиция. – 2021. – № 7. – С. 2–9.

177. Назарова В.С. Нарративная юриспруденция как методологическая концепция в современной западной философии права и пространстве междисциплинарных практик / В.С. Назарова // Философия права. – 2015. – № 6. – С. 25–29.

178. Ним Е.Г. (Не)социальное конструирование реальности в эпоху медиатизации / Е.Г. Ним // Социологическое обозрение. – 2017. – Т. 16. – № 3. – С. 409–427.

179. Осветимская, И.И. Коммуникация как конститутивный признак государства (в контексте глобализации) / И.И. Осветимская // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2014. – № 6. – С. 409–427.

180. Павлов В.И. К вопросу об антропологическом типе правопонимания / В.И. Павлов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2015. – № 4. – С. 71–97.

181. Пашенцев Д.А. Модернизация методологии правовых исследований в условиях становления новой научной рациональности / Д.А. Пашенцев // Журнал российского права. – 2020. – № 8. – С. 5–13.

182. Пашенцев Д.А. Правопорядок в контексте современной постклассической методологии / Д.А. Пашенцев, Н.Н. Черногор // Юридическая наука. – 2017. – № 1. – С. 21–25.

183. Петухов Н.А. Судебная система современной России: анализ соблюдения стандартов международного права (независимость судей, гласность правосудия и прозрачность судебной деятельности) / Н.А. Петухов, Е.В. Бурдина // Российское правосудие – 2017. – № 9 (137). – С. 32–54.

184. Поворова Е.А. Институт уважения к суду в медиапространстве / Е.А. Поворова // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 11. – С. 53–57.

185. Поворова Е.А. Медийная политика и топос судебной власти в медийном пространстве / Е.А. Поворова // Российская юстиция. – 2022. – № 10. – С. 60–65.

186. Поворова Е.А. Судебная власть Псковской республики в социальном и юридическом контексте / Е.А. Поворова // Российская юстиция. – 2023. – № 1. – С. 26–31.

187. Поворова Е.А. «Общее» мнение и публичная власть: по следам творческого наследия М.М. Сперанского / Е.А. Поворова // Историко-правовая наука в условиях современных социальных трансформаций: сборник научных статей. – Саратов, 2022. – С. 301–315.

188. Поляков А.В. Коммуникативный подход к праву как вариант постклассического правопонимания / А.В. Поляков // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки на современном этапе: сборник научных трудов / отв. ред. А.Л. Савенок. – Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2012. – С. 19–28.

189. Поляков А.В. Принцип взаимного признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву / А.В. Поляков // Труды Института государства и права РАН. – 2021. – Т. 16. – № 6. – С. 39–101.

190. Разуваев Н.В. Юридическая доктрина как средство конструирования правовой реальности / Н.В. Разуваев // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2019. – № 1. – С. 5–22.

191. Рудаков С.В. Доклад на ежегодном совещании судей судов общей юрисдикции, арбитражных и военных судов / С.В. Рудаков // Судья. – 2023. – № 4. – С. 28–31.

192. Рыбаков О.Ю. Эволюция идеи прав человека в ракурсе философии права / О.Ю. Рыбаков // Российская юстиция. – 2022. – № 12. – С. 73–80.

193. Рыбаков О.Ю. Философия благополучия современного социального государства/ О.Ю. Рыбаков // Философия права в условиях глобальных социальных трансформаций сборник научных статей по итогам Всероссийского форума историков права (Санкт-Петербург, 10–11 июня 2022 г.) / под ред. Д.А. Пашенцева и А.А. Дорской. – М.-Саратов: Саратовский источник. – 2022. – С. 51–59.

194. Соловьев А.А. Зарубежный опыт правового регулирования поведения судей и профессиональных представителей участников судебного разбирательства в социальных сетях / А.А. Соловьев, А.А. Попов // Судья. – 2022. – № 10. – С. 22–27.
195. Соловьев А.А. Лондонская декларация по вопросам судейской этики как базовый акт в области деонтологии европейских судей / А.А. Соловьев // Вестник ФАС Московского округа. – 2013. – № 4. – С. 118–130.
196. Соловьев А.А. Кодекс поведения судей Соединенных Штатов Америки // Российская юстиция. – 2023. – № 4. – С. 68–80.
197. Соловьев А.А. Сборник этических обязательств магистратов Французской Республики (часть 1) / А.А. Соловьев // Российская юстиция. – 2021. – № 11. – С. 71–88.
198. Соловьев А.А. Сборник этических обязательств магистратов Французской Республики (часть 2) / А.А. Соловьев // Российская юстиция. – 2021. – № 12. – С. 50–57.
199. Соловьев А.А. «Цифровое право» vs «цифровизация права» / А.А. Соловьев, Н.А. Шеяфетдинова, О.А. Глобенко // Государство и право. – 2023. – № 4. – С. 66–71.
200. Соловьев А.А. Этические обязательства судей: европейский подход к регулированию / А.А. Соловьев // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 3. – С. 89–95.
201. Степанов О.А. Социальные и правовые аспекты внедрения новых информационных технологий в общественную практику / О.А. Степанов // Современное право. – 2001. – № 5. – С. 19–25.
202. Степанов О.А. Цифровая трансформация управленческой сферы деятельности в регионах Российской Федерации / О.А. Степанов, Д.А. Басангов // Российская юстиция. – 2023. – № 7. – С. 50–58.
203. Сырых В.М. Общая теория права как философия, методология, логика и социология права / В.М. Сырых // Государственно-правовые исследования. – 2020. № 3. – С. 20–22.

204. Сырых В.М. Проблемы правового государства – основополагающее направление современных исследований российских правоведов / В.М. Сырых // Российская юстиция. – 2022. – № 1. – С. 16–24.

205. Сырых В.М. Постмодернизм в теории права – пустоцвет на живом древе юридического знания/ В.М. Сырых // Российская юстиция. – 2022. – № 12. – С. 43–52.

206. Талапина Э.В. О предмете информационного права / Э.В. Талапина // Государство и право. – 2013. – № 5. – С. 65–72.

207. Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы / Э.В. Талапина // Журнал российского права. – 2018. – № 2. – С. 5–17.

208. Тимошина Е.В. Судья как новый суверен: волюнтаристская теория толкования Мишеля Тропера / Е.В. Тимошина // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2016. – № 2. – С. 50–61.

209. Тимошина Е.В. Толкование права и социальная миссия юриспруденции: взгляд Л.И. Петражицкого / Е.В. Тимошина // Российская юстиция. – 2022. – № 12. – С. 53–61.

210. Тихонова С.В. Цифровое общество и цифровая антропология: трансдисциплинарные основания социально-эпистемологических исследований / С.В. Тихонова, С.М. Фролова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2019. – Т. 19. – Вып. 3. – С. 287–290.

211. Ульбашев, А.Х. Эволюция доктрины приватности (privacy) в американском праве / А.Х. Ульбашев // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 2. – С. 93–98.

212. Факеева Л.Е. К вопросу об участии судей в социальных сетях в рамках статуса судьи / Л.Е. Факеева // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. – 2020. – Т. 45. – № 1. – С. 123–132.

213. Федоров А.В. Проблемы обеспечения единого правового пространства / А.В. Федоров // Адвокат. – 2002. – № 8. – С. 48–51.

214. Филатова Л.В. Развитие государственных электронных сервисов в области правовой информации / Л.В. Филатова // Российская юстиция. – 2012. – № 4. – С. 42–45.

215. Хабриева Т.Я. Конфликт интересов: природа, предупреждение, социальное регулирование / Т.Я. Хабриева, А.Я. Капустин, А.В. Габов, Н.Н. Черногор // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 3. – С. 5–12.

216. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности / Т.Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2018. – № 9. – С. 5–16.

217. Черногор Н.Н. Медиатизация правовой сферы: к постановке проблемы / Н.Н. Черногор, И.В. Анненкова, М.А. Пильгун // Журнал российского права. – 2018. – № 10. – С. 5–14.

218. Честнов И.Л. Государство в постклассическом измерении / И.Л. Честнов // Криминалист. – 2019. – № 2. – С. 105–109.

219. Честнов, И.Л. Критический дискурс-анализ как метод постклассической теории права / И.Л. Честнов // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 1. – С. 67–74.

220. Честнов И.Л. Социальное конструирование правовой идентичности в условиях глобализации / И.Л. Честнов // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2010. – № 14. – С. 15–20.

221. Честнов И.Л. Постклассическое правопонимание / И.Л. Честнов // Общественные науки и современность. – 2010. – № 5. – С. 157–162.

222. Честнов И.Л. Правовая коммуникация в контексте постклассической эпистемологии / И.Л. Честнов // Правоведение. – 2014. – № 5. – С. 31–41.

223. Шмелева Т.В. Медиатизация как феномен современной культуры и объект исследования / Т.В. Шмелева // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2015. – № 7. – С. 145–148.

224. Шмитт, К. Эпоха деполитизаций и нейтрализаций / / К. Шмитт. // Социологическое обозрение. – 2001. – Т. 1. – № 2. – С. 49–51.

225. Annenkova I.V. Mediatization of the Legal Sphere in Russia: A New Digital Culture of Law in the Media Space / I.V. Annenkova, L.V. Stebeneva // *Kutafin Law Review*. – 2022. – Vol. 9. – P. 277–308.

Зарубежная литература

226. Alexy R. A Theory of Legal Argumentation: The Theory of Rational Discourse as Theory of Legal Justification / R. Alexy. – Oxford: Clarendon Press, 1989. – 323 p.

227. Althusser, L. *Idéologie et appareils idéologiques d'Etat* / L. Althusser / Althusser, L. *Positions (1964–1975)*. – Paris: Editions Sociales, 1976. – 172 p.

228. Asp K. Mediatization: Rethinking the Question of Media Power // *Mediatization of Communication* / K. Asp; ed. by K. Lundby. – Oslo: De Gruyter Mouton, 2014. – 752 p.

229. Baudrillard J. *Simulacra and Simulations* / J. Baudrillard. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994. – 164 p.

230. Couldry N. *The Mediated Construction of Reality* / N. Couldry, A. Hepp. – Cambridge: John Wiley & Sons, 2016. – 256 p.

231. Deacon D. Mediatization: Key Concept or Conceptual Bandwagon? / D. Deacon, J. Stanyer // *Media, Culture & Society*. – 2014. – Vol. 36. – Iss. 7. – P. 1032–1044.

232. Garoupa N. Reputation, Information and the Organization of the Judiciary / N. Garoupa, T. Ginsburg // *Journal of Comparative Law*. – 2009. – No. 1. – P. 227–256.

233. Gergen K. *Realities and Relationships: Soundings in Social Construction* / K. Gergen. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1994. – 356 p.

234. Habermas J. *Between Facts and Norms* / J. Habermas. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1996. – 631 p.

235. Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere* / J. Habermas. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1991. – 328 p.

236. Hayek F. The Use of Knowledge in Society / F. Hayek // *American Economic Review*. – 1945. – Vol. XXXV. – No. 4. – P. 519–530.

237. Hjarvard S. *The Mediatization of Culture and Society* / S. Hjarvard. – New York: Routledge, 2013. – 192 p.
238. Lasswell H.D. *The Theory of Political Propaganda* / H.D. Lasswell // *The American Political Science Review*. – 1920. – Vol. 21. – No. 3. – P. 627—631.
239. Levy P. *Collective Intelligence: Mankind's Emerging World in Cyberspace* / P. Levy. – Cambridge, Mass.: Perseus Books, 1999. – 225 p.
240. Lippmann W. *Public Opinion* / W. Lippmann. – New York: Harcourt, Brace and Company, 1922. – 427 p.
241. Lundb, K. *Mediatization: Concept, Changes, Consequences* / K. Lundby. – New York: Peter Lang, 2009. – 316 p.
242. Moscovici S. *Social Representations* / S. Moscovici, R.M. Farr. – Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – P. 3–69.
243. Peleg A. *Removing Justicia's Blindfold: The Mediatization of Law in Israel* / A. Peleg, B. Bogoch // *Media Culture & Society*. – 2012. – Vol. 34. – Iss. 8. – P. 961–978.
244. Perelman Ch. *The New Rhetoric: A Treatise on Argumentation* / Ch. Perelman, L. Olbrechts-Tyteca. – Notre-Dame: University of Notre-Dame Press, 1969. – 576 p.
245. Thompson J.B. *The Media and Modernity: A Social Theory of the Media* / J.B. Thompson. – Stanford: Stanford University Press, 1995. – 324 p.
246. Wiener N. *Cybernetics: Or Control and Communication in the Animal and the Machine* / N. Wiener. – New York: MIT Press, 1961. – 352 p.
247. Wiener N. *The Human Use of Human Beings* / N. Wiener. – Boston: Houghton Mifflin, 1950. – 261 p.

Судебная практика

248. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2008 г. № 3-П // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 2008. – № 10 (ч. II). – Ст. 976.

249. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2011 г. № 19-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 31. – Ст. 4809.

250. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2006 г. № 310-О [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Гарант» (дата обращения: 09.06.2023).

251. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 июля 2003 г. № 287-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Можнева Ивана Федоровича и коллективной жалобы граждан Гирдюк Татьяны Сергеевны, Маркеловой Людмилы Николаевны, Рацинской Галины Владимировны и других на нарушение их конституционных прав абзацем первым пункта 7 статьи 84 Налогового кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2003. – № 6.

252. Решение Дисциплинарной комиссии Верховного Суда Российской Федерации от 28 июля 2020 г. по делу № ДК20-39 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.06.2023).

253. Определение Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 16 февраля 2021 г. № АПЛ20-11Д [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Гарант» (дата обращения: 09.06.2023).

254. Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 2023 г. № ДК22-120 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Гарант» (дата обращения: 09.06.2023).

255. Решение Высшей квалификационной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vkks.ru/publication/41001/> (дата обращения: 30.03.2023).

Диссертации и авторефераты диссертаций

256. Архипов В.В. Семантические пределы права в условиях медиального поворота: теоретико-правовая интерпретация: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / В.В. Архипов. – СПб., 2019. – 354 с.

257. Батоболотова Е.Б. Судебная власть в системе общественных отношений: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Е.Б. Батоболотова. – Улан-Удэ, 2022. – 167 с.
258. Герасимова А.В. Функции судебной власти в механизме современного российского государства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.В. Герасимова. – Саратов, 2012. – 218с.
259. Данкова Н.С. Дискурсивные стратегии репрезентации судебной власти в жанрах печатных СМИ: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н.С. Данкова. – Саратов, 2017. – 209 с.
260. Дубровская Т.В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Т.В. Дубровская. – Саратов, 2010. – 509 с.
261. Евдеева Н.В. Интегративные теории правопонимания в современной России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Н.В. Евдеева. – Н. Новгород, 2005. – 187 с.
262. Ефанов А.А. Глубинная медиатизация в неоинформационном обществе (на примере современных медиапрактик): дис. ... д-ра социол. наук: 5.4.4 / А.А. Ефанов. – М., 2021. – 391 с.
263. Орлова Ю.О. Средства массовой информации в деятельности по формированию авторитета судебной власти: дис. ... канд. полит. наук: 10.01.10 / Ю.О. Орлова. – М., 2004. – 145 с.
264. Поляков, А.В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / в виде научного доклада / А.В. Поляков. СПб., 2002. – 94 с.
265. Романова И.Е. Имидж судебной власти как ценность демократической культуры: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / Романова Ирина Егоровна. – Тюмень, 2006. – 142 с.
266. Саяпина И.Ю. Медийное конструирование социальной реальности: теоретико-методологический подход: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.01 / И.Ю. Саяпина. – Саратов, 2011. – 186 с.

267. Серый В.В. Имидж судебной власти в России как отражение социально-политических процессов: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / В.В. Серый. – М., 2011. – 216 с.

268. Шурыгина Е.Г. Изменение социокультурного статуса института суда в современном российском обществе: коммуникативные компоненты легитимации: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 / Е.Г. Шурыгина. – Ростов-на-Дону, 2009. – 221 с.

Электронные ресурсы

269. Выступление Председателя Совета судей Российской Федерации В.В. Момотова на пленарном заседании Совета судей Российской Федерации 23 мая 2023 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ssrp.ru/news/lienta-novostiei/50973> (дата обращения: 09.06.2023).

270. Заключительное слово делегатам X Всероссийского съезда судей Председателя Совета судей Российской Федерации Момотова Виктора Викторовича [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ssrp.ru/news/lienta-novostiei/49007> (дата обращения: 09.06.2023).

271. Источники новостей и доверие СМИ. Интернет как источник информации: практики и доверие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14170> (дата обращения: 09.06.2023).

272. Повышение доступности правосудия для защиты прав граждан: методики и лучшие практики оценки и контроля для НКО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=B34498D5-8F73-418C-98A3-AB68A6161423> (дата обращения: 09.06.2023).

273. Существуют ли международно признанные определения информационного общества? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iphras.ru/page46589323.htm> (дата обращения: 09.06.2023).

274. Уважение к суду [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zamyatnin.club/ru/zasedaniya/zasedanie-no4> (дата обращения: 09.06.2023).

275. Чваненко Д. Встать! Суд идет (онлайн)! / Д. Чваненко // Закон.ру. 2023. 2 марта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon.ru/blog/2023/03/02/vstat_sud_idet_onlajn (дата обращения: 04.04.2023).

276. Bauder D. Survey Finds Young People Follow News, but without Much Joy / D. Bauder [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://apnews.com/article/young-americans-news-habits-8411cbe7e452352964ff3cc70cde551a> (дата обращения: 09.06.2023).

277. European Communication Research and Education Association [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ecrea.eu/> (дата обращения: 07.06.2023).